

СОДЕРЖАНИЕ

Том 43, № 6, 2022

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН И 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Ф. ЛОМОВА

Годы, люди, книги: научно-издательская деятельность Института психологии РАН (1972–2021).

Часть I. Научно-организационные и библиометрические аспекты

В. И. Белопольский, А. А. Костригин, А. Л. Журавлев 5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Теория проблемных ситуаций: перспективы исследований. К 95-летию Алексея Михайловича Матюшкина

А. А. Матюшкина, В. А. Грудинин, М. И. Кунашенко 18

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Забудьте то, что выучили: влияние медитации на намеренное забывание

А. А. Сергеюк, О. В. Щербакова 28

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Системный анализ заданного экспериментатором и “свободного” поведения продуцирования лжи

А. В. Учаев, Ю. И. Александров 43

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Модификация психотерапевтического дискурса в условиях онлайн-консультирования (на примере психодинамического подхода)

А. Н. Воронин, О. В. Чвилева, И. В. Смирнов, М. А. Станкевич 51

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Исследование способностей руководителя научного коллектива в истории советской психологии

О. А. Артемьева 66

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ

Психометрические показатели и модификация методики негативного отношения к роботам (NARS)

В. А. Акмаев 76

Сравнение показателей нервно-психического развития российских детей с оригинальными нормами методики “шкалы развития Бэйли-III”

П. А. Павлова, Д. М. Максимов, Д. А. Чегодаев, С. Ю. Киселев 85

ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

Соматизация, психологический дистресс и качество жизни у сельских и городских жителей России

А. А. Золотарева, О. В. Смирникова, Ю. С. Витко 94

НАУКОМЕТРИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Цитируемость “Психологического журнала” в информационном пространстве ведущих мировых научных изданий

А. Н. Моргун, Ю. Н. Олейник, А. Л. Журавлев

105

ДИСКУССИЯ

Теория и практика психологии индивидуальности

Л. Н. Собчик

119

* * *

Журавлёва Елена Владимировна

131

Указатель статей, опубликованных в “Психологическом журнале” в 2022 г. Том 43

133

CONTENTS

Vol. 43, No. 6, 2022

TO 50-TH ANNIVERSARY OF INSTITUTE OF PSYCHOLOGY RAS TO 95-th ANNIVERSARY OF B.F. LOMOV

Years. People. Books: Scientific-Publishing Activity of the Institute of Psychology of the RAS (1972–2021): Scientific-Organizational and Bibliometric Aspects

V. I. Belopolsky, A. A. Kostrigin, A. L. Zhuravlev 5

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY

Theory of Problem Situations: Research Perspectives. To the 95th anniversary of Alexei Mikhailovich Matyushkin

A. A. Matyushkina, V. A. Grudinin, M. I. Kunashenko 18

COGNITIVE PSYCHOLOGY

Forget what You Have Learned: The Effect of Meditation on Intentional Forgetting

A. A. Serheyuk, O. V. Shcherbakova 28

PSYCHOPHYSIOLOGY

Systemic Analysis of Experimenter-Determined and “Free” Lie-Producing Behavior

A. V. Uchaev, Y. I. Alexandrov 43

CLINICAL PSYCHOLOGY

Modification of Psychotherapeutic Discourse in the Conditions of Online Consulting

A. N. Voronin, O. V. Chvilyova, I. V. Smirnov, M. A. Stankevich 51

HISTORY OF PSYCHOLOGY

Research into the Abilities of a Team Leader in the History of Soviet Psychology

O. A. Artem'va 66

METHODS AND PROCEDURES

Psychometric Indicators and Modification of the Negative Attitudes Towards Robots Scale (NARS)

V. A. Akmaev 76

A Comparison of Russian Infants and Toddlers with the Reference Norms of the Bayley Scales of Infant and Toddler Development-III2

P. A. Pavlova, D. M. Maksimov, D. A. Chegodaev, S. Y. Kiselev 85

PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Somatization, Psychological Distress, and Quality of Life in Rural and Urban Russians

A. A. Zolotareva, O. V. Smirnikova, J. S. Vitko 94

SCIENTOMETRIC IN PSYCHOLOGY

Citation of the “Psychological Journal” in the Information Space of the World's Leading Scientific Editions

A. N. Morgun, Yu. N. Oleinik, A. L. Zhuravlev

105

DISCUSSION

Theory and Practice of Psychology of Individuality

L. N. Sobchik

119

* * *

Zhuravleva Elena Vladimirovna

131

Index of articles published in “Psychological journal” in 2022. Volume 43

133

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
И 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Ф. ЛОМОВА

УДК 159.9

ГОДЫ, ЛЮДИ, КНИГИ: НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН (1972–2021).
ЧАСТЬ I. НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ¹

© 2022 г. В. И. Белопольский*, А. А. Костригин**, А. Л. Журавлев***

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

**Доктор психологических наук, главный научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии.*

E-mail: vbelop@mail.ru

***Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии.*

E-mail: artdzen@gmail.com

****Академик РАН, научный руководитель ФГБУН Института психологии РАН.*

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Поступила 20.10.2022

Аннотация. Дается общий исторический анализ издательской деятельности Института психологии РАН в 1972–2021 гг. На основе архивных материалов показаны роль и место академического книгоиздания в научно-организационной и научно-исследовательской деятельности Института психологии, выделены ключевые события и этапы его развития. Отмечается высокое значение самостоятельного выпуска изданий в распространении результатов научных исследований, в формировании научного статуса организации и ее сотрудников. Приведены результаты библиометрического анализа книжных изданий сотрудников Института психологии РАН за 50 лет его существования: динамика количества и объема публикаций, а также персональный вклад отдельных авторов в общий объем издательской продукции. Сделан вывод, что руководству Института психологии РАН на протяжении полувека, несмотря на серьезные социально-исторические и организационные изменения, удавалось обеспечивать стабильно высокий уровень публикаций научных достижений своих сотрудников.

Ключевые слова: история психологии, Институт психологии РАН, издательская деятельность, публикационная активность, библиометрический анализ.

DOI: 10.31857/S020595920023632-1

Созданному в 1972 г. Академией наук СССР Институту психологии [13] исполнилось 50 лет. В череде юбилейных публикаций важно не оставить без внимания и такой важнейший аспект его деятельности, как издание научных трудов, суммирующих основные достижения сотрудников Института. Публикации вводят в научный и социокультурный оборот полученные в ходе исследований результаты и служат показателями эффективности деятельности как отдельного ученого, так и всего коллектива.

Издательская деятельность научной организации является одним из ключевых факторов развития науки.

Место издательской деятельности в функционировании психологических научных и образовательных центров и становлении отдельных научных направлений в психологии рассматривалось в отношении Психологического общества при Московском университете [16; 27], Ленинградского государственного университета [17], Ярославского государственного университета [18] и др. В данной работе ставятся задачи описания на основе архивных материалов истории издательской деятельности в Институте психологии АН СССР

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 20-013-00680 “История российской академической психологии нового времени: научные школы, персоналии, детерминанты развития”).

(РАН) с начала его функционирования до наших дней. Для нас особенно важно было проследить, как и с какой эффективностью Институту удавалось выполнять эту деятельность в условиях происходивших кардинальных социально-исторических и организационных преобразований, смены системы ценностей и экономических отношений. Исторический экскурс дополнен наукометрическим анализом различных аспектов издательской деятельности Института, как качественным, так и количественным. Статья состоит из двух частей. Часть I посвящена научно-организационным и библиометрическим аспектам издательской деятельности Института за 50 лет.

ИСТОРИЯ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ АН СССР (РАН)

С момента организации Института психологии АН СССР в 1972 г. подготовка и публикация изданий находились в поле внимания руководства и являлись важным направлением деятельности сотрудников. Надо отметить, что сам статус академического института открывал доступ к вхождению предлагаемых им к печати книг в тематический план ведомственного издательства “Наука” [14; 15]. Публикации в этом издательстве рассматривались как приоритетные, к тому же они были организационно и финансово обеспечены Академией. Тематический план верстался на год вперед. Существовал лимит на количество книг, любое его превышение необходимо было обосновывать. Уже на первом заседании Ученого совета Института психологии 29 июня 1972 г. активно обсуждался вопрос подготовки изданий по психологии для их публикации в издательстве “Наука”. Директор и председатель Ученого совета Б.Ф. Ломов стимулировал написание монографий и сборников статей: “<...> институт очень заинтересован, чтобы в ближайшее время были подготовлены работы” [5, Л. 65]. Только что созданный Институт должен был показать потенциал научно-исследовательской работы, представить перспективу развития психологических исследований, сформировать положительный образ в структуре Академии наук СССР. Это подчеркнул участвовавший в том же заседании научный консультант академик П.К. Анохин: “<...> это первая печатная продукция Института, и для Института психологии это является очень перспективной работой, по которой будут оценивать, на что годится Институт” [5, Л. 66].

Во втором плане научно-исследовательских работ Института психологии АН СССР на 1973 г.

почти по каждой теме в качестве результата предполагалось издание коллективной монографии [6, Л. 3], что показывало высокий уровень готовности сотрудников Института продемонстрировать продуктивность собственных исследований. На это обратил внимание П.К. Анохин на заседании Ученого совета 19 октября 1972 г.: “<...> большинство тем, особенно в начальной части, примерно так начинаются: будет проведен анализ состояния и заканчивается дело обязательно монографией. Я с завистью посмотрел на все эти темы, которые заканчиваются монографией, а их много. Я никак не могу это сделать за всю свою жизнь” [5, Л. 120]. И в другом месте: “Я с завистью посчитал, что 14 тем заканчиваются монографиями. Это, конечно, будет большой литературный багаж Института <...>” [5, Л. 121]. Конечно, многие планы писались с некоторым запасом, однако это демонстрировало желание руководства и сотрудников Института создать собственную базу фундаментальных изданий, которые составляли бы теоретико-методологические предпосылки для дальнейших исследований и могли быть представлены как достижения в работе Института.

В задачи Ученого совета Института психологии входило рассмотрение подготовленных к изданию работ, их утверждение и представление в издательство “Наука”. Показательным является обоснование этой деятельности на заседании Ученого совета от 30 января 1973 г. В стенограмме заседания указывается: “Задача данного Совета состоит в том, чтобы заслушать авторов этих монографий и рецензентов, решить, может ли та или иная рукопись по своему качественному показателю быть сдана под грифом Института психологии АН СССР, достаточно ли ответственно отнеслись авторы к подготовке рукописи, учитывая, что академические издания должны иметь самый высокий уровень” [8, Л. 1]. Кроме того, в издании фундаментальных психологических работ был заинтересован Президиум АН СССР, в частности академик П.Н. Федосеев. Об этом говорил Б.Ф. Ломов на заседании Ученого совета 26 сентября 1974 г.: “<...> мне пришлось встречаться с вице-президентом Академии наук академиком П.Н. Федосеевым и вести с ним разговор об издании серии фундаментальных работ по психологии. Речь идет о таких трудах, которые могли бы давать исчерпывающую информацию о той или иной проблеме. И я просил руководителей всех лабораторий представить свои соображения о том, какие работы они могли бы приготовить в следующей пятилетке и в какие годы” [10, Л. 32].

В каждом отчете обязательно должна была содержаться информация о вышедших и подготовленных

к печати монографиях, сборниках статей и других публикациях [4, Л. 20; 7, Л. 39; 9, Л. 53]. Некоторые книги удостоивались признания на различных выставочных мероприятиях. Так, в 1975 г. на ВДНХ были награждены серебряной медалью книга В.Ф. Рубахина “Психологические основы обработки первичной информации” (1974), бронзовой медалью — монография Л.И. Анцыферовой “Материалистические идеи в зарубежной психологии” (1974) и коллективная монография “Коллектив и личность” (1975) под редакцией К.К. Платонова [11, Л. 98–99]. Некоторые отчеты включали справку о наиболее важных публикациях Института за определенные периоды: например, за 1973–1975 гг. среди таких книг были отмечены брошюра Б.Ф. Ломова “Психологическая наука и общественная практика” (1974), книга В.Ф. Рубахина “Психологические основы обработки первичной информации” (1974) и коллективная монография “Психологические исследования творческой деятельности” (1975) под редакцией О.К. Тихомирова [12, Л. 48–49].

В 1980-е годы сложилась ситуация, когда потребности Института в издании собственных трудов стали превышать возможности публикации во внешних издательствах, включая издательство “Наука”. Это создавало трудности в планировании работы, венцом которой является научная публикация. Встал вопрос о создании собственного издательства, тем более что ситуация в стране характеризовалась некоторым послаблением в сфере идеологического контроля над распространением печатной информации. Эта работа проходила в несколько этапов. 10 июня 1984 г. по распоряжению Президиума АН СССР № 10204 был организован редакционно-издательский совет (РИСО), 10 июля 1984 г. Институту было предоставлено право самостоятельно издавать монографии, сборники статей, материалы конференций, методические работы и др. [24, Л. 1]. Задачей РИСО было “издание печатных работ в установленном объеме, с соблюдением издательских требований ГОСТов, на высоком идейном, научном и литературном уровне” [26, Л. 1]. Издание работ происходило на договорной основе за счет средств Института психологии: ученый секретарь РИСО должен был ежегодно заключать договор с типографией, которая обеспечивала выполнение заказов.

Заявка на издание книги подавалась автором в РИСО Института и дополнялась аннотацией, планом-проспектом (для монографий) или перечнем авторов (для сборников) [19, Л. 1]. На утверждение в РИСО Академии наук передавались несколько экземпляров рукописи, две рецензии

(внутренняя и внешняя), аннотация заключения экспертной комиссии, представление ученого совета (выписка из протокола заседания), выписка из экспертизы Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (Главлит) [23, Л. 1]. После выпуска книги рассылались по нескольким официальным инстанциям (во Всесоюзную книжную палату, Главлит, ЦК КПСС, Президиум АН СССР, Государственный комитет Совета министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (Госкомиздат)), а также передавались в библиотеку и дирекцию Института психологии и коллегам из других учреждений и зарубежных стран [22, Л. 1].

Хотя формально издательство было организовано в 1984 г., первая книга — “Методы психологического исследования: проблемы и поиски путей реализации” под редакцией В.А. Барабанщикова и В.Н. Носуленко — вышла в нем только в 1986 г. На протяжении 10 лет (1986–1995 гг.) Институт психологии издал под своим импринтом несколько десятков книг, которые охватывали различные отрасли психологии (теорию и методологию психологии, историю психологии, психологию познавательных процессов, психологию личности, социальную психологию, психологию труда, инженерную психологию, психофизиологию и др.). 15 июня 1990 г. право на издание книг было продлено [24, Л. 3], а в середине 1990-х годов наступило время большей самостоятельности. Одновременно произошла смена руководства Института — после скоропостижно ушедшего из жизни Б.Ф. Ломова директором в начале 1990 г. был избран А.В. Брушлинский.

Этот период характеризуется практически тотальным переходом книгоиздательской индустрии на коммерческие рельсы. Государственные издательства были приватизированы, ведомственные перешли на самокупаемость. При этом образовалось и значительное количество частных издательств, в том числе ориентированных на психологическую тематику. Все это остро поставило вопрос об источниках финансирования для покрытия расходов на издание трудов сотрудников Института психологии, которые по определению являются низкоприбыльными, а чаще всего и убыточными. Частично производство книг финансировалось за счет внебюджетных средств Института, ряд книг публиковался по лицензионному соглашению с коммерческими издательствами, за счет привлеченных средств, а также по издательским грантам РФФИ (14 книг) и РГНФ (68 книг).

В 1995 г. РИСО был реорганизован в научно-издательский совет (НИСО) и научно-издательский

отдел (НИО, руководитель с 1995 по 1999 г. — А.К. Боковиков, с 1999 по 2002 г. — Т.И. Артемьева), задачами которых стали подготовка и издание научной, научно-методической, учебной и научно-популярной литературы по психологии [25, Л. 1]. НИСО входил в состав Ученого совета Института, а НИО являлся отдельным научным структурным подразделением и курировался одним из заместителей директора по научной работе (Е.В. Шорохова). Направлениями деятельности НИСО были формирование планов издательской деятельности, рецензирование рукописей, привлечение научных и технических сотрудников к работе в издательстве Института. НИО занимался научно-организационной работой, редакционной деятельностью, дизайном и производственной работой, а также вопросами реализации книжной продукции Института и научно-исследовательской деятельностью. В этот же период Институт приобрел собственную мини-типографию на основе ризографа, в которой удалось наладить оперативное малотиражное производство небольших книг.

Федеральный статус Издательство Института психологии получило 25 марта 1996 г., когда Государственным комитетом РФ по печати ему было выдано лицензионное разрешение (ЛР 021044) на осуществление издательской деятельности [20, Л. 3]. Благодаря этому увеличилось количество выпускаемых книг (за вторую половину 1990-х годов было издано гораздо больше книг, чем за предыдущий десятилетний период (с 1986 по 1995 г.)) [21, Л. 3], изменилось и оформление изданий — на обложках книг появился логотип Института. При этом лишь небольшое количество книг — в общеакадемической серии “Памятники психологической мысли” — продолжало выходить в издательстве “Наука”. Книги сотрудников в 1990-е годы выходили и в других издательствах (см. табл. 1), но основные научные работы издавались Институтом.

12 января 2001 г. Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций выдало Институту психологии новую лицензию (ИД 03726) на издательскую деятельность [20, Л. 1]. В 2002 г. после очередной реорганизации Института (в том числе после избрания нового директора А.Л. Журавлева) его издательская деятельность изменилась: издательство приобрело современный вид и статус, который обеспечивал выпуск фундаментальных изданий по психологии. Был организован новый редакционно-издательский отдел (руководитель — В.И. Белопольский), в штат которого входили квалифицированные редакторы. На новом этапе научно-организационной и научно-исследовательской деятельности Института

психологии преобладающее большинство работ сотрудников издавалось в институтском издательстве, и только совсем небольшое количество книг, в основном учебного характера, выходило в других издательствах. Это обеспечило высокий уровень печатной продукции Института на протяжении 20 последующих лет (2002–2021 гг.).

Изменения коснулись не только количества, но и качества изданий: если в 1990-е годы содержание монографий и сборников было достаточно разрозненным, то в последний период публикации стали носить более фундаментальный характер, посвящаться решению актуальных проблем психологии, последовательно раскрывать наиболее значимые в настоящее время темы и научные направления исследований. В подтверждение этому можно перечислить выходящие в Издательстве Института психологии книжные серии: “Научные монографии”, “Труды Института психологии РАН”, “Выдающиеся ученые Института психологии РАН”, “Методология, теория и история психологии”, “Достижения в психологии”, “Интеграция академической и университетской психологии”, “Психология социальных явлений”, “Когнитивные исследования”, “Материалы конференций”, “Методы психологии”, “Научные школы Института психологии РАН”, “Перспективы психологии”, “Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики”, “Экспериментальные исследования”, “Труды молодых ученых Института психологии РАН”, “Фундаментальная психология — практике”, “Психология — наука будущего”, “Психологическое наследие” и др. Таким образом, рассмотренные этапы истории издательской деятельности показывают ее значимость в научно-исследовательской работе научного учреждения. Институту удалось поддерживать высокий уровень публикационной активности на протяжении всего периода его деятельности. Ниже будет показано также, каким образом социально-исторические условия, в которых протекала жизнедеятельность Института, преломлялись в количественных показателях выпускаемых изданий.

БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИЙ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН ЗА 1972–2021 гг.

В качестве объекта исследования были выбраны только научные издания (авторские и коллективные монографии, сборники научных статей — всего 827 книг), имеющие гриф ИПАН СССР (ИПРАН), выпущенные под импринтом “Издательство ИПРАН” или изданные сотрудниками ИПРАН

в других научных издательствах; учебные, учебно-методические работы и сборники тезисов конференций не учитывались при анализе [1–3]. В качестве ключевых показателей были использованы количество опубликованных наименований книг в год, общий и средний ежегодный объем издательской продукции, мера участия отдельных исследователей в качестве авторов монографий, статей в сборниках и ответственных редакторов. Объем издательской продукции определялся в страницах, что с небольшой погрешностью может быть пересчитано в учетно-издательские (авторские) листы (типичный формат изданий — 60×90/16). Полученные данные приведены на рис. 1 и 2.

На рис. 1 можно отметить общую возрастающую тенденцию двух показателей — ежегодно публикуемых наименований книг и общего количества ежегодно публикуемых страниц — на протяжении большей части 50-летнего периода. При этом если сравнить издательскую продукцию за первую и последнюю пятилетку этого периода, то по наименованиям отмечен рост в 2,4 раза, тогда как по объему в страницах — в 4 раза.

Рассмотрим более детально взаимосвязи между средним ежегодным объемом книги в страницах и количеством ежегодно публикуемых наименований книг (рис. 2). Графики показывают общее увеличение как количества изданий, так и их среднего объема на временной шкале 50 лет, хотя внутри

этого диапазона отмечены отклонения от линейной зависимости. Если говорить о количестве изданий, то в период с 1973 по 1986 г. (значения за 1972 г. приведены индикативно, эти книги были подготовлены до начала работы авторов в Институте) обращает на себя внимание значительный годовой разброс этого показателя — диапазон от 3 до 18 (10 ± 4.34 книг в год), что может быть связано как с отсутствием систематического планирования изданий (книги публиковались не только в издательстве “Наука”, но и в других издательствах), так и со строгими критериями отбора потенциальных авторов. При этом средний объем изданий оставался достаточно стабильным в диапазоне 233 ± 48.43 страницы.

Пик публикационной активности в 1988–1990 гг. (18 ± 1.53 , максимум — 19 изданий в год) можно связать с отсроченным эффектом перестроечного периода (после 1985 г.) — снятием государственных (федеральных и ведомственных) ограничений на печатные публикации (Институт начал самостоятельно издавать книги с 1986 г.), а также появлением возможности малотиражного производства книг без прохождения серьезной экспертной оценки, глубокого рецензирования и тщательной редакционно-издательской подготовки рукописей.

Количество опубликованных научных работ резко падает в 1991–1992 гг. (до 6) и затем начинает увеличиваться до 19 в 1995 г. (12 ± 4.82 в среднем

Рис. 1. Количество наименований и общее значение объема (в страницах) научных изданий Института психологии РАН по годам за 1972–2021 гг.

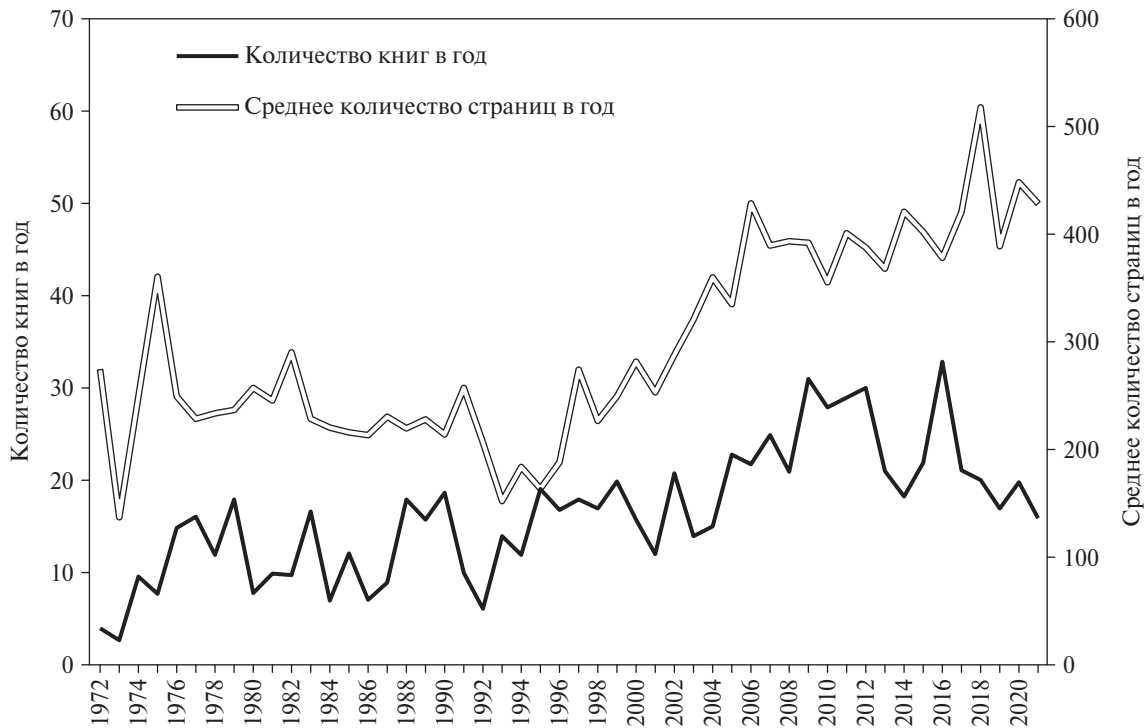

Рис. 2. Количество наименований и среднее значение объема (в страницах) научных изданий Института психологии РАН по годам за 1972–2021 гг.

за период), возвращаясь по этому показателю к доперестроечному уровню, тогда как средний ежегодный объем публикаций сильно падает (183 ± 41.94), что закономерно отражает произошедшие в этот период радикальные изменения в обществе и организации научной деятельности. Большая часть публикаций этого времени представляет собой малотиражные книги в мягком переплете, изданные в Институте психологии.

Интересно сравнить динамику публикационной активности Института психологии с динамикой книгоиздания ведущего в СССР научного издательства “Наука” [15, с. 138; рис. 4.7]. В обоих случаях на рубеже 1980-х и 1990-х годов отмечено резкое падение числа ежегодно издаваемых книг (в 3.2 раза в Институте психологии и почти в 6 раз — в “Науке”), однако Институт быстро восстановил потери и вышел на устойчивый рост, тогда как “Наука” практически перестала публиковать труды научных учреждений Академии наук. Одновременно прекратилась деятельность и других государственных научных издательств.

Начиная с 1996 г. показатели публикационной активности Института психологии возрастают, достигая к 2009 г. достаточно высоких значений, превосходящих все предыдущие периоды (19 ± 4.96 по количеству и 302 ± 73.57 по объему). В 2010–2016 годы значение количества изданных книг выходит на самый высокий уровень — 28 ± 5.52 изда-

ния со средним объемом 388 ± 21.99 страницы в год. Рекордным в этот период оказался 2016 г., когда было издано 33 книги. Мы связываем эти показатели, во-первых, с целенаправленной всесторонней поддержкой публикационной деятельности руководством Института и, во-вторых, с накоплением богатого опыта работы собственного издательства “Институт психологии РАН”, что значительно облегчило планирование работ сотрудников Института и обеспечило высокие научные стандарты экспертизы, рецензирования и подготовки рукописей, качества оформления и тиражирования изданий. Средний срок редакционно-издательской подготовки рукописи к печати снизился при этом до 5–7 месяцев.

Хотя общая тенденция количества издаваемых книг имеет возрастающий характер, отдельно необходимо отметить последний период — 2017–2021 гг., в котором наблюдается снижение этого показателя (20 ± 2.17), хотя средний объем в этот период несколько увеличивается (432 ± 48.76). Отмеченный спад количества изданий можно связать, во-первых, с возрастанием статуса журнальных публикаций для оценки эффективности научной деятельности в системе Академии наук и, во-вторых, с изменением условий работы специалистов, участвующих в редакционной подготовке изданий.

Важным аспектом издательской деятельности является дистрибуция опубликованных книг, т.е.

каналы доставки книг читателям. Исторически распространение научных книг претерпело существенные трансформации при переходе от государственного книгоиздания к коммерческому. До 1990 г. ответственность за распространение книг лежала на выпускающих издательствах, которые получали права на их публикацию и были заинтересованы в компенсации понесенных затрат. Несмотря на наличие государственного финансирования, издательства стремились сделать издания, как минимум, безубыточными и сами определяли необходимый тираж каждой книги. Конечно, тиражи научных книг разительно отличались от тиражей художественной или научно-популярной литературы, но часто достигали нескольких тысяч экземпляров. Минимальный тираж книг Института психологии, вышедших в издательстве “Наука”, составлял 500 экз. (Сергиенко Е.А. “Антиципация в раннем онтогенезе человека” (1992)), максимальный — 34 000 экз. (Асеев В.Г. “Мотивация поведения и формирование личности” (1992)). Примерно та же картина была с книгами, переданными по лицензии коммерческим издательствам. Распространение шло через продажу в ведомственных, тематических и универсальных книжных магазинах.

Позднее, когда Институт психологии получил самостоятельность в издании книг своих сотрудников, остро встал вопрос и о распространении тиражей. Малотиражные книги прикладного характера

тиражом до 100 экз. обычно безвозмездно раздавались заинтересованным лицам и организациям. В 1990-е и первую декаду 2000-х годов. Институт частично занимался продажей своих книг через книготорговые организации. Типичные тиражи книг в этот период составляли от 300 до 1000 экз., время их реализации увеличилось до нескольких лет. В последнее время в русле концепции “открытой науки” [28] изменился и подход к распространению научных изданий. В частности, на примере издательства “Институт психологии РАН” можно выделить следующие тенденции: 1) уменьшение тиражей издаваемых бумажных книг до 150–250 экз.; 2) акцент на безвозмездную раздачу трудов Института; 3) издание книг одновременно в бумажном и цифровом форматах; 4) публикация книг только в цифровом формате; 5) организация открытого доступа к полнотекстовым цифровым книгам.

Представляется важным также проследить вклад различных издательств в общую публикационную активность сотрудников Института психологии (рис. 3). До конца 1980-х годов издательство “Наука” было ключевым для изданий Института; после получения права на самостоятельный выпуск монографий и сборников статей доля книг, выпущенных в “Науке”, снижается и доминирующим становится собственная издательская деятельность Института. Другие государственные и коммерческие издательства также внесли определенный,

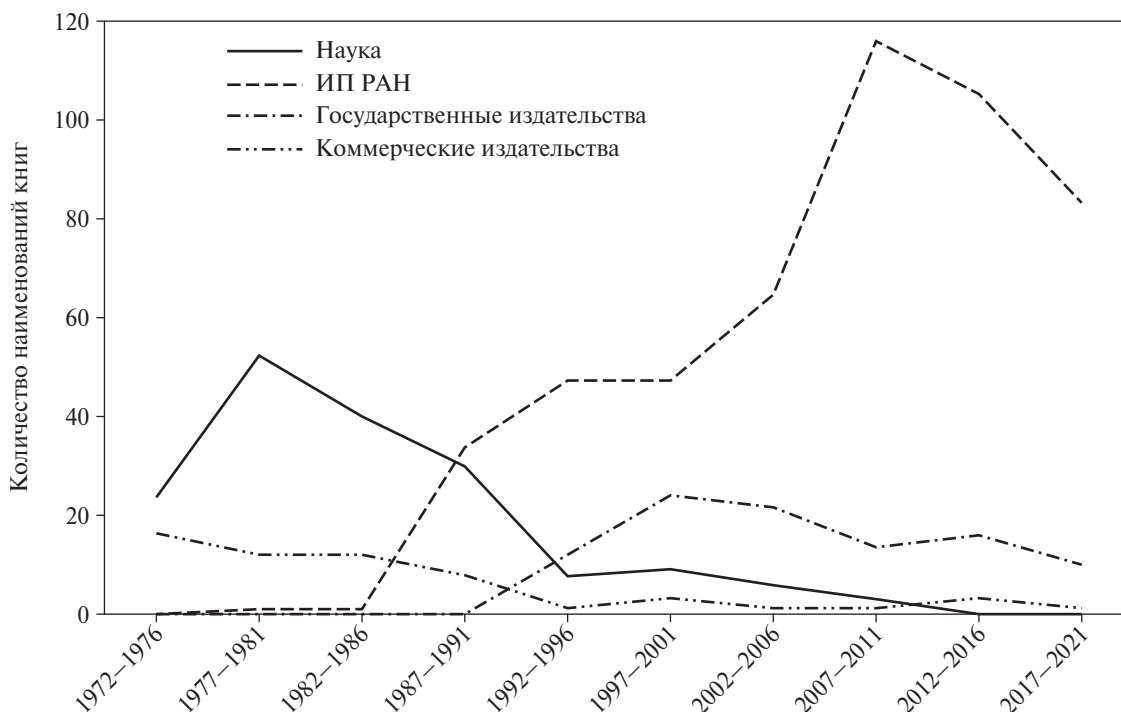

Рис. 3. Количество научных изданий Института психологии РАН, вышедших в различных издательствах, за 1972–2021 гг. (по пятилетиям)

Таблица 1. Количество изданий сотрудников Института психологии РАН, вышедших в разных государственных и коммерческих издательствах в 1972–2021 гг.

Государственные и ведомственные издательства	Количество	Коммерческие издательства	Количество
Знание	9	Когито-Центр	16
Педагогика	6	ПЕР СЭ	12
Институт управления народным хозяйством	4	МОДЭК	9
Комплексный совет Кибернетика	4	Алетейя	7
Мысль	4	Питер	7
Изд-во Саратовского университета	3	Академия	6
ВИНИТИ	2	МосГУ	4
Курганприбор	2	Языки славянских культур	3
Машиностроение	2	Lap Lambert Academic Publishing	2
СамГПУ	2	ОнтоПринт	2
Еще 21 издательство	По 1	РОССПЭН	2
		Форум	2
		Янус-К	2
		Еще 23 издательства	По 1

хотя и не решающий вклад в публикацию работ сотрудников Института: в советское время это были только государственные, в постсоветское стали преобладать коммерческие издательства (табл. 1).

Для оценки авторского вклада исследователей в публикационную активность Института психологии были определены показатели их участия в качестве авторов монографий и статей и редакторов сборников (табл. 2). В качестве наиболее активных

Таблица 2. Показатели авторского участия сотрудников в научных изданиях Института психологии РАН в 1972–2021 гг. (по десятилетиям)

№ п/п	Автор, годы работы и высшая должность в ИП РАН	Форма участия	1972–1981	1982–1991	1992–2001	2002–2011	2012–2021	Всего по формам участия	Всего/в год
1	А.Л. Журавлев (1974– наст. вр.), директор	Монография	2	0	2	8	13	25	405/8.4
		Статья	5	26	23	73	122	249	
		Редактор	0	6	8	51	66	131	
2	Е.А. Сергиенко (1972 — наст. вр.), зав. лабораторией	Монография	0	0	2	4	5	11	121/2.4
		Статья	2	3	9	23	45	82	
		Редактор	0	0	1	13	14	28	
3	В.А. Барабанщиков (1972–2016), зав. лабораторией	Монография	0	1	3	11	11	26	120/2.7
		Статья	3	9	4	35	17	68	
		Редактор	0	3	1	12	10	26	
4	В.А. Кольцова (1973–2018), зам. директора	Монография	0	0	1	3	3	7	113/2.5
		Статья	3	10	13	25	30	81	
		Редактор	0	2	4	11	8	25	
5	Б.Ф. Ломов (1972–1989), директор	Монография	6	5	3	1	0	15	92/4.9
		Статья	19	13	0	0	0	32	
		Редактор	27	18	0	0	0	45	
6	М.И. Воловикова (1972–2021), зав. лабораторией	Монография	0	0	1	1	3	5	88/1.8
		Статья	0	5	13	12	34	64	
		Редактор	0	0	8	6	5	19	
7	А.В. Брушлинский (1972–2002), директор	Монография	2	4	4	2	0	12	79/2.5
		Статья	7	9	27	6	0	49	
		Редактор	0	0	16	2	0	18	
8	Т.А. Нестик (2004 — наст. вр.), зав. лабораторией	Монография	0	0	0	3	12	15	78/4.3
		Статья	0	0	1	12	46	59	
		Редактор	0	0	0	0	4	4	
9	Н.Е. Харламенкова (1980 — наст. вр.), зам. директора	Монография	0	0	0	1	3	4	76/1.8
		Статья	0	2	8	12	42	64	
		Редактор	0	0	0	0	8	8	

Окончание табл. 2

№ п/п	Автор, годы работы и высшая должность в ИП РАН	Форма участия	1972–1981	1982–1991	1992–2001	2002–2011	2012–2021	Всего по формам участия	Всего/ в год
10	К.А. Абульханова (1974–2021), зав. лабораторией	Монография	3	3	3	0	1	10	74/1.5
		Статья	5	15	13	13	4	50	
		Редактор	0	3	8	3	0	14	
11	Л.Г. Дикая (1974–2021), зав. лабораторией	Монография	0	0	0	1	0	1	72/1.5
		Статья	0	16	11	13	15	55	
		Редактор	0	4	3	4	5	16	
12	А.В. Юревич (2004 — наст. вр.), зам. директора	Монография	0	0	0	4	8	12	66/3.7
		Статья	0	0	0	9	31	40	
		Редактор	0	0	0	6	8	14	
13	Е.В. Шорохова (1972–2004), зам. директора	Монография	0	2	1	0	0	3	64/1.9
		Статья	11	10	7	1	0	29	
		Редактор	17	10	5	0	0	32	
14	В.Н. Носуленко (1974 — наст. вр.), главн. научн. сотр	Монография	0	2	0	6	4	12	63/1.3
		Статья	5	15	0	10	13	43	
		Редактор	0	5	0	2	1	8	
15	В.А. Бодров (1988–2012), зам. директора	Монография	0	0	4	3	0	7	62/2.5
		Статья	4	5	9	14	9	41	
		Редактор	0	3	5	4	2	14	
16	В.П. Позняков (1991 — наст. вр.), главн. научн. сотр.	Монография	0	0	4	2	5	11	61/2.0
		Статья	0	0	9	12	29	50	
		Редактор	0	0	0	0	0	0	
17	Т.Н. Савченко (1979 — наст. вр.), зав. лабораторией	Монография	0	0	2	3	0	5	61/1.4
		Статья	0	3	8	21	17	49	
		Редактор	0	0	2	5	0	7	
18	Ю.М. Забродин (1972–1987), зам. директора	Монография	2	2	0	0	0	4	59/3.7
		Статья	17	17	0	0	0	34	
		Редактор	8	13	0	0	0	21	
19	Т.В. Галкина (1981–2021), ст. научн. сотр.	Монография	0	0	0	3	0	3	58/1.4
		Статья	0	4	9	9	28	50	
		Редактор	0	0	3	1	1	5	
20	А.А. Обознов (1995 — наст. вр.), зав. лабораторией	Монография	0	0	0	4	1	5	57/2.1
		Статья	1	2	2	11	30	46	
		Редактор	0	0	0	0	6	6	
21	Ю.И. Александров (1972 — наст. вр.), зав. лабораторией	Монография	0	1	1	3	2	7	56/1.1
		Статья	2	7	1	10	27	47	
		Редактор	0	0	0	2	0	2	
22	А.Н. Воронин (1987 — наст. вр.), главн. научн. сотр.	Монография	0	0	0	5	5	10	56/1.6
		Статья	0	1	12	8	21	42	
		Редактор	0	0	3	0	1	4	
23	А.Б. Купрейченко (1998–2014), вед. научн. сотр.	Монография	0	0	0	4	4	8	56/3.3
		Статья	0	0	3	30	12	45	
		Редактор	0	0	0	2	1	3	
24	В.В. Знаков (1990 — наст. вр.), зам. директора	Монография	0	0	5	3	4	12	55/1.7
		Статья	1	0	5	11	19	36	
		Редактор	0	0	0	6	1	7	
25	Д.В. Ушаков (1986 — наст. вр.), директор	Монография	0	0	0	6	1	7	55/1.5
		Статья	0	1	5	14	17	37	
		Редактор	0	0	2	6	3	11	
26	А.Н. Харитонов (1979–1988, 2002 — наст. вр.), ст. научн. сотр.	Монография	0	0	0	4	7	11	55/1.8
		Статья	0	5	1	8	29	43	
		Редактор	0	0	0	0	1	1	
27	Т.Н. Ушакова (1980–2021), зав. лабораторией	Монография	0	1	1	2	1	5	52/1.2
		Статья	0	14	10	8	4	36	
		Редактор	0	4	4	3	0	11	
Всего по периодам			152	284	313	626	879	2254	

в публикационном плане сотрудников Института психологии были выбраны те, кто участвовал в изданиях не менее 50 раз. К типу монографий были отнесены не только авторские, но и коллективные (участие в одной или нескольких главах было учтено единожды).

Практически все приведенные в табл. 2 авторы (26 из 27) имеют показатели по всем трем формам участия в публикациях: издание авторских и коллективных монографий, подготовка статей и редактирование сборников. Это свидетельствует о том, что авторы широко участвовали в публикационной активности Института психологии, вносили вклад не только собственными разработками, но и отбором и редактированием материалов других сотрудников и исследователей из внешних организаций, были включены в основные направления издательской деятельности Института.

Как следует из табл. 2, по стажу работы в Институте участники лидирующей группы авторов в количестве 27 человек распределились следующим образом: менее 10 лет — нет; от 10 до 20 лет — 5; от 21 до 30 лет — 3; от 31 до 40 лет — 6; более 40 лет — 13. Порог вхождения в эту группу составил 16 лет. При стаже от 10 до 30 лет равномерно высокую публикационную интенсивность показали как сотрудники, пришедшие в Институт сложившимися учеными (5 чел.), так и молодые, но быстро прогрессирующие сотрудники (3 чел.). Их среднегодовой показатель — 3.1. Наиболее многочисленную (более 70%) часть всей группы составляют ветераны Института, которые прошли продолжительный путь от аспирантов, стажеров и младших научных сотрудников до работников высшей категории. Для этой подгруппы характерно постепенное возрастание публикационной активности в зависимости от стажа работы, иногда с небольшим снижением на пике трудового стажа. Их среднегодовой показатель — 2.2.

Если придерживаться критерия высшей должностной позиции, которую занимали в Институте сотрудники с высокой публикационной активностью, то их можно разделить на несколько групп: руководящий состав (директора и заместители директора по научной работе) — 11 чел., заведующие лабораториями — 10 чел., главные и ведущие научные сотрудники — 4 чел. и старшие научные сотрудники — 2 чел. У руководящего состава среднегодовой показатель публикаций составляет 3.3, у заведующих лабораториями — 1.9, у главных/ведущих научных сотрудников — 1.8, у старших — 1.6. На основе этих данных можно сделать вывод, что авторы, имевшие возможность не только проводить исследования, но и определять тематику

работ всего Института и отдельных лабораторий, а также инициировать подготовку и выпуск различных изданий, участвовали в публикациях чаще других.

Анализ показателей авторского участия сотрудников Института психологии в его публикационной активности показал особенности формирования научной организации как издательского центра, некоторые научно-организационные и личностные факторы развития публикационной активности, общие тенденции и индивидуальные траектории в профессиональном развитии исследователей (на примере динамики количества их публикаций), вклад как бывших, так и действующих сотрудников в подготовку научных изданий Института и формирование базы фундаментальных работ по различным отраслям психологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленные этапы истории издательской деятельности Института психологии РАН и библиометрические показатели количества, объема и авторского участия в публикациях за 1972–2021 гг. вносят вклад в понимание социально-исторических, научно-организационных и личностных факторов управления психологической наукой в позднесоветский и постсоветский периоды. Во времена угасания государственного научного книгоиздания и серьезной поддержки со стороны новых регулирующих органов руководству Института психологии на каждом историческом этапе удавалось использовать собственные и привлеченные ресурсы для обеспечения потребности сотрудников в публикации своих результатов. Наличие собственного издательства влияет на публикационную активность как целой организации, так и отдельных исследователей, что способствует представлению результатов исследований широкому научному сообществу и введению в оборот новых научных фактов.

В первой части данной работы были изучены основные количественные показатели публикационной активности Института психологии. Дополнительную информацию об исторической динамике основных направлений проводимых Институту исследований, результаты которых отражены в его публикациях за 50-летний период, может дать углубленное изучение самих текстовых корпусов изданий Института. Результаты этого анализа будут представлены во второй части статьи, посвященной тематическому и лингвистическому анализу публикаций сотрудников Института психологии РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннотированный указатель трудов сотрудников Института психологии Российской академии наук (1972–2006). Вып. 1 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Т.И. Артемьева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007.
2. Аннотированный указатель трудов сотрудников Института психологии Российской академии наук за 2007–2015 годы. Вып. 2 / Авт.-сост. Т.И. Артемьева; Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.
3. Аннотированный указатель трудов сотрудников Института психологии Российской академии наук за 2016–2021 годы. Вып. 3 / Сост. В.И. Белопольский, А.А. Костригин, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2022.
4. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2097. Оп. 1. Д. 2.
5. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 3.
6. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 5.
7. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 6.
8. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 9.
9. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 14.
10. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 15.
11. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 24.
12. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 27.
13. Белопольский В.И., Журавлев А.Л., Костригин А.А. История организации и начало деятельности Института психологии АН СССР в документах и воспоминаниях современников // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 97–107.
14. Васильев В.И. Издательская деятельность Академии наук в ее историческом развитии: от зарождения до наших дней: В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1998.
15. Васильев В.И. Издательская деятельность Академии наук в ее историческом развитии: от зарождения до наших дней: В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1999.
16. Ждан А.Н. Издательская деятельность как направленные работы Московского психологического общества (1885–1922) // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сб. материалов юбилейной конференции: В 5 т. Т. 1 / Отв. ред. Д.Б. Богоявленская. М.: Когито-Центр, 2015. С. 151–153.
17. Логинова Н.А. Становление центра психологической науки и образования в Санкт-Петербургском государственном университете (1944–1965 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2015. № 2. С. 46–53.
18. Мазилев В.А. Профессор В.С. Филатов как основатель ярославской психологической школы // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 159–171.
19. Научный архив Института психологии РАН (НА ИП РАН). Ф. 1. Оп. 3. Д. 2.
20. НА ИП РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7.
21. НА ИП РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9.
22. НА ИП РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10.
23. НА ИП РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 14.
24. НА ИП РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 15.
25. НА ИП РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16.
26. НА ИП РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 20.
27. Черников Д.Ю. Издательско-просветительская деятельность Психологического общества при Московском университете // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2008. № 4. С. 66–84.
28. Burgelman J., Pascu C., Szkuta K., Schomberg R., Karalopoulos A., Repanas K., Schoupp M. Open Science, Open Data, and Open Scholarship: European Policies to Make Science Fit for the Twenty-First Century // Frontiers in Big Data. 2019. DOI: 10.3389/fdata.2019.00043

YEARS. PEOPLE. BOOKS: SCIENTIFIC-PUBLISHING ACTIVITY OF THE INSTITUTE OF PSYCHOLOGY OF THE RAS (1972–2021): SCIENTIFIC-ORGANIZATIONAL AND BIBLIOMETRIC ASPECTS²

V. I. Belopolsky*, A. A. Kostrigin**, A. L. Zhuravlev***

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

**Doctor of Psychological Sciences, Principal Researcher, Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology.*

E-mail: vbelop@mail.ru

***Candidate of Psychological Sciences, Research Associate, Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology.*

E-mail: artdzen@gmail.com

****Academician of RAS, Professor, Scientific Adviser of Institute of Psychology RAS.*

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Received 20.10.2022

Abstract. The article provides a general historical analysis of the publishing activities of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences in 1972–2021. On the basis of archival materials, the role and place of academic book publishing in the scientific-organizational and research activities of the Institute of Psychology are shown, key events and stages of its development are highlighted. The high importance of independent publication of publications in the dissemination of the results of scientific research and formation of the scientific status of the organization and its employees is noted. The results of a bibliometric analysis of book publications by employees of the Institute of Psychology of RAS for 50 years of its existence are carried out: the dynamics of the number and volume of publications, as well as the personal contribution of individual authors to the total volume of publishing products. It is concluded that for half a century, despite serious social-historical and organizational changes, the leadership of the Institute of Psychology of RAS was able to maintain a consistently high level of publication of the scientific achievements of its staff.

Keywords: history of psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, publishing activity, publication activity, bibliometric analysis.

REFERENCES

1. Annotirovannyi ukazatel' trudov sotrudnikov Instituta psikhologii Rossiiskoi akademii nauk (1972–2006). Iss. 1. Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'tsova, T.I. Artem'eva. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2007.
2. Annotirovannyi ukazatel' trudov sotrudnikov Instituta psikhologii Rossiiskoi akademii nauk za 2007–2015 gody. Iss. 2. Avt.-sost. T.I. Artem'eva; Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'tsova. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018.
3. Annotirovannyi ukazatel' trudov sotrudnikov Instituta psikhologii Rossiiskoi akademii nauk za 2016–2021 gody. Iss. 3. Sost. V.I. Belopolsky, A.A. Kostrigin, A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2022.
4. Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk (ARAN). F. 2097. Op. 1. D. 2.
5. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 3.
6. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 5.
7. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 6.
8. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 9.
9. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 14.
10. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 15.
11. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 24.
12. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 27.
13. *Belopolsky V.I., Zhuravlev A.L., Kostrigin A.A. Istoriya organizatsii i nachalo deyatel'nosti Instituta psikhologii AN SSSR v dokumentakh i vospominaniyakh sovremennikov. Psikhologicheskii zhurnal. 2020. V. 41. № 5. P. 97–107.*
14. *Vasiliev V.I. Izdatel'skaya deyatel'nost' Akademii nauk v ee istoricheskom razvitii: ot zarozhdeniya do nashikh dnei. V 2 kn. Kn. 1. Moscow: Nauka, 1998.*
15. *Vasiliev V.I. Izdatel'skaya deyatel'nost' Akademii nauk v ee istoricheskom razvitii: ot zarozhdeniya do nashikh dnei. V 2 kn. Kn. 2. Moscow: Nauka, 1999.*

² The research was supported by Russian Foundation for Basic Research (project № 20-013-00680 "The history of modern Russian academic psychology: scientific schools, personalities, determinants of development").

16. *Zhdan A.N.* Izdatel'skaya deyatel'nost' kak napravlenie raboty Moskovskogo psikhologicheskogo obshchestva (1885–1922). Ot istokov k sovremennosti: 130 let organizatsii psikhologicheskogo obshchestva pri Moskovskom universitete: Sbornik materialov yubileinoi konferentsii. V 5 v. V. 1. Ed. D.B. Bogoyavlenskaya Moscow: Kogito-Tsentr, 2015. P. 151–153.
17. *Loginova N.A.* Stanovlenie tsentra psikhologicheskoi nauki i obrazovaniya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete (1944–1965 gg.). Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya. 2015. № 2. P. 46–53.
18. *Mazilov V.A.* Professor V.S. Filatov kak osnovatel' yaroslavskoi psikhologicheskoi shkoly. Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2015. № 5. P. 159–171.
19. Nauchnyi arkhiv Instituta psikhologii RAN (NA IP RAN). F. 1. Op. 3. D. 2.
20. NA IP RAN. F. 1. Op. 3. D. 7.
21. NA IP RAN. F. 1. Op. 3. D. 9.
22. NA IP RAN. F. 1. Op. 3. D. 10.
23. NA IP RAN. F. 1. Op. 3. D. 14.
24. NA IP RAN. F. 1. Op. 3. D. 15.
25. NA IP RAN. F. 1. Op. 3. D. 16.
26. NA IP RAN. F. 1. Op. 3. D. 20.
27. *Chernikov D.Yu.* Izdatel'sko-prosvetitel'skaya deyatel'nost' Psikhologicheskogo obshchestva pri Moskovskom universitete. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. 2008. № 4. P. 66–84.
28. *Burgelman J., Pascu C., Szkuta K., Schomberg R., Karalopoulos A., Repanas K., Schoupp M.* Open Science, Open Data, and Open Scholarship: European Policies to Make Science Fit for the Twenty-First Century. *Frontiers in Big Data*. 2019. DOI: 10.3389/fdata.2019.00043

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ**

УДК 159.9.019

**ТЕОРИЯ ПРОБЛЕМНЫХ СИТУАЦИЙ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ
К 95-летию Алексея Михайловича Матюшкина**

© 2022 г. А. А. Матюшкина^{1,*}, В. А. Грудинин^{2,**}, М. И. Кунашенко^{1,***}

¹*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11/9, Россия.*

²*Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”;
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Россия.*

* *Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии.
E-mail: aam_tsu@mail.ru*

** *Аспирант департамента психологии.
E-mail: grudininva@psy.msu.ru*

*** *Аспирант факультета психологии.
E-mail: lanaya.croft@mail.ru*

Поступила 03.10.2022

Аннотация. В статье представлен анализ теории проблемных ситуаций А.М. Матюшкина с выявлением перспективных направлений ее развития. Актуальность исследования связана с изучением продуктивных форм мышления с позиции данной теории с использованием современных методов анализа и обработки данных. Представлены эмпирические исследования, направленные на процессуальное изучение компонентов психологической структуры проблемной ситуации. Цель исследования — выявление связей объективно и субъективно оцениваемой успешности решения проблемных задач с переживанием познавательной потребности в форме интеллектуальных эмоций и познавательными возможностями субъекта. Гипотезы: связь переживания познавательной потребности с успешностью зависит от этапа решения и содержания задачи; субъективная, процессуально оцениваемая успешность (в форме интеллектуальной эмоции уверенности) положительно связана с объективной в решении проблемных задач специалистами. В исследовании принимали участие 186 студентов (от 17 до 20 лет; 76 муж., 110 жен.), которые решали по четыре проблемных задачи различного содержания. В числе методик были использованы: тест интеллекта “Прогрессивные матрицы Равена”, опросник “Эмоциональный интеллект” Д.В. Люсина; “Сложные аналогии”, “Понимание смысла пословиц”, тест креативности Торренса “Завершение картинок”, шкала потребности в познании Качиоппо, тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра; тест знаний по общей психологии; авторские методики оценки форм переживания познавательной потребности; понимание смысла отрывка научного/художественного текстов. Показано, что несоответствие формы переживания познавательной потребности содержанию этапа сопряжено с неуспешностью решения; специалисты в решении научных проблемных задач, проявляя обоснованную интеллектуальную уверенность на этапах понимания и выдвижения гипотез за счет использования специальных знаний, успешно решают проблемные задачи в соответствии с объективными результативными критериями. Выявлены перспективные направления развития теории проблемных ситуаций в изучении продуктивного мышления в контексте проблем успешности решения проблемных задач: процессуальное переживание познавательной потребности, процессуальная субъективная и уровневая объективная оценка успешности решения, структура познавательных возможностей субъекта в связи с трудностью проблемной задачи.

Ключевые слова: продуктивное мышление, проблемная задача, проблемная ситуация, познавательная потребность, интеллектуальные эмоции, познавательные возможности, успешность решения.

DOI: 10.31857/S020595920023637-6

ВВЕДЕНИЕ

Алексей Михайлович Матюшкин известен в отечественной психологии как автор теорий проблемных ситуаций, творческой одаренности, которые были внедрены в практику среднего и высшего образования в 1980–1990-е годы, не утратив своей актуальности сегодня. Занимаясь исследованием продуктивных форм мышления — от решения проблемной задачи учеником в школе до самостоятельной формулировки и решения проблемы взрослым субъектом интеллектуальной творческой деятельности, автор осуществил переход от изучения процесса к субъекту мышления, творчески одаренной личности, заложив основы изучения творческого мышления взрослого субъекта. Цель данной статьи — анализ перспектив развития теории проблемных ситуаций. Задачи: 1) обзор исследований продуктивного мышления, выполненных А.М. Матюшкиным; 2) изложение результатов актуальных исследований, развивающих идеи теории проблемных ситуаций; 3) выявление перспектив изучения продуктивного мышления. Объект — продуктивное мышление в теории проблемных ситуаций; предмет — эмпирические исследования компонентов психологической структуры проблемной ситуации.

А.М. Матюшкин — один из учеников профессора С.Л. Рубинштейна, под научным руководством которого он в 1960 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук (по психологии) “Исследование психологических закономерностей процесса мышления (анализа и обобщения)”, в 1973 г. с опорой на идеи процессуально-деятельностного подхода — диссертацию на соискание ученой степени доктора психологических наук “Проблемные ситуации в мышлении и обучении”. Особо им разрабатывалась идея продуктивного мышления, основанного на возникновении проблемной ситуации — состоянии, возникающем при столкновении с субъективно новым, неизвестным в проблемной задаче, переживаемом как интерес, вызванный, по мнению С.Л. Рубинштейна, “потребностью что-то понять, удивлением или недоумением, противоречием” [11, с. 317]; такой форме взаимодействия между субъектом и объектом в мышлении, в которой “без субъекта нет объекта”. Продуктивность мышления связывается не только с объектом — новизной и сложностью проблемной задачи, порождающей проблемную ситуацию, но и субъектом — интеллектуальным переживанием процесса решения, иницируемым познавательной мотивацией; субъективной новизной процесса и результата; трудностью проблемной

ситуации по отношению к познавательным возможностям.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССА
ПРОДУКТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ
А.М. МАТЮШКИНЫМ

Основой для возникновения проблемной ситуации в широком смысле выступает расхождение между наличным(и) и необходимым(и) для решения опытом, знаниями, преодолеваемое системой мыслительных действий в соответствии с целью задачи. Процесс решения проблемной задачи последовательно проходит этапы, особенности которых зависят как от ее содержания, так и возможностей субъекта. Первый этап предполагает анализ задачи через соотнесение условий с требованиями, выявление несоответствия между известными способами решения и условиями. Если такой анализ не осуществляется, то задача не выступает проблемной для субъекта; или происходит отказ от решения, или решение идет по “ложному” с точки зрения понимания сути проблемы пути. На втором этапе анализ условий в соответствии с целью приводит к отказу от старых способов решения, формулированию новой проблемной ситуации, поиску новых средств — этап “открытого” решения, на котором испытуемый готов воспринимать подсказку. На третьем происходит понимание принципа решения, в том числе через инсайт, на четвертом — его реализация; на пятом — проверка. При этом в строгом смысле продуктивным, по мнению автора теории проблемных ситуаций, является лишь третий этап, на котором происходит открытие нового, неизвестного звена решения. Однако очевидно, что без предыдущих полноценных этапов решение невозможно. Таким образом, “процесс поиска и субъективного открытия нового в различных типах проблемных ситуаций осуществляется как продуктивный процесс. Он может быть описан в элементарных случаях как процесс самонаучения, а на высших этапах — как творческий процесс” [5, с. 132]. Так, одним из наиболее существенных исследовательских вопросов выступает изучение тех условий, при которых нахождение решения становится возможным.

Одна из серий исследований А.М. Матюшкина, проведенных в 1971 г., посвящена решению наиболее трудных для субъекта проблемных задач, требующих открытия предмета, — общей закономерности, системы знаний (задача “Позиционная система счисления”). Показано, что процесс решения реализуется как система проблемных ситуаций, результат (окончательное решение) достигается

с помощью нескольких возможных путей обобщения новых отношений, среди которых наиболее эффективен путь “от абстрактного к конкретному”: исходно формулируется теоретическая проблемная ситуация, решив которую субъект может затем выполнить любые практические задачи на основе понимания выявленной базовой закономерности. Таким образом, одним из условий разрешения проблемных ситуаций выступает тип анализа, реализующийся в способе обобщения.

Другая серия касается выявления закономерностей открытия нового способа действия — используется задача измерения объема сосуда нестандартной формы. Испытуемые (35 человек, школьники 9–10-х классов, студенты 1-го курса), знакомые с формулами вычисления объемов простых геометрических форм, решали задачу: вычислить как можно точнее вместимость (объем внутренней части) прозрачного стеклянного сосуда неправильной формы, на одну треть заполненного водой [5, с. 99], закрытого пробкой, применяя различные подсказки. Для решения нужно воду использовать как средство измерения объема, перевернув сосуд. Показано, что подсказки, связанные с выделением неизвестных для субъекта способов и тех условий, которые являются существенными для нахождения нового действия, способствуют пониманию и решению проблемной ситуации. Таким образом, процессуальным условием разрешения проблемной ситуации выступает особый тип подсказок, ориентированных на анализ задачи, более глубокое понимание проблемной ситуации с опорой на знания в определенной области (например, физика, геометрия), в отличие от подсказок, содержащих принцип решения, в задачах “на догадку”.

Следующая серия экспериментов А.М. Матюшкина связана с необходимостью открытия в решении проблемной задачи недостающего условия. В исследовании приняли участие 19 человек, школьников 9–10-х классов и студентов, имеющих знания в области начертательной геометрии. Им было предложено решить задачу (“Универсальная пробка”): сделать одну объемную пробку из пластика, с помощью которой можно плотно закрыть любое из отверстий “горлышка” сосудов, сечение которых — круг, квадрат, треугольник. Проблемность состоит в необходимости обнаружения и использования для создания универсальной пробки трех плоскостей предмета одновременно. Анализ протоколов обнаружил два типа решений проблемной ситуации, соответствующих этапам: первый связан с попытками лишь частично использовать условия задачи, приводя к пониманию несоответствия решения условиям. Второй тип

связан с обнаружением другой проблемной ситуации, для решения которой необходимо отказаться от ранее достигнутого результата; только часть испытуемых на этом этапе приходит к окончательному решению. “Удержание” как возвращение на каждом этапе решения к конечной цели в контексте вновь обнаруженных условий позволяет включить объект в новую систему связей и выявить свойство, необходимое для решения, поэтому процесс продуктивного мышления реализуется как система проблемных ситуаций, где решение одной проблемной ситуации должно породить другую. При этом мотивационной основой реализации данного механизма разрешения проблемной ситуации выступает познавательная потребность.

ПЕРЕЖИВАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ПОТРЕБНОСТИ КАК УСЛОВИЕ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМНОЙ СИТУАЦИИ

Познавательная потребность — один из необходимых компонентов психологической структуры проблемной ситуации — “ощущаемая человеком необходимость в отсутствующем знании, способе или условиях действия, требуемых для достижения поставленной цели при выполнении теоретического или практического задания”, одной из важных характеристик которой является ненасыщаемость [5, с. 176]. В научной школе А.М. Матюшкина выполнен ряд исследований, посвященных изучению познавательной мотивации как процессуальной, так и устойчивой личностной характеристик, выполняющих функции побуждения, саморегуляции продуктивного мышления. Т.А. Платоновой [9] показано, что одним из условий развития познавательной потребности выступает понимание “недостижимости” познавательной цели, выражающееся феноменом “решил, но не могу объяснить”. Э.З. Усмановой [15] обнаружено, что в ситуации “хронической неудачи” в решении проблемных задач в условиях интеллектуально-игрового противоборства более эффективно решает субъект с доминирующей мотивацией познания, диагностируемой в процессе. Н.Б. Шумаковой [17] особо проанализирована роль познавательной мотивации в решении проблемных задач, проявляющейся в типе познавательной активности личности.

В продолжение данной линии нами проведены исследования, содержащие реконструкцию и частичную репликацию экспериментов А.М. Матюшкина, цель которых — изучение переживания познавательной потребности в форме интеллектуальных

эмоций в процессе решения проблемных задач. Под интеллектуальными эмоциями, согласно И.А. Васильеву и О.К. Тихомирову, понимается “отражение отношения между познавательным мотивом и успешностью или неуспешностью реализации отвечающей ему мыслительной деятельности субъекта” [1, с. 50], которое изменяется в соответствии с фазами процесса, интеллектуальные эмоции выполняют разные функции на различных этапах решения задачи. В квазиэкспериментальном исследовании 2021 г. [7], выполненном на материале задач “Универсальная пробка”, “Неизмеряемый сосуд”, в которых приняли участие, как и в оригинальных, 20 испытуемых — студентов разных специальностей, было показано, что формы переживания познавательной потребности связаны с этапом решения проблемных задач.

Исследование было продолжено в 2022 г. с целью изучения связи успешности решения проблемных задач и познавательной потребности как процессуальной, так и личностной характеристик. При этом в качестве личностной характеристики рассматривается выраженность потребности в познании, понимаемая Качиоппо, Петти, Као (Cacioppo, Petty, Kao) [19] как увлечение размышлениями и получение интеллектуального удовлетворения при решении трудных мыслительных проблем. Данные взгляды соотносятся с идеями А.М. Матюшкина о творческом потенциале личности, одной из характеристик которой выступает стремление к решению сложных задач, требующих “умственных усилий”. По мнению исследователей Е.А. Шепелевой, Е.А. Валуевой, Е.М. Лаптевой [16], методика “Шкала потребности в познании” Качиоппо, Петти, Као обладает высокой валидностью и надежностью в диагностике потребности в познании как устойчивой личностной характеристики.

В исследовании реализованы следующие задачи: 1) изучение связи переживания познавательной потребности (на разных этапах) с успешностью решения проблемных задач; 2) изучение связи потребности в познании как личностной характеристики с успешностью решения проблемных задач. Объект — процесс решения проблемных задач научного (на материале геометрии) и художественного (на материале литературы) содержания студентами разных специальностей (неспециалистами по отношению к содержанию задач). Предмет — формы переживания познавательной потребности субъектом на разных этапах решения. Теоретическая гипотеза: существует связь между переживанием познавательной потребности и успешностью решения проблемной задачи. Эмпирические гипотезы: переживание интереса на этапах понимания

и выдвижения гипотез в решении проблемных задач положительно связано с успешностью; познавательная потребность как личностная характеристика положительно связана с успешностью решения проблемных задач.

Методика. Процедура: 120 участникам исследования — студентам МГУ им. М.В. Ломоносова и МГУСиТ в возрасте от 17 до 20 лет (53 муж., 67 жен.) предлагалось решить четыре проблемных задачи: две задачи научного содержания, требующих опоры на знание геометрии: М. Вертгеймер “Площадь геометрической фигуры” [2, с. 46], А.М. Матюшкин “Универсальная пробка”; две задачи художественного содержания методики “Понимание смысла отрывка художественного текста” А.А. Матюшкиной [6] (отрывки рассказов А.П. Чехова “Пересолил”, “Толстый и тонкий”). В процессе решения необходимо 3 раза оценить выраженность интеллектуальных эмоций на этапах понимания задачи (1), выдвижения гипотез (2) и формулировки окончательного решения (3) с помощью короткого варианта методики А.А. Матюшкиной и В.А. Грудина [7] оценки форм переживания познавательной потребности: интерес, удивление, ощущение противоречия, чувство близости решения, уверенность и удовлетворенность решением, поставив балльную оценку по каждой шкале от 0 до 10. Этап моделировался вопросом, касающимся понимания содержания проблемной задачи в процессе решения: первый вопрос — о понимании содержания, условий и требований задачи; второй — о формулировке одной или нескольких гипотез о принципе решения; третий — о формулировке окончательного решения.

Для оценки успешности решения задач было разработано четыре уровня по близости к эталонному ответу: от непонимания условий, формальному решению без их анализа (1 балл) к пониманию принципа и успешному решению, соответствующему эталону (4 балла). Оценка успешности окончательного результата проводилась тремя экспертами — специалистами с высшим техническим образованием для оценки решений задач, требующих знаний геометрии; высшее филологическое и психологическое — для оценки решений задач, связанных с пониманием отрывков художественных текстов. Коэффициент конкордации Кендалла показал высокую согласованность экспертных оценок успешности решений: для задачи “Площадь геометрических фигур” ($W = 0.88$; $r = 0.001$), “Универсальная пробка” ($W = 0.73$; $r = 0.001$), “Толстый и тонкий” ($W = 0.87$; $r = 0.001$), “Пересолил” ($W = 0.81$; $r = 0.001$). На основании оценки успешности решений задачи были разделены на трудные

Таблица 1. Успешность решения проблемных задач и переживание познавательной потребности

Содержание задачи	Трудность задачи	Форма познавательной потребности (интеллектуальная эмоция)	Этап решения	Степень свободы	Значение критерия (ρ)	Sig
Научное	Нетрудная	Чувство близости	2	118	0.182	0.05
		Удовлетворенность от решения	2	118	0.217	0.01
			3	118	0.186	0.05
	Трудная	Ощущение противоречия	1	118	0.213	0.01
		Уверенность в правильности	1	118	(-0.184)	0.05
		Удивление	3	118	0.182	0.05
		Ощущение противоречия	3	118	0.210	0.02
	Художественное	Нетрудная	Ощущение противоречия	3	118	(-0.195)
Трудная		Удовлетворенность от решения	2	118	(-0.216)	0.01
		Удивление	3	118	(-0.193)	0.05
		Ощущение противоречия	3	118	(-0.188)	0.05

и нетрудные. Для изучения интеллектуальных и личностных характеристик участников исследования применялись следующие методики: “Шкала потребности в познании” Качиоппо, Петти и Као (в адаптации С.А. Щebetенко) [18], “Тест структуры интеллекта Амтхауэра” (субтесты пространственное воображение, пространственное обобщение) [14]; тест интеллекта “Прогрессивные матрицы Равена” [10]; методика “Сложные аналогии” [12]; опросник “Эмоциональный интеллект” Д.В. Люсина [4].

Результаты. В табл. 1 представлены результаты корреляционных связей (Спирмен) между успешностью и переживанием познавательной потребности на разных этапах в связи с содержанием и трудностью задачи.

Связь успешности решения проблемных задач с познавательными возможностями субъекта отражена на рис. 1 (Спирмен).

Обсуждение результатов. Вклад в успешность решения трудных проблемных задач научного содержания вносит процессуальная динамика переживания познавательной потребности. При этом выраженность интереса недостаточна для достижения окончательного успешного решения неспециалистами. Формы переживания познавательной потребности, сопряженные с успешностью решения такого типа задач, — ощущение противоречия на этапах понимания и окончательной формулировки решения, удивления, связаны с обнаружением проблемности. Отрицательная связь уверенности на этапе понимания с успешностью решения студентами-неспециалистами объясняется тем, что слишком “ранняя” уверенность, соответствующая раннему этапу неглубокого анализа задачи (по С.Л. Рубинштейну, К.А. Славской), вероятно, “блокирует” возможность дальнейшего перехода к поздним этапам, приводя к неудаче в решении.

В связи со значительной долей очевидности решения нетрудной проблемной задачи неспециалистом на этапе понимания приводит его к обоснованному переживанию интеллектуальных эмоций, свидетельствующих об успешности: чувства близости к решению, удовлетворенности результатом. В задачах художественного содержания, требующих анализа эмоционального контекста, переживание интеллектуальных эмоций обнаружения проблемы на этапе формулировки окончательного решения сопряжено с неудачей: слишком “позднее” удивление, ощущение противоречия свидетельствуют лишь о возникновении проблемной ситуации на заключительном этапе.

Со стороны познавательных возможностей субъекта успешность решения нетрудных проблемных задач научного содержания положительно связана с общим интеллектом, логическим мышлением, а художественного содержания — с общим и эмоциональным интеллектом. Обнаруженная связь между выраженностью потребности в познании (Качиоппо) и успешностью решений только для нетрудных проблемных задач с позиции теории проблемных ситуаций может быть объяснена тем, что предложенные задачи оказались “сверхтрудными” (термин А.М. Матюшкина. — *Примеч. авт.*) по отношению к познавательным возможностям испытуемых: все респонденты — неспециалисты по отношению к содержанию задач. Вероятно, при изменении трудности задач, выборки респондентов данная связь может быть выявлена и для трудных с учетом того, что предмет потребности в познании как личностной характеристики для специалистов и неспециалистов может оказаться различным.

Таким образом, гипотеза о связи интереса с успешностью решения проблемных задач научного содержания не принимается; в решении

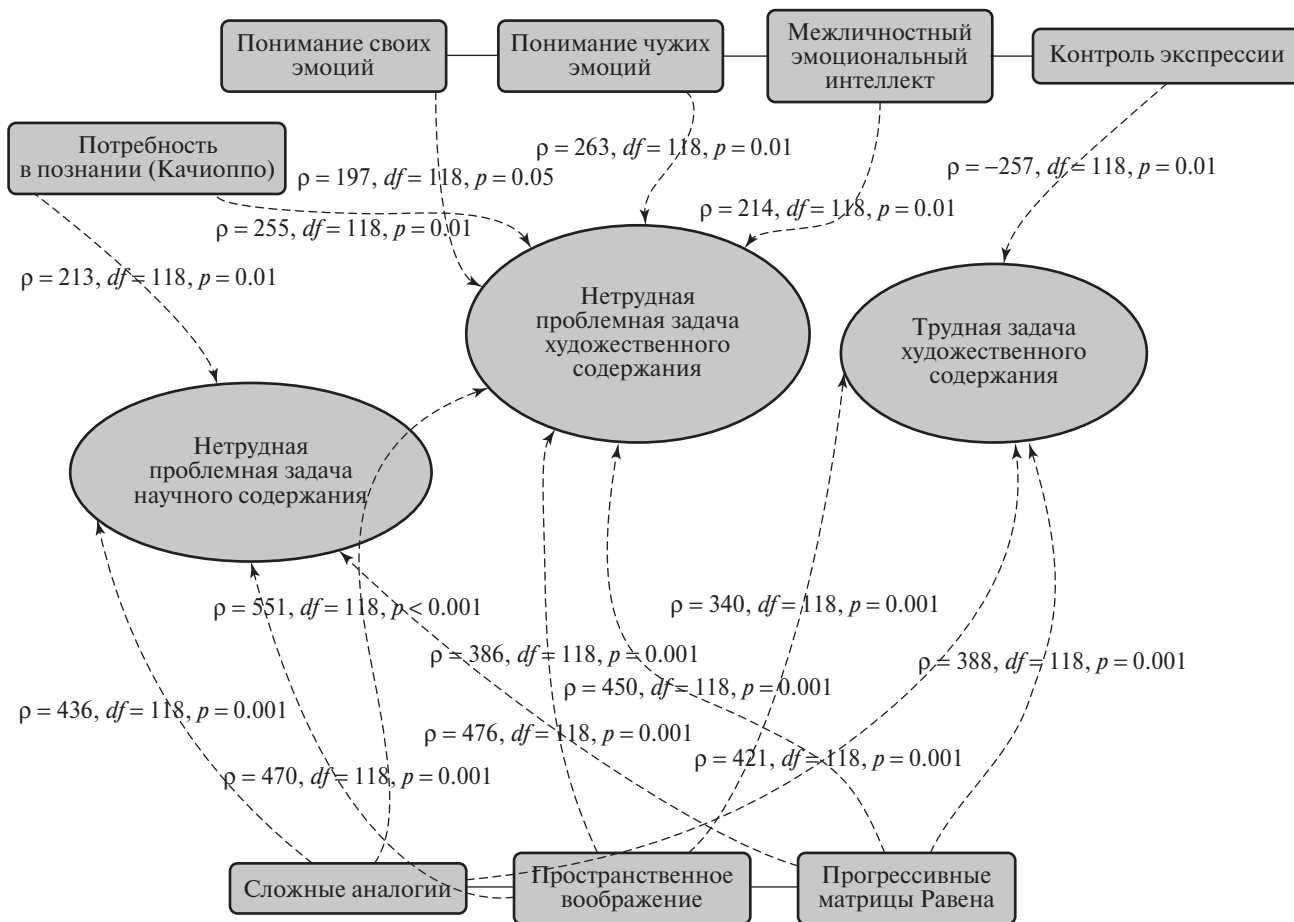

Рис. 1. Связь успешности решения задач с интеллектуальными и личностными характеристиками

проблемных задач неспециалистами наиболее значима связь интеллектуальных эмоций, свидетельствующих об обнаружении проблемы. Форма переживания познавательной потребности в успешном решении связана с этапом, содержанием и трудностью задачи. Гипотеза о связи познавательной потребности как личностной характеристики и успешностью принимается частично по отношению к решению нетрудных проблемных задач неспециалистами.

СВЯЗЬ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ С СУБЪЕКТИВНОЙ И ОБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКОЙ УСПЕШНОСТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМНЫХ ЗАДАЧ

В теории проблемных ситуаций в контексте проблемы трудности решения проблемных задач особо встает вопрос оценки субъектом успешности в процессе решения. При этом одним из субъективных процессуальных критериев оценки разрешенности проблемных ситуаций могут выступать

интеллектуальные эмоции уверенности или сомнения на каждом из этапов, ведущие или к продолжению поиска, или остановке в решении. Э. Кестер [3] с позиции теории проблемных ситуаций одним из первых в 1976 г. эмпирически показал возможность использования субъективных оценок уверенности-неуверенности в решении задач, требующих антиципации, выявив при этом два уровня уверенности в оценке результата: уверен в разрешимости-неразрешимости ситуации; не уверен в правильности решения.

В 2021 г. нами проведено квазиэкспериментальное исследование, цель которого — изучение связи динамики интеллектуальной уверенности-сомнений на разных этапах решения проблемных задач научного (психологического) содержания с познавательными возможностями субъекта и объективной успешностью решения. Объект исследования — процесс решения проблемных задач, предмет — процессуальная интеллектуальная уверенность в связях с познавательными возможностями субъекта и успешностью решения. Задачи исследования: 1) изучение связи познавательных возможностей субъекта с субъективно и объективно оцениваемой

успешностью решения проблемных задач специалистами и неспециалистами; 2) статистический анализ корреляций познавательных возможностей субъекта с успешностью решения проблемных задач. Теоретическая гипотеза: субъективная успешность (по результатам оценок субъектом уверенности в процессе решения) положительно связана с объективной (по результатам оценок экспертами окончательного решения) в решении задачи специалистами. Эмпирические гипотезы: для студентов-психологов интеллектуальная уверенность в решении проблемных задач научного психологического содержания положительно связана с использованием психологических знаний, для студентов-непсихологов — со способностью к анализу и обобщению; субъективная оценка успешности (уверенность в правильности) решения научных психологических задач студентами-психологами положительно связана с объективной оценкой экспертами успешности решений.

Методика. В исследовании участвовали 66 респондентов: 41 студент 1–2-го курсов факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова (33 жен., 8 муж., возраст 18–20 лет), изучивших несколько курсов по психологии; 14 студентов 2-го курса географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (6 жен., 8 муж., возраст 19–20 лет), 11 студентов 1–2-го курсов кафедры энергетического машиностроения НИУ “Московский энергетический институт” (4 жен., 7 муж., возраст 19–20 лет), прослушавших курс психологии в объеме 36 акад. часов и получивших зачет. Участникам исследования было предложено решить четыре проблемных задачи научного психологического содержания методики “Понимание смысла отрывка научного текста” А.А. Матюшкиной и М.И. Кунашенко [8]: по отрывку текстов классических научных исследований известных психологов необходимо полностью понять смысл исследования, ответив на вопросы, связанные с анализом, прогнозом, обобщением, с опорой на подсказки (в форме ключевых для понимания смысла фраз, содержащихся в отрывке).

Объективная успешность решения оценивалась глубиной (уровнем) понимания (от 1-го — непонимание к 4-му — глубокому пониманию) по близости к эталонному ответу, заложенному автором; анализировалось 264 протокола решений. Объективную успешность решения оценивали от 1 до 4 баллов три эксперта — специалиста с высшим психологическим образованием: преподаватель и два студента 6-го курса факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Коэффициент конкордации Кендалла показал высокую согласованность

оценок успешности решений экспертами. Задачи по успешности решения были разделены на две группы трудности. Наиболее трудными в решении для студентов — психологов и непсихологов выступили задачи (задачи “IQ”, “G-фактор”), требующие анализа и прогноза; более легкими оказались задачи на анализ и обобщение (задачи “Интеллект и креативность”, “Мышление”).

В исследовании использовались диагностические методики, направленные на оценку познавательных возможностей: тест интеллекта “Прогрессивные матрицы Равена” [10], “Сложные аналогии” [12], “Понимание смысла пословиц”, тест креативности Торренса “Завершение картинок” (адаптация А.Н. Воронина) [13], тест знаний по общей психологии, шкала самооценки уверенности в правильности решения на каждом из этапов по шкале от 0 (абсолютно не уверен) до 10 (абсолютно уверен).

Результаты. В решении трудных проблемных задач научного психологического содержания студентами-психологами обнаружены следующие корреляции (Спирмен): для задачи (“IQ”), требующей анализа и прогноза, — положительная связь между уверенностью на этапе выдвижения гипотез с результатами теста оценки знаний по психологии ($\rho = 0.358$, $df = 39$, $p = 0.030$); отрицательная — с оригинальностью и уникальностью по тесту Торренса: $\rho = -0.371$, $df = 39$, $p = 0.017$; $\rho = -0.351$, $df = 39$, $p = 0.024$ соответственно. Для задачи на прогноз (“G-фактор”) — отрицательная связь между уверенностью на этапе формулирования окончательного решения с оригинальностью по тесту Торренса ($\rho = -0.359$, $df = 23$, $p = 0.021$). Для студентов-непсихологов корреляционный анализ выявил положительную связь между уверенностью на этапе выдвижения гипотез с глубиной анализа по методике “Понимание смысла пословиц” ($\rho = 0.405$, $df = 23$, $p = 0.045$) для трудной задачи научного содержания на прогноз. Для студентов-психологов выявлены значимые положительные связи экспертных оценок объективной успешности решения нетрудных проблемных задач научного содержания с субъективными оценками уверенности на этапе понимания задачи: $\rho = 0.409$, $df = 39$, $p = 0.008$; $\rho = 0.579$, $df = 39$, $p = 0.000$. В решении проблемных задач студентами-непсихологами такого рода связи не выявлены.

Обсуждение результатов. В решении трудных научных проблемных задач психологического содержания специалистами (студентами-психологами) обнаружены положительные корреляции субъективной уверенности на этапе выдвижения гипотез с результатами теста психологических знаний, отрицательная связь уверенности с креативностью

на этапах выдвижения гипотез и формулировки окончательного решения может быть объяснена следующим образом. Вероятно, имеющиеся у специалистов знания, профессиональные формы анализа позволяют им быстро сформулировать правильную гипотезу по отношению к конвергентной задаче, в то время как креативность, задействуя дивергентное мышление, ведет к продолжению поиска с опорой на оригинальные, но не всегда существенные для успешного решения условия ситуации. Неспециалисты в решении наиболее трудной проблемной задачи научного психологического содержания при затруднении возможности использования специальных психологических знаний успешно решают за счет общих возможностей логического анализа, проявляя обоснованную уверенность при выдвижении гипотез. В решении нетрудных проблемных задач научного содержания для студентов-психологов положительная связь объективных оценок успешности с субъективными оценками уверенности на этапе понимания задачи в отличие от студентов-непсихологов может объяснена следующим образом. Данный этап обобщен в исследовании и соответствует этапам 1 и 2 по А.М. Матюшкину. Можно предположить, что студенты-психологи используют профессиональные формы анализа на первом этапе решения, связанном с пониманием проблемности, на втором этапе они готовы воспринимать и использовать заложенную в тексте задачи подсказку, проявляя обоснованную уверенность в успешности решения, в отличие от неспециалистов по условной формуле: правильно понял — обнаружил подсказку — уверен — успешно решил.

Гипотезы принимаются частично, результаты позволяют сделать следующие выводы.

Специалисты и неспециалисты в решении трудных проблемных научных задач опираются на разные познавательные возможности: специальные профессиональные знания или общие логические возможности анализа. В решении нетрудных проблемных задач научного содержания специалистами ключевым этапом решения выступает понимание, поэтому оценки субъективной успешности, выраженной в интеллектуальной уверенности на данном этапе, положительно связаны с экспертными оценками объективной успешности окончательных решений в отличие от неспециалистов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ исследований условий успешности решения проблемных задач в контексте теории проблемных ситуаций в качестве перспективных

позволяет обозначить следующие направления изучения продуктивных форм мышления: а) процессуальное изучение переживания познавательной потребности; б) изучение структуры познавательных возможностей субъекта в зависимости от содержания, типа задачи, ее трудности для субъекта; при этом к компонентам структуры могут быть отнесены общий и эмоциональный интеллект, возможности логического анализа; специальные (профессиональные) знания, использование профессиональных форм анализа; в) потребность в познании как личностная характеристика; г) процессуальное исследование оценок субъективной и объективной успешности решения проблемных задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 192 с.
2. Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М.: Прогресс, 1987. 336 с.
3. Кестер Э. К исследованию антиципации в процессе решения проблемных задач: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1976.
4. Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭИИ: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 264–278.
5. Матюшкин А.М. Психология мышления. Мышление как разрешение проблемных ситуаций: Учеб. пособие. М.: КДУ, 2009. 190 с.
6. Матюшкина А.А. Уровни решения проблемного задания как отражение глубины мышления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2015. № 3. С. 93–107.
7. Матюшкина А.А., Грудинин В.А. Переживание познавательной потребности в решении проблемных задач // Актуальные проблемы психологического знания. 2021. № 4. С. 110–125.
8. Матюшкина А.А., Кунашенко М.И. Креативность как предпосылка разрешения проблемных ситуаций // Актуальные проблемы психологического знания. 2019. № 1. С. 61–73.
9. Платонова Т.А. Экспериментальное исследование процесса порождения познавательной мотивации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1980.
10. Прогрессивные матрицы Равена: метод, рекомендации / Сост. и общ. ред. О.Е. Мухордовой, Т.В. Шрейбер. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. 70 с.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 712 с.

12. Сложные аналогии // Психологические тесты / Сост. С. Касьянов. М.: Эксмо, 2006. 608 с.
13. Тест креативности Торренса (в адаптации А.Н. Воронина) // Методы психологической диагностики: Вып. 2 / Ред. А.Н. Воронин. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 1994. С. 5–40.
14. Тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра (TSI) // Елисеев О.П. Практикум по психологии личности. СПб.: Питер, 2003. С. 342–370.
15. Усманова Э.З. Мотивационно-эмоциональная регуляция мышления в условиях интеллектуального конфликта / Предисл. А.М. Матюшкина. Ташкент: УКИТУВЧИ, 1993. 104 с.
16. Шепелева Е.А., Валуева Е.А., Лантева Е.М. Потребность в познании: сравнительный анализ различных исследовательских и психодиагностических подходов // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7. № 3. С. 115–125. URL: https://psyjournals.ru/jmfp/2018/n3/Shepeleva_Valueva_Lapteva.shtml (дата обращения: 19.11.2021).
17. Шумакова Н.Б. Вопрос в структуре познавательной активности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1985.
18. Шебетенко С.А. Психометрика русской версии шкалы потребности в познании // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. № 6. С. 88–100.
19. Cacioppo J.T., Petty R.E., Kao C.F. The efficient assessment of need for cognition // Journal of Personality Assessment. 1984. V. 48. P. 306–307.

THEORY OF PROBLEM SITUATIONS: RESEARCH PERSPECTIVES To the 95th anniversary of Alexei Mikhailovich Matyushkin

A. A. Matyushkina^{1,*}, V. A. Grudinina^{2,**}, M. I. Kunashenko^{1,***}

¹*Lomonosov Moscow State University;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 11/9, Russia.*

²*National Research University "Higher School of Economics";
101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20, Russia.*

**PhD (Psychology), Associate Professor of the Department of General Psychology, Faculty of Psychology.
E-mail: aam_msu@mail.ru*

***Postgraduate Student, Faculty of Psychology.
E-mail: grudininva@my.msu.ru*

****Postgraduate Student, Faculty of Psychology.
E-mail: lanaya.croft@mail.ru*

Received 03.10.2022

Abstract. The article is devoted to the analysis of the theory of problem situations (A.M. Matyushkin) in order to identify perspective directions for its development. The actuality is associated with the study of productive forms of thinking from the position of this theory using modern methods of analysis and data processing. There are empirical studies according to the components of the psychological structure of a problem situation. The goal is to identify the links between the objectively and subjectively assessed success in solving problematic tasks with the experience of a cognitive need in the form of intellectual emotions and the cognitive capabilities of the subject. Hypotheses: the connection between experiencing a cognitive need and success depends on the stage of solution and the content of the task; subjective success positively related to objective success in problem solving by specialists. The research involved 186 students (from 17 to 20 years old; 76 males, 110 females), who solved four problematic tasks of different content. Methods: intellectual test "Raven's Progressive Matrices", questionnaire "Emotional Intelligence" by D.V. Lyusin; "Complex analogies", "Understanding the meaning of proverbs", Torrance's creativity test "Completion of pictures", Cacioppo's scale of need for cognition, R. Amthauer's test for structure of intellect; knowledge test of general psychology; author's methods for assessing the forms of experiencing a cognitive need; understanding the meaning of scientific/artistic texts. The discrepancy between the form of experiencing the cognitive need and the content of the stage is associated with the non-successful solution. Specialists in solving scientific problematic tasks, showing reasonable intellectual confidence at the stages of understanding and hypotheses through using of special knowledge, successfully solve the tasks in accordance with objective criteria for successful solution. There are perspectives directions for the development of the theory of problem situations to the context of the successful problem solving: processual experience of cognitive need, processual subjective and objective estimations of the success of

a solution, the structure of the subject's cognitive capabilities in connection with the difficulty of the problematic task.

Keywords: productive thinking, problematic task, problem situation, cognitive need, need for cognition, intellectual emotions, cognitive capabilities, success of the solution.

REFERENCES

1. *Vasil'ev I.A., Popluzhnyj V.L., Tihomirov O.K.* Emocii i myshlenie. Moscow.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1980. 192 p. (In Russian)
2. *Vertgejmer M.* Produktivnoe myshlenie. Moscow: Progress, 1987. 336 p. (In Russian)
3. *Kester E.* K issledovaniyu anticipacii v processe resheniya problemnyh zadach. Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow, 1976. (In Russian)
4. *Lyusin D.V.* Oprosnik na emocional'nyj intellekt EmIn: novye psihometricheskie dannye. Social'nyj i emocional'nyj intellekt: ot processov k izmereniyam. Eds. D.V. Lyusin, D.V. Ushakov. Moscow: Institut psihologii RAN, 2009. P. 264–278. (In Russian)
5. *Matyushkin A.M.* Psihologiya myshleniya. Myshlenie kak razreshenie problemnyh situacij: Uchebnoe posobie. Moscow: KDU, 2009. 190 p. (In Russian)
6. *Matyushkina A.A.* Urovni resheniya problemnogo zadaniya kak otrazhenie glubiny myshleniya. Vestn. Mosk. un-ta. Seriya 14. Psihologiya. 2015. № 3. P. 93–107. (In Russian)
7. *Matyushkina A.A., Grudin V.A.* Perezhivanie poznavatel'noj potrebnosti v reshenii problemnyh zadach. Aktual'nye problemy psihologicheskogo znaniya. 2021. № 4. P. 110–125. (In Russian)
8. *Matyushkina A.A., Kunashenko M.I.* Kreativnost' kak predposylka razresheniya problemnyh situacij. Aktual'nye problemy psihologicheskogo znaniya. 2019. № 1. P. 61–73. (In Russian)
9. *Platonova T.A.* Eksperimental'noe issledovanie processa porozhdeniya poznavatel'noj motivacii. Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow, 1980. (In Russian)
10. *Progressivnye matricy Ravena: metod. rekom.* Eds. O.E. Muhordova, T.V. Shrejber. Izhevsk: Udmurt. un-t, 2011. 70 p. (In Russian)
11. *Rubinshtejn S.L.* Osnovy obshchej psihologii. Saint Petersburg: Piter, 2000. 712 p. (In Russian)
12. *Slozhnye analogii: Psihologicheskie testy.* Sost. S. Kas'yanov. Moscow: Eksmo, 2006. (In Russian)
13. *Test kreativnosti Torransa (v adaptacii A.N. Voronina).* Metody psihologicheskoy diagnostiki: Vyp. 2. Ed. A.N. Voronin. Moscow: Institut psihologii RAN, 1994. P. 5–40. (In Russian)
14. *Test struktury intellekta R. Amthauera (TSI).* Eliseev O.P. Praktikum po psihologii lichnosti. Saint Petersburg, 2003. P. 342–370. (In Russian)
15. *Usmanova E.Z.* Motivacionno-emocional'naya regulyaciya myshleniya v usloviyah intellektual'nogo konflikta. Predisl. A.M. Matyushkina. Tashkent: UKITUVCHI, 1993. 104 p. (In Russian)
16. *Shepeleva E.A., Valueva E.A., Lapteva E.M.* Potrebnost' v poznanii: sravnitel'nyj analiz razlichnyh issledovatel'skih i psihodiagnosticheskikh podhodov. Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya. 2018. V. 7. № 3. P. 115–125. URL: https://psyjournals.ru/jmfp/2018/n3/Shepeleva_Valueva_Lapteva.shtml (accessed: 19.11.2021). (In Russian)
17. *Shumakova N.B.* Vopros v strukture poznavatel'noj aktivnosti. Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow, 1985. (In Russian)
18. *Shchebetenko S.A.* Psihometrika russkoj versii shkaly potrebnosti v poznanii. Vestnik Permskogo universiteta: Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya. 2011. № 6. C. 88–100. (In Russian)
19. *Cacioppo J.T., Petty R.E., Kao C.F.* The efficient assessment of need for cognition. Journal of Personality Assessment. 1984. V. 48. P. 306–307.

УДК 159.9.07

ЗАБУДЬТЕ ТО, ЧТО ВЫУЧИЛИ: ВЛИЯНИЕ МЕДИТАЦИИ НА НАМЕРЕННОЕ ЗАБЫВАНИЕ^{1,2}

© 2022 г. А. А. Сергеюк*, О. В. Щербакова**

Санкт-Петербургский государственный университет;
199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9, Россия.

*Выпускница факультета психологии, клинический психолог.

E-mail: sergejuk.a@gmail.com

**Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии
и лаборатории поведенческой нейродинамики.

E-mail: o.shcherbakova@spbu.ru

Поступила 03.06.2022

Аннотация. Одним из важных аспектов эффективности работы памяти является невоспроизведение (забывание) ошибочной, травматичной или незначимой в данный момент информации. Поэтому особую важность имеет разработка методов, позволяющих контролировать и облегчать процесс забывания. Цель данной работы — изучение влияния систематических ментальных тренировок (медитации открытого мониторинга) на величину эффекта намеренного забывания. В экспериментальном исследовании участвовали 106 добровольцев (69 женщин, 18–35 лет). Интервенция предполагала прохождение курса из 30 медитаций открытого мониторинга или 30 псевдомедитаций. До и после интервенции измерялись: а) эффект намеренного забывания (с помощью метода “думать/не думать” с последующим опросом о предпочитаемых стратегиях намеренного забывания) и б) эффект Струпа (с помощью классического Струп-теста) для контроля влияния медитации открытого мониторинга на механизмы ингибиции, которые предположительно участвуют в проявлении лабораторного эффекта намеренного забывания. В контрольной группе участники не подвергались экспериментальному воздействию. Статистически значимого влияния ментальных тренировок на величины исследуемых эффектов обнаружено не было. Получены следующие статистически значимые результаты: в группе медитации после интервенции стратегии, препятствующие намеренному забыванию, стали использоваться реже, чем в группе псевдомедитации ($p = 0.009$) и контрольной ($p = 0.007$), а стратегии, фасилитирующие забывание, — чаще, чем до интервенции ($p = 0.013$). Результаты свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения амнезогенного потенциала ментальных тренировок различного типа.

Ключевые слова: память, метапамять, намеренное забывание, ментальная тренировка, медитация, метод “думать/не думать”, тест Струпа.

DOI: 10.31857/S020595920023641-1

Намеренное забывание (НЗ) — это процесс, запускающийся после инструкции забыть информацию, которая была заучена до этого [24]. Работа НЗ может быть запущена для достижения различных целей: регуляции аффекта, оправдания собственных проступков, поддержания убеждений и правил, самообмана и обмана других, поддержания образа Я, прощения, сохранения отношений [6].

При этом носитель психики выступает как активный субъект, обладающий мнемической целью забыть информацию.

Механизмы НЗ до сих пор не до конца ясны. Например, эффекты, проявляющиеся в исследованиях направленного забывания методом элементов [25], могут иметь в своей основе подавление процессов кодирования, при применении метода списков [8] НЗ может быть обусловлено подавлением значимости временного контекста, а результаты исследований, выполненных в парадигме “думать/не думать” (think/no-think) [7], дают основания утверждать, что эффект НЗ проявляется за счет ингибиции процессов воспроизведения. Таким

¹ Авторы благодарят Алену Алексеевну Гофман за помощь при подготовке исследования, а также основателей и сотрудников приложения “Практика” за техническую поддержку.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 94615876).

образом, НЗ в целом обусловлено способностью человека намеренно подавлять и изменять процессы, происходящие в его сознании.

Мы рассматриваем НЗ в качестве процесса ингибции воспроизведения нежелательной в данный момент информации, обусловленного способностью остановить автоматически, “привычно” запускаемую программу поведения в ответ на стимул [7]. Так как наша цель заключалась в проверке гипотезы о влиянии ментальных тренировок на эффект НЗ, обусловленный вышеназванным механизмом, было принято решение об использовании теста Струпа [34] для оценки способности испытуемых к ингибции нерелевантной информации до и после интервенции [26; 31].

НЗ как феномен, предполагающий осведомленность субъекта о протекании собственных когнитивных процессов, может быть рассмотрено с метакогнитивной точки зрения. Метапамять как знания об особенностях работы собственной памяти впервые была описана пионером метакогнитивного направления в психологии Дж. Флейвеллом еще в 1970-х годах [12]. К концу XX в. накопилось уже достаточное количество эмпирических данных о метапамяти, поэтому в 1990 г. Т. Нельсон и Л. Наренс выпустили обзор, в котором обобщили имеющиеся знания по этой теме [28]. Сам Т. Нельсон предложил схему работы метапамяти, в которую входят два уровня — мета- и объективный и два процесса, связывающие эти уровни, — мониторинг и контроль. С метакогнитивной точки зрения успешность мнемических процессов должна зависеть от результатов мониторинга и контроля, которые имеют специфические особенности на различных этапах работы с информацией. В рамках этой модели [27] забывание будет приравнено к невоспроизведению, т.е. снижению уровня воспроизведения информации под влиянием работы мониторинга и контроля. Наконец, в 2016 г. Н. Фостер и Л. Саакян предложили понятие “метазабывание”, которое отражает представление о НЗ как о метакогнитивном процессе. Термин “метазабывание” следует понимать как процесс, предполагающий наличие мнемической цели забыть и использование для достижения этой цели определенных стратегий [32].

Медитация как ментальная тренировка. Понятие “ментальная тренировка” на данный момент не имеет общепринятого значения. Б.Б. Величковский дает наиболее полное, на наш взгляд, определение, понимая под тренировкой когнитивных функций (ментальной тренировкой) “систематическое распределенное во времени решение заданий, активирующих отдельные когнитивные

функции, с целью устойчивого улучшения когнитивного функционирования” [2, с. 80]. Согласно этому определению, медитация является одним из видов ментальной тренировки, так как представляет собой группу стратегий для тренировки внимания и эмоциональной сферы, разработанных для достижения эмоционального баланса и повышения качества жизни [12; 23; 35]. Самый цитируемый специалист в данной сфере Дж. Кабат-Зинн определяет медитацию как направленную технику самостоятельной регуляции внимания от момента к моменту [20]. Х. Слахтер и ее коллеги считают, что ментальная тренировка — это процесс формирования длительных изменений когнитивных функций через изменение способа восприятия и обработки стимулов, при этом авторы приравнивают ментальную тренировку к практикам медитации [33]. Ф. Зейдан с коллегами не разводят понятия ментальной тренировки и медитации осознанности, определяя последнюю как ментальную тренировку внимания к телесным ощущениям и дыханию в процессе релаксации [38].

Практики медитации (вне зависимости от их исторического, философского и религиозного аспектов) можно разделить на две категории на основании задействованных в них психических процессов: медитации сосредоточенности (*focused attention*) и медитации открытого мониторинга (*open monitoring*) [23]. Медитация сосредоточенности (МС) требует от субъекта продолжительной произвольной концентрации внимания на выбранном явлении. Медитация открытого мониторинга (ОМ) предполагает безоценочное отслеживание (мониторинг) содержания собственного сознания от момента к моменту.

Известно, что ОМ-медитация тренирует способность эксплицитно ранее бывший имплицитным опыт и позволяет достичь осознанности (*mindfulness*) [22], которую можно определить как состояние метаосведомленности (*meta-awareness*) [21], т.е. разворачивающееся во времени осознание явления через обращение на него безоценочного внимания [19]. Согласно приведенным определениям, осознанность представляет собой метакогнитивный феномен, предполагающий произвольную регуляцию протекания когнитивных процессов на обоих уровнях: объективном, где происходит обращение внимания на явление, и метауровне, где происходит осознание и отслеживание происходящего в ментальном пространстве [10; 18]. Медитации осознанности активизируют метакогнитивный режим обработки информации, который предполагает отношение к мыслям как к идеям, поддающимся оценке и корректировке [36].

Продолжительная практика ОМ формирует навык управления вниманием в зависимости от требований задачи [33]. Практикующие ОМ за счет тренировки безоценочного наблюдения за потоком сознания обладают способностью отслеживать и останавливать автоматические мысли, возникающие в ходе деятельности, т.е. ингибировать процессы воспроизведения [10]. Можно предположить, что подобные механизмы обладают амнезогенным эффектом, что позволяет говорить о летатехническом (от греч. Λήθη — “забвение”) потенциале практик ОМ. Мы предполагаем, что, получая инструкцию забыть информацию, человек с опытом ОМ с большей легкостью остановит разворачивание программы автоматического ответа по сравнению с человеком, который таким опытом не обладает.

Описанные выше предпосылки легли в основу настоящего исследования, которое стало одним из первых шагов на пути к разработке летатехнических методик. Целью данной работы стала экспериментальная проверка гипотезы о том, что систематические ментальные тренировки открытого мониторинга в виде медитаций (ОМ-медитаций) изменяют величину эффекта НЗ, обусловленного механизмом ингибции процессов воспроизведения.

МЕТОДИКА

Участники исследования. 106 добровольцев (69 — женщины; 18–35 лет; медиана возраста $Me = 24$; интерквартильный размах распределения $Q_{mg} = 6$). Все участники — носители русского языка, не имели диагностированных психических патологий, заболеваний головного мозга и не принимали психоактивных веществ. Все они не имели либо имели несистематический опыт медитаций (менее 10 практик с последней не менее чем месяц назад). Завершить все экспериментальные задания смогли только 57% респондентов — 61 человек (43 — женщины; 18–31 год; $Me = 24$; $Q_{mg} = 5$). За завершённое участие в исследовании люди получали промокод на бесплатную месячную подписку на приложение для светских медитаций “Практика”.

Методики. Для сбора данных использовались: метод исследования лабораторного эффекта НЗ “думать/не думать”, классический тест Струпа, структурированное интервью о стратегиях НЗ. В качестве интервенции были выбраны разработанные авторами медитация открытого мониторинга и псевдомедитация, предварительно записанные профессиональным диктором. Для контроля количества и качества ментальных тренировок, пройденных

участниками, использовались дневники самоотчета. Предполагалось, что дневник будет стимулировать к регулярному выполнению тренировки и поддерживать мотивацию, давая возможность отслеживать прогресс.

Метод “думать/не думать” имитирует ситуацию, в которой человек активно останавливает возникающий у него ответ на стимул, вызывающий определенные воспоминания. Эта характеристика парадигмы позволила нам обеспечить экологическую валидность эксперимента за счет приближенности к тому, как запускается и происходит НЗ информации в повседневной жизни. Реализация метода предполагала выполнение ряда последовательных шагов (табл. 1).

1. Заучивание, в процессе которого происходило предъявление и заучивание 27 пар существительных (например, *абрис — зачетка*). Общее число пар состояло из семи пар на каждое из трех условий (думать, не думать, контрольные) и шести пар, которые использовались только на этапе тренировки. Список пар был составлен из среднечастотных слов (средний коэффициент Жуайна = 82), средняя длина слов — 6 букв (min 4, max 8), средняя длина пар — 5 слогов (min 4, max 6). Все 27 пар повторялись по 4 раза в рандомизированном порядке, чтобы обеспечить возможность закрепления информации в памяти и при этом избежать влияния эффекта последовательности. Заучивание считалось успешным, если из 27 пар не менее 14 были воспроизведены верно.

2. Тренировка, в ходе которой участники обучались отвечать на предъявленные левые слова из тренировочных шести пар, окрашенные зеленым цветом, соответствующим правым словом, а в ответ на левые слова, окрашенные красным цветом, намеренно препятствовать припоминанию правого слова. Пары на этом этапе предъявлялись однократно.

3. Фаза воздействия, которая состояла в том, что в ходе реализации парадигмы “думать/не думать” семи левых слов предъявлялись в зеленом цвете и семи — в красном [17]: в случайном порядке, по 16 раз каждое [5]. Остальные семь слов не предъявлялись и служили отправной точкой для последующего сравнения.

4. Тестирование эффекта методом “той же пробы” (same probe test) [5], которое предполагало проверку уровня воспроизведения: требовалось ответить правым словом на предъявление левого. При этом для нивелирования эффекта “хорошего испытуемого” [29] сообщалось, что от них ожидается повышение уровня воспроизведения слов

Таблица 1. Схема реализации метода “думать/не думать” [7]

Экспериментальное условие	Этап		
	Заучивание	Воздействие	Тестирование методом “той же пробы”
Подавление (не думать)	Испытание — таракан	Испытание*	Испытание
Ответ (думать)	Дым — поезд	Дым**	Дым
Контрольные слова	Челюсть — решка	—	Челюсть

* — написано красным цветом; ** — написано зеленым цветом.

с инструкцией “не думать” [37], что было направлено на снижение вероятности формирования у участников мотивации ввести экспериментатора в заблуждение о количестве запомненных слов.

Эффект НЗ операционализировался на этапе тестирования методом “той же пробы” как разность между уровнем воспроизведения ранее воспроизведенных контрольных слов и слов, отмеченных на этапе воздействия инструкцией “не думать”: $NЗ = (fb/sb) - (ff/sf)$, где НЗ — эффект намеренного забывания; fb и sb — соответственно итоговое и стартовое количество воспроизведенных слов контрольных пар; ff и sf — соответственно итоговое и стартовое количество воспроизведенных слов из пар с инструкцией “не думать”. Такая формула позволила нам учесть случаи, в которых уровень стартового корректного воспроизведения 27 пар слов был ниже 100%.

Классический тест Струпа. Мы полагали, что если по результатам выполнения теста Струпа у людей, выполняющих ОМ-медитации, показатель ингибиции будет меньше, а эффект НЗ — больше, можно будет говорить о подтверждении гипотезы об ингибиторном происхождении эффекта НЗ, измеренного в парадигме “думать/не думать”, и о том, что эффект желательности у участников отсутствовал или был незначительным.

Мы использовали электронный бланк, на котором были напечатаны слова “красный”, “зеленый”, “синий”, “желтый”, каждое из которых было окрашено неконгруэнтно своему значению. Например, слово “зеленый” встречалось в бланке окрашенным в любой из названных цветов за исключением зеленого. Для окрашивания нами были выбраны следующие цвета: желтый с шестнадцатеричным кодом цвета для использования на компьютере #f2c802, зеленый — #2b9026, красный — #dd020f, синий — #0070d6. Таким образом мы получили таблицу из 5 столбцов и 12 строк, в которой размещались 4 слова, обозначающие цвета, окрашенные каждое в 3 цвета и повторяющиеся 5 раз (всего 60 слов). Слова были расположены таким образом, чтобы: а) в одной строке цвет встречался не более двух раз; б) слова одинакового цвета и значения не соседствовали друг с другом в колонках

и строках. Бланк предъявлялся на экране так, чтобы все 60 слов были видны одновременно. Бланк, состоящий из прямоугольников, окрашенных в те же цвета, был составлен аналогичным способом. Порядок расположения цветов на несловесном бланке был обратным относительно их расположения на бланке с неконгруэнтно окрашенными словесными стимулами.

После тренировочной серии из бланка на 10 слов на экране предъявлялся бланк с неконгруэнтно окрашенными словами вслед за инструкцией как можно быстрее и без ошибок назвать цвет слов, игнорируя их значение. Вслед за текстовым бланком вместе с аналогичной инструкцией предъявлялся бланк с несловесными стимулами (цветными прямоугольниками). Эффект Струпа мы операционализировали как разность между скоростью прочтения бланка с неконгруэнтно окрашенными словами и скоростью прочтения бланка с несловесными стимулами, измеренными в секундах (с поправкой на совершенные ошибки).

Структурированное интервью. Существуют сведения о том, что успешность НЗ может зависеть от стратегии, которая используется субъектом [17]. Это согласуется с предположением о том, что метакогнитивные процессы мониторинга и контроля влияют на успешность НЗ, так как определение стратегий является результатом мониторинга, в результате которого сформировалось метакогнитивное суждение об уместности применения определенной стратегии контроля. Сбор информации о стратегиях, использованных для выполнения инструкций парадигмы “думать/не думать”, осуществлялся с помощью структурированного интервью, в рамках которого испытуемым предлагалось выбрать стратегии из списка стратегий намеренного забывания [17].

1. Убедились, что знаете второе слово из пары, и старались не думать о нем.

2. Старались не думать о втором слове, но, когда слово-подсказка пропадало, проверяли, помните ли нужное слово.

3. Сдерживались, чтобы не произнести второе слово, но повторяли его про себя, чтобы лучше запомнить.

4. Старались не думать о правильном втором слове, фокусируясь на чем-то другом (например, на другом слове или каком-либо образе).

5. Стремилась не думать о втором слове из пары, сохраняя свое поле сознания пустым.

Интервенция. В качестве инструкций для ментальных тренировок в виде ОМ-медитаций и псевдомедитаций (см. Приложение) предоставлялись аудиозаписи длиной в 19.1 и 18.5 мин соответственно, разработанные и записанные специально для настоящего исследования. Текст обеих тренировок зачитывался одним и тем же профессиональным диктором с опытом записи ментальных тренировок для приложения для светских медитаций “Практика”.

В основу текста ОМ-медитации лег текст, разработанный Ю.Р. Рассохиной и О.В. Щербаковой и частично измененный нами в соответствии с целями исследования. Инструкции были добавлены, дополнены и переформулированы таким образом, чтобы сохранялся акцент на основных характеристиках ОМ: пассивном внимании (балансе между расслабленностью и сконцентрированностью) к “здесь-и-сейчас”, мониторинге появляющихся в поле сознания явлений, обычно остающихся имплицитными, безоценочности и принятии [4; 11; 13; 21; 23]. Текст псевдомедитации был сформирован на основе текста ОМ таким образом, чтобы он отличался от последнего только формулировкой инструкций, которые в оригинальном тексте были направлены на тренировку ОМ, а в псевдомедитации были направлены на попеременное переключение внимания между различными объектами и явлениями: дыханием, частями тела, визуализируемыми образами.

Процедура. Для изучения летатехнического потенциала ментальных тренировок использовался экспериментальный план для трех рандомизированных групп с предварительным и итоговым тестированием и тремя уровнями независимой переменной [3].

Набор выборки проходил с помощью социальных сетей. Потенциальные участники видели или получали от знакомых краткое описание исследования и ссылку на первичную анкету с вопросами о социально-демографическом статусе. Затем в ходе онлайн-встречи (40–60 мин) осуществлялся первый замер. Испытуемым посредством ссылки предоставлялся доступ к платформе “Pavlovia”, на которой были размещены задания теста Струпа

и методики получения лабораторного эффекта НЗ “думать/не думать”. После их выполнения испытуемых опрашивали на предмет стратегий, которые они применяли в парадигме “думать/не думать”. На этапе дебрифинга участники получали возможность вербализовать свои переживания и задать вопросы, которые касались процесса прохождения эксперимента.

Далее люди псевдослучайным образом распределялись между тремя группами: медитации открытого мониторинга, псевдомедитации и контрольной. Участники из первых двух групп еще раз получали краткую инструкцию выполнения тренировок в письменном виде, а также ссылку на персональный “Дневник ментальных тренировок”, внутри которого были размещены ссылка на соответствующую аудиозапись и напоминание о дате следующей встречи. Участники контрольной группы получали сообщение-напоминание о примерной дате следующей встречи.

На этапе интервенции респонденты выполняли 30 ментальных тренировок в течение 6 недель. Такое количество тренировок было обусловлено данными о том, что самые заметные и стойкие изменения в результате практик медитации происходят в течение первых 30 дней регулярных тренировок [15; 30]. Выполнение ментальных тренировок фиксировалось в дневнике самоотчетов, где требовалось отразить: 1) как люди себя чувствовали в момент выполнения ментальной тренировки; 2) какие-либо заметные перемены, которые произошли в результате практик ментальных тренировок.

Для второго замера, который происходил в среднем спустя 43 дня ($\min = 30$, $\max = 53$, $M_0 = 42$) после первого, использовались те же методы, что и для первого, но с новыми стимулами. В методе “думать/не думать” мы заменили пары слов, соблюдая их среднюю длину и коэффициент частотности, а в тесте Струпа создали бланки с обратным относительно первого замера порядком расположения слов и прямоугольников. После выполнения заданий был снова произведен структурированный опрос о стратегиях НЗ, а также расширенный дебрифинг с объяснением гипотез исследования и методов их проверок. По завершении все получали материалы на тему исследования для ознакомления и промокод для доступа к приложению “Практика”.

Для обработки и визуализации полученных данных использовались программа IBM SPSS Statistics 26 и язык программирования Python 3.9. Анализировались результаты выполнения испытуемыми заданий метода “думать/не думать” и теста

Струпа до и после периода систематических ментальных тренировок.

Для проверки статистических гипотез были использованы: критерий Шапиро–Уилка для проверки нормальности распределения и, так как полученные данные 61 участника не были нормально распределены, непараметрический критерий *H* Краскела–Уоллиса, коэффициент корреляции *r* Спирмена, точный тест Фишера–Фримана–Холтона, тест Макнемара.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Полученные данные 61 участника не были нормально распределены (критерий Шапиро–Уилка, $p < 0.05$ для обоих эффектов на каждом из замеров). Группа ОМ-медитации (ОМ) состояла из 22 участников, псевдомедитации (SHAM) — из 19, а контрольная (CONTR) — 20 человек.

Согласно визуализациям распределений ответов испытуемых, величины эффектов НЗ и Струпа изменились под влиянием периода ментальных тренировок (рис. 1).

Для определения того, являются ли зависимые переменные взаимосвязанными, мы рассчитали коэффициент корреляции *r* Спирмена между величинами эффектов НЗ и Струпа на этапах до и после интервенции. Статистически значимая корреляция величин не была обнаружена ни до,

ни после воздействия: $R_s(59) = 0.067, p = 0.609$; $R_s(59) = 0.089, p = 0.494$ соответственно. В связи с этим мы отнесли к переменным как к независимым друг от друга.

Для проверки гипотезы о наличии различий между группами в размерах эффектов НЗ и Струпа до и после периода ментальных тренировок был использован непараметрический критерий *H* Краскела–Уоллиса. Полученные результаты свидетельствуют в пользу принятия нулевой гипотезы об отсутствии статистически достоверных различий между группами по показателям эффектов НЗ и Струпа до и после периода ментальных тренировок (табл. 2).

Нами также были проанализированы данные относительно стратегий НЗ, использовавшихся испытуемыми в обоих замерах. Распределение частот встречаемости той или иной стратегии визуализировано на рис. 2.

Для проверки гипотез о различиях между группами в частоте использования стратегий НЗ были выбраны критерии Фишера–Фримана–Холтона и Макнемара (табл. 3 и 4 соответственно).

Описанные в табл. 3 результаты свидетельствуют о том, что до интервенции группы не различались между собой по частоте использования той или иной стратегии НЗ. Однако после интервенции между группами были обнаружены статистически значимые различия в частоте встречаемости стратегии “Фокус”, которая предполагает концентрацию

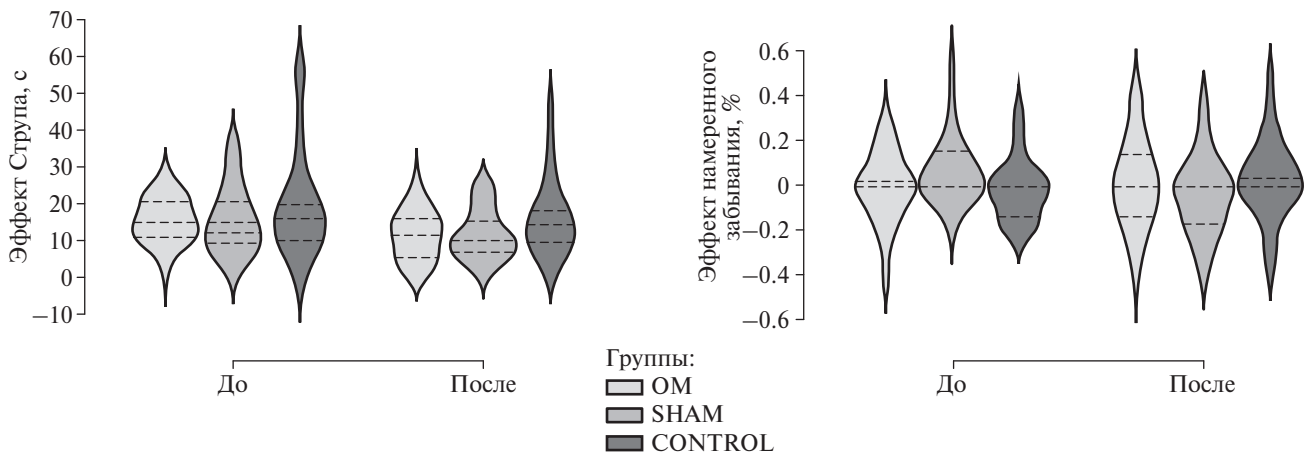

Рис. 1. Распределение эффектов намеренного забывания и Струпа до и после интервенции. Группы: ОМ — открытого мониторинга; SHAM — псевдомедитации; CONTROL — контрольная

Таблица 2. Сравнение эффектов намеренного забывания (НЗ) и Струпа (Струп) до и после интервенции по группам

	До интервенции		После интервенции	
	НЗ	Струп	НЗ	Струп
<i>H</i> Краскела–Уоллиса	4.122	0.285	1.913	2.859
<i>Df</i>	2	2	2	2
<i>p</i> -value	0.127	0.867	0.384	0.239

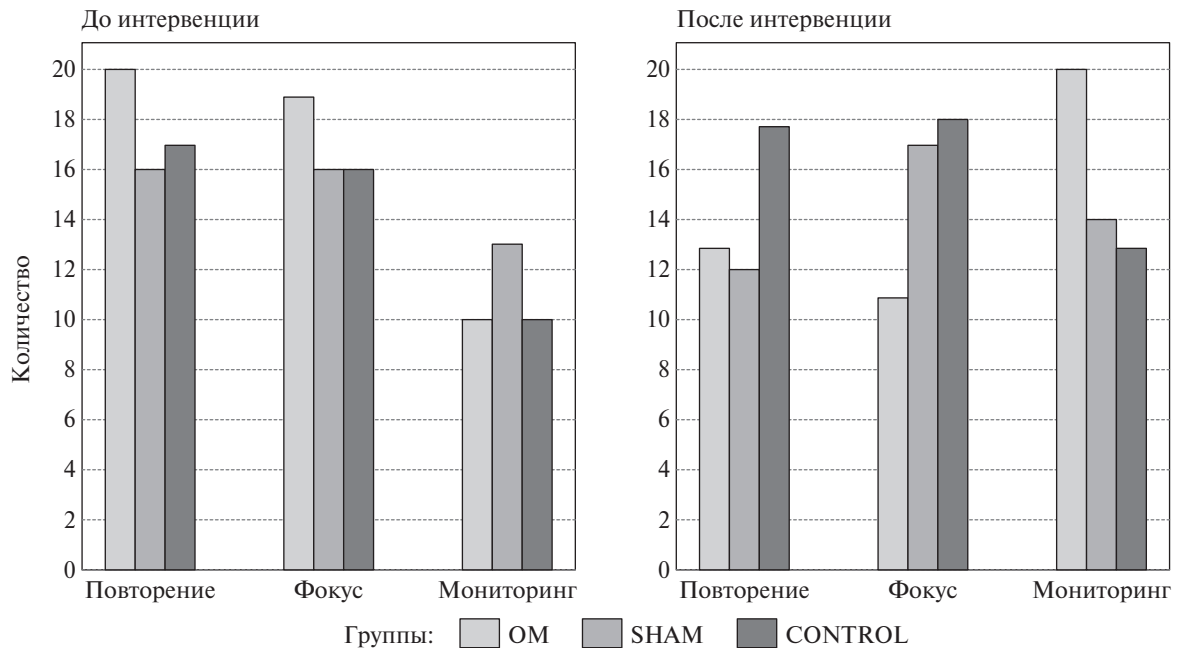

Рис. 2. Распределение частот встречаемости стратегий намеренного забывания по группам до и после интервенции. Группы: OM — открытого мониторинга, SHAM — псевдомедитации, CONTROL — контрольная

Таблица 3. Результаты проверки межгрупповых различий в частоте встречаемости стратегий намеренного забывания, точный критерий Фишера–Фримана–Холтона

	До интервенции			После интервенции		
	Повторение	Фокус	Мониторинг	Повторение	Фокус	Мониторинг
<i>F</i>	0.640	0.426	2.350	5.782	10.836	4.235
<i>p</i> -value	0.802	0.910	0.360	0.057	0.004	0.117

Таблица 4. Результаты проверки внутригрупповых различий в частоте встречаемости стратегий намеренного забывания до и после интервенции, критерий Макнемара

	OM-медитации			Псевдомедитации			Контрольная		
	(1)	(4)	(5)	(1)	(4)	(5)	(1)	(4)	(5)
Критерий Макнемара	5.143	4.9	5.786	1.125	0	0	0	0.167	0.8
<i>p</i> -value	0.016	0.021	0.013	0.289	1	1	1	0.688	0.375
<i>n</i>	22	22	22	19	19	19	20	20	20
<i>Df</i>	1	1	1	1	1	1	1	1	1

Примечание. (1) — повторение, (4) — фокус, (5) — мониторинг.

на каком-либо явлении. Апостериорный анализ с использованием точного критерия Фишера–Фримана–Холтона показал, что частота использования этой стратегии в группе OM-медитации значительно отличается от частоты ее использования в группах псевдомедитации ($p = 0.009$) и контрольной ($p = 0.007$). При этом различия между последними двумя группами оказались статистически не значимы ($p = 1$).

Это дает основания полагать, что участники группы OM-медитации после прохождения ментальных тренировок стали значительно реже, чем участники других групп, использовать стратегии “Фокус” для намеренного забывания.

При анализе внутригрупповых различий частоты встречаемости стратегий НЗ до и после интервенции (табл. 4) нами было обнаружено, что после интервенции в группе OM-медитации частота использования стратегий значительно отличается от той, что была до. Таким образом, участники основной экспериментальной группы после интервенции стали значительно реже (по сравнению с замерами, сделанными до интервенции) использовать при решении задач НЗ стратегии “Повторение” и “Фокус” и значительно чаще — “Мониторинг”.

Остальные меж- и внутригрупповые различия в частоте использования стратегий не показали статистической значимости (все $p > 0.05$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В результате исследования были обнаружены некоторые различия в величинах эффектов НЗ и Струпа до и после интервенции, однако они не достигли уровня статистической значимости. Мы также не обнаружили статистически значимой корреляции между эффектами НЗ и Струпа. Уровня статистической значимости достигли только различия в частоте использования стратегий НЗ до и после интервенции группой, выполнявшей ОМ-медитации.

Полученные результаты могут быть объяснены особенностями дизайна нашего исследования. В первую очередь стоит отметить небольшой размер выборки. Возможно, для получения статистической значимости искомого эффекта необходима выборка большего размера. Как показал анализ G*Power, для получения результатов двухфакторного смешанного дисперсионного анализа с силой эффекта 0.80, $\alpha = 0.05$ и при среднем размере эффекта (Cohen's $f^2 = 0,25$) необходима выборка $N = 93$, по $n = 31$ в каждой группе (G*Power 3.1, [16]). Выборки такого размера в исследованиях влияния серий медитаций на когнитивные процессы являются редкостью [9]. Это связано с традиционно большим количеством добровольных отказов (в нашем исследовании — 43%) от участия в таких длительных исследованиях со стороны тех респондентов, которые уже приступили к экспериментальным заданиям, но оказались не готовы продолжать их выполнение на протяжении всего необходимого срока. Некоторые отказавшиеся на том или ином этапе от дальнейшего участия давали нам обратную связь о том, что исследование оказалось для них более трудозатратным, чем они рассчитывали.

Еще одной особенностью исследования является его онлайн-формат, обусловленный пандемией COVID-19, на разгар которой пришелся этап сбора данных. В связи с этим на результаты могли повлиять особенности используемого людьми программного и технического обеспечения, недостаточный уровень их мотивации, обусловленный недостатком личного контакта с экспериментатором, и относительная формальность экспериментального процесса. Также вариации во времени проведения замеров и уровне усталости могли отразиться на успешности выполнения когнитивных заданий. Онлайн-формат исследования также потребовал от нас адаптировать используемые методики, в частности метод “думать/не думать”, количество пар слов в котором было сокращено относительно количества пар в оригинальном исследовании [5].

Возможно, недостаточное количество стимульного материала не позволило эффекту проявиться в должной мере.

Отсутствие статистических различий между группами в величинах эффектов после интервенции может быть обусловлено недостаточно сильным воздействием ментальной тренировки. Существует несколько подходов к контролю выполнения людьми медитации: нейровизуализация, поведенческие замеры, заполнение опросников и дневников [23]. Нами был выбран последний, однако самоотчеты могут быть недостаточно надежными, и информация в них может быть искажена по тем или иным причинам. Использование инструментов нейровизуализации представляется нам наиболее надежным способом контроля выполнения ментальных тренировок, однако применение таких методов может существенно усложнить дизайн и сделать исследование гораздо более экономически затратным. Поэтому мы полагаем, что оптимальным решением для будущих работ был бы пересмотр расписания практик и технологии их реализации, предлагаемых участникам.

Возможно, полученные нами результаты также обусловлены неполным соответствием механизмов, тренируемых с помощью ОМ-медитации, и механизмов, обуславливающих эффекты НЗ и Струпа, которые, в свою очередь, могут быть различны. В частности, давно существует дискуссия о различии механизмов когнитивного контроля в случаях интерференции и ингибции [1]. При этом в тесте Струпа, вероятно, могут быть оценены механизмы интерференции, тогда как в методе “думать/не думать” авторы намеренно индуцируют именно ингибицию информации [5]. В метакогнитивной модели памяти постулируется взаимовлияние процессов мониторинга и контроля, и возможно, что тренировка именно контроля может привести к более заметному увеличению эффекта НЗ [14]. Таким образом, в будущем имеет смысл добавить в экспериментальный план еще одну группу, практикующую ментальные тренировки в виде медитации сосредоточенности.

Потенциальный интерес для нас имеет проверка гипотезы о сопоставимости эффекта НЗ между группами людей, имеющих травматический жизненный опыт (обеспечивающий “естественную” тренировку этого механизма за счет работы психологических защит) и имеющих более длительный и систематический опыт ментальных тренировок. Как упоминалось ранее, существуют сведения о том, что пережитые психологические травмы стимулируют ингибицию воспоминаний о соответствующих событиях, тем самым “тренируя”

способность намеренно забывать информацию [6; 7]. Сравнение результатов группы испытуемых с травматическим жизненным опытом и группы людей с опытом длительных и систематических ментальных тренировок может предоставить интересный исследовательский материал, проливающий свет на потенциальную эффективность ментальных тренировок в виде медитации в рамках влияния на механизмы НЗ.

Полученные статистически значимые результаты позволяют сделать вывод о возможном влиянии ОМ-медитации на метакогнитивные процессы, отвечающие за выбор стратегии НЗ. Такой выбор в группе ОМ-медитации, судя по нашим данным, делался в пользу стратегии, обеспечивающей наиболее эффективное выполнение задачи НЗ [17].

Нам представляется важным продолжение исследований летатехнического потенциала ментальных тренировок на разнообразных и более объемных выборках, а также с применением более точных методов и методик.

ВЫВОДЫ

Проведенный нами анализ литературы показал, что курс ментальных тренировок в виде медитаций открытого мониторинга оказывает влияние на метакогнитивные процессы и за счет этого может также оказать влияние на величину эффекта НЗ, которая выражается в уровне воспроизведения ранее заученной информации и обусловлена ингибцией процессов воспроизведения. Однако до настоящего момента ментальные тренировки не рассматривались в качестве фактора, потенциально влияющего на уровень воспроизведения ранее заученной информации. В нашей работе впервые была предпринята попытка восполнить этот пробел, для чего был разработан оригинальный экспериментальный дизайн, который представлял собой необычное сочетание проверенных ранее методов.

В результате исследования не было выявлено значимого влияния ментальных тренировок в виде ОМ-медитаций на величины эффектов НЗ и Струпа. Это может свидетельствовать как о недостаточном потенциале данного вида ментальных тренировок как инструмента влияния на механизмы, обуславливающие интересовавшие нас эффекты, так и о недостаточном контроле дополнительных переменных. Также не было выявлено корреляции между эффектами НЗ и Струпа, что может свидетельствовать о различиях в механизмах их проявления. Были выявлены достоверные различия в частоте использования стратегий НЗ для группы

медитации открытого мониторинга в сравнении с остальными группами.

Полученные нами результаты говорят о необходимости продолжать изучение летатехнического потенциала ментальных тренировок различного типа на расширенной выборке с описанными выше изменениями экспериментального дизайна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аллахвердов В.М., Аллахвердов М.В.* Феномен Струпа: интерференция как логический парадокс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2014. № 4. С. 90–102.
2. *Величковский Б.Б.* Возможности когнитивной тренировки как метода коррекции возрастных нарушений когнитивного контроля // Экспериментальная психология. 2009. Т. 2. № 3. С. 78–91.
3. *Дружинин В.Н.* Диагностика общих познавательных способностей // Когнитивное обучение: современное состояние и перспективы. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 1997.
4. *Ainsworth B., Eddershaw R., Meron D., Baldwin D.S., Garner M.* The effect of focused attention and open monitoring meditation on attention network function in healthy volunteers // *Psychiatry Research*. 2013. V. 210. № 3. P. 1226–1231.
5. *Anderson M.C., Green C.* Suppressing unwanted memories by executive control // *Nature*. 2001. V. 410. № 6826. P. 366.
6. *Anderson M.C., Hanslmayr S.* Neural mechanisms of motivated forgetting // *Trends in Cognitive Sciences*. 2014. V. 18. № 6. P. 279–292
7. *Anderson M.C., Huddleston E.* Towards a cognitive and neurobiological model of motivated forgetting // *True and false recovered memories*. New York, NY: Springer, 2012. P. 53–120.
8. *Basden B.H., Basden D.R., Gargano G.J.* Directed forgetting in implicit and explicit memory tests: A comparison of methods // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1993. V. 19. № 3. P. 603.
9. *Bashmakova I., Shcherbakova O.* Just open your mind? A randomized controlled study on the effects of meditation on creativity // *Frontiers in Psychology*. 2021. V. 12. № 663881.
10. *Bishop S.R., Lau M., Shapiro S., Carlson L., Anderson N.D., Carmody J., Devins G.* Mindfulness: A proposed operational definition // *Clinical Psychology: Science and Practice*. 2004. V. 11. № 3. P. 230–241.
11. *Capurso V., Fabbro F., Crescentini C.* Mindful creativity: the influence of mindfulness meditation on creative thinking // *Frontiers in Psychology*. 2014. V. 4. P. 1020.

12. *Cavanaugh J.C., Perlmutter M.* Metamemory: A critical examination // *Child Development*. 1982. P. 11–28.
13. *Didonna F.* Clinical handbook of mindfulness. New York, NY: Springer, 2009. P. 447–462.
14. *Dunlosky J., Mueller M.L., Thiede K.W.* Methodology for investigating human metamemory: Problems and pitfalls // *J. Dunlosky, S.K. Tauber* (eds). *Oxford library of psychology* // *The Oxford handbook of metamemory*. 2016. P. 23–37.
15. *Eberth J., Sedlmeier P.* The effects of mindfulness meditation: a meta-analysis // *Mindfulness*. 2012. V. 3. № 3. P. 174–189.
16. *Faul F., Erdfelder E., Lang A.G., Buchner A.* G* Power 3: A flexible statistical power analysis program for the social, behavioral, and biomedical sciences // *Behavior Research Methods*. 2007. V. 39. № 2. P. 175–191.
17. *Hertel P.T., Calcaterra G.* Intentional forgetting benefits from thought substitution // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2005. V. 12. № 3. P. 484–489.
18. *Jankowski T., Holas P.* Metacognitive model of mindfulness // *Consciousness and Cognition*. 2014. V. 28. P. 64–80.
19. *Kabat-Zinn J.* Mindfulness-based interventions in context: past, present, and future // *Clinical Psychology: Science and Practice*. 2003. V. 10. № 2. P. 144–156.
20. *Kabat-Zinn J.* An outpatient program in behavioral medicine for chronic pain patients based on the practice of mindfulness meditation: Theoretical considerations and preliminary results // *General Hospital Psychiatry*. 1982. V. 4. № 1. P. 33–47.
21. *Lippelt D.P., Hommel B., Colzato L.S.* Focused attention, open monitoring and loving kindness meditation: effects on attention, conflict monitoring, and creativity. A review // *Frontiers in Psychology*. 2014. V. 5. P. 1083.
22. *Lutz A., Dunne J.D., Davidson R.J.* Meditation and the neuroscience of consciousness: An introduction // *The Cambridge Handbook of Consciousness*. 2006. V. 19. Ch. 19. P. 497–550
23. *Lutz A., Slagter H.A., Dunne J.D., Davidson R.J.* Attention regulation and monitoring in meditation // *Trends in Cognitive Sciences*. 2008. V. 12. № 4. P. 163–169.
24. *MacLeod C.M.* Directed forgetting // *Encyclopedia of the Sciences of Learning*. 2012. P. 993–995.
25. *MacLeod C.M.* Directed forgetting affects both direct and indirect tests of memory // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1989. V. 15. № 1. P. 13.
26. *MacLeod C.M.* The Stroop task: The “gold standard” of attentional measures // *Journal of Experimental Psychology: General*. 1992. V. 121. № 1. P. 12.
27. *Nelson T.O.* Metamemory: A theoretical framework and new findings // *Psychology of Learning and Motivation*. Academic Press, 1990. V. 26. P. 125–173.
28. *Nelson T.O., Narens L.* Why investigate metacognition // *Metacognition: Knowing about Knowing*. 1994. P. 1–25.
29. *Nichols A.L., Maner J.K.* The good-subject effect: Investigating participant demand characteristics // *The Journal of General Psychology*. 2008. V. 135. № 2. P. 151–166.
30. *Noone C., Hogan M.J.* A randomised active-controlled trial to examine the effects of an online mindfulness intervention on executive control, critical thinking and key thinking dispositions in a university student sample // *BMC Psychology*. 2018. V. 6. № 1. P. 1–18.
31. *Picard L., Reffuveille I., Eustache F., Piolino P.* Development of auto-noetic autobiographical memory in school-age children: genuine age effect or development of basic cognitive abilities? // *Consciousness and Cognition*. 2009. V. 18. № 4. P. 864–876.
32. *Sahakyan L., Foster N.L.* The need for metaforgetting: Insights from directed forgetting // *The Oxford Handbook of Metamemory*. 2016. P. 341.
33. *Slagter H.A., Lutz A., Greischar L.L., Francis A.D., Nieuwenhuis S., Davis J.M., Davidson R.J.* Mental training affects distribution of limited brain resources // *PLoS Biology*. 2007. V. 5. № 6. P. e138.
34. *Stroop J.R.* Studies of interference in serial verbal reactions // *Journal of Experimental Psychology*. 1935. V. 18. № 6. P. 643.
35. *Tang Y.Y., Hölzel B.K., Posner M.I.* The neuroscience of mindfulness meditation // *Nature Reviews Neuroscience*. 2015. V. 16. № 4. P. 213–225.
36. *Wells A.* Emotional disorders and metacognition: Innovative cognitive therapy. John Wiley & Sons, 2002. Ch. 1. P. 3–14.
37. *Wessel I., Wetzels S., Jelicic M., Merckelbach H.* Dissociation and memory suppression: A comparison of high and low dissociative individuals’ performance on the think no think task // *Personality and Individual Differences*. 2005. V. 39. № 8. P. 1461–1470.
38. *Zeidan F., Johnson S.K., Diamond B.J., David Z., Goolkasian P.* Mindfulness meditation improves cognition: Evidence of brief mental training // *Consciousness and Cognition*. 2010. V. 19. № 2. P. 597–605.

ПРИЛОЖЕНИЕ
Тексты ментальных тренировок

	Медитация	Псевдомедитация
	Здравствуйтесь! И добро пожаловать на сегодняшнюю сессию ментального тренинга	
	Пожалуйста, выберите место, где вас ничто не будет отвлекать. Сядьте так, как вам удобно: на стул или на пол. Держите спину прямо, будто вас тянут за макушку вверх, но без напряжения. Позвольте рукам расслабленно лежать на бедрах или на животе. Расслабьте плечи. Помните, что в любой момент вы можете поменять позу, если почувствуете необходимость	
5 с		
	Когда вы почувствуете, что вам удобно, закройте глаза. Сделайте глубокий вдох через нос, задержите дыхание на несколько секунд и медленно выдохните через рот	
	На протяжении нашей практики мы будем расслабленно дышать, отмечая всплывающие мысли, не погружаясь в их содержание и не оценивая их. В результате этой тренировки вам будет легче наблюдать за процессами сознания, принимая их и не пытаясь им сопротивляться. Если во время практики вы почувствуете, как медленно погружаетесь в сон, — ничего страшного, однако это будет знаком того, что ментальная тренировка была прервана	На протяжении нашей практики мы будем расслабленно дышать и визуально представлять знакомые вам образы. В результате этой тренировки вам будет легче расслабиться, и вы сможете эффективнее наблюдать за процессами вашего сознания. Если во время практики вы почувствуете, как медленно погружаетесь в сон, — ничего страшного, однако это будет знаком того, что ментальная тренировка была прервана
	Вновь сделайте глубокий вдох, задержите дыхание и выдохните. Продолжайте медленно и плавно вдыхать и выдыхать, это позволит вам расслабиться	
25 с		
	Посвятите немного времени тому, чтобы погрузиться в пространство, где вы находитесь. Понаблюдайте за температурой, звуками и запахами в окружающем пространстве	
25 с		
	Прислушайтесь к ощущениям, почувствуйте вес тела, контакт с поверхностью, на которой вы сидите. Попробуйте ощутить каждую часть вашего тела. Расслабьте лицо, почувствуйте, как расслабление стекает ниже по щекам и шее к плечам, расслабьте правую руку, левую руку, почувствуйте, как тяжелеют кисти рук, теперь перенесите внимание на грудь и живот, расслабьте их, с каждым выдохом ваше тело становится все тяжелее, расслабьте мышцы таза, бедро и голень правой ноги, бедро и голень левой ноги, обратите внимание на температуру ваших ступней, правой и левой. Почувствуйте, как расслаблено ваше тело	
10 с		
	Теперь перенесите все свое внимание на ощущения дыхания на кончике вашего носа. Почувствуйте прохладу воздуха при вдохе и затем мягкость и теплоту воздуха при выдохе. Постарайтесь как можно более полно ощутить каждый момент дыхания. Мы проведем следующую минуту в молчании, продолжая совершенствовать эту практику	Теперь перенесите все свое внимание на ощущения дыхания на кончике вашего носа. Почувствуйте прохладу воздуха при вдохе и затем мягкость и теплоту воздуха при выдохе. Мы проведем следующую минуту в молчании, продолжая следить за дыханием
70 с		
	Возможно, в какой-то момент вы обнаружите, что ваше сознание заполнено множеством мыслей. Они могут отвлекать вас от сфокусированности на дыхании. Сейчас единственным предметом вашего внимания должны быть ощущения, сопровождающие циклы вдоха и выдоха. Осознание того, насколько занят ваш разум, является одним из ключевых аспектов нашей практики. Когда вы замечаете, что отвлекаетесь от первоначальной цели, ваша осведомленность о себе и мире вокруг растет. Каждый раз, когда вы замечаете, что внимание отдалается от дыхания, отметьте, о чем вы подумали, и просто вернитесь к дыханию вновь. Важно помнить, что отвлекаться совершенно естественно. Относитесь к этому спокойно и просто постарайтесь	А сейчас мы перейдем к ментальной тренировке. Я попрошу вас представить знакомые вам образы и действия с ними. На протяжении следующих нескольких мгновений представляйте себе вашу ванную комнату такой, какой вы запомнили ее в последний раз. Представьте ее пространство как можно ярче и точнее. Вспомните, как и где лежат ваши вещи, полотенца, туалетные принадлежности. Что стоит на полках, раковине, что находится в ящиках, на полочках в душе. Важно добавить в ваш мысленный образ как можно больше разнообразных деталей. Теперь отвлекитесь от этих деталей и вернитесь к целостному образу комнаты. Оглянитесь вокруг, посмотрите на нее со стороны. Теперь мы будем мысленно преображать вашу ван-

	Медитация	Псевдомедитация
	<p>расслабиться, концентрируясь в течение следующих мгновений на каждом вдохе и каждом выдохе. Если вы обнаружите, что отвлеклись, отметьте возникшие мысли, отпустите их и начните следить за дыханием снова. Вы можете возвращаться и начинать сначала столько раз, сколько понадобится. Это часть нашего тренинга. Так вы тренируете свое сознание.</p> <p>И сейчас давайте начнем сначала вместе: сделайте глубокий вдох и обратите все ваше внимание на движение воздуха, которое вы ощущаете на кончике носа</p>	<p>ную комнату. Для начала мысленно уберите все с раковины и поверхностей около нее и временно поместите предметы в отдельный контейнер. Найдите среди убранных вещей только самое необходимое: зубную щетку, пасту, мыло для рук. Разместите их на раковине так, как вам будет удобно. Положите каждый предмет на определенное место. Оставьте прочие убранные с раковины предметы в стороне. Теперь остановите свое внимание на любой полке или ящике. Проверьте, что там находится. Вспомните как можно детальнее все предметы</p>
50 с		
	<p>Теперь сконцентрируйтесь на ощущении дыхания во всем теле. Начните с ощущения вдоха: сначала воздух проходит через нос. Проследуйте за вдохом ниже через горло до самых легких. Обратите внимание, как поднимаются грудная клетка и живот</p>	<p>Теперь рассортируйте все предметы на две категории: нужные и те, которые вам не нужны. Ненужными считаются вещи, которыми вы не пользовались больше года. Смело выбрасывайте ненужные вещи</p>
5 с		
	<p>Затем следуйте за выдохом: живот и грудная клетка плавно опускаются, теплый воздух поднимается вверх и выдыхается через нос. Проведите следующие несколько минут в тишине, фокусируя внимание на полном цикле дыхания и на ощущениях, возникающих при этом в теле</p>	<p>После проделанной работы на этой полке или в этом ящике у вас должен остаться только набор действительно важных предметов. Теперь проделайте ту же мысленную операцию с каждой оставшейся зоной хранения. Сперва вспомните максимальное число предметов, затем отделите среди них нужное от ненужного и после этого избавьтесь от всего лишнего</p>
60 с		
	<p>Не позволяйте вашему сознанию уходить слишком далеко. Следите за тем, что вы испытываете здесь и сейчас. Наблюдайте за каждым вдохом и каждым выдохом</p>	<p>А сейчас позвольте себе думать обо всем, что приходит в голову. Продолжайте ровно дышать. Снова сделайте глубокий вдох и выдохните</p>
35 с		
	<p>Будьте здесь, в настоящем моменте. Если вы заметили, что погрузились в мысли и эмоции, отметьте это, отпустите их и мягко возвращайтесь к дыханию</p>	<p>Продолжайте расслабленно дышать, ощущая движения в теле, вызванные дыханием, температуру воздуха на вдохе и выдохе</p>
70 с		
	<p>Сконцентрируйтесь на одном глубоком вдохе. Одним полным выдохе. Повторите. Постарайтесь действительно испытать ощущения дыхания, а не думать о них. Мысли могут побуждать к оценке и вызывать эмоциональный отклик, но сейчас у вас есть только одно намерение — наблюдать, как одно мгновение сменяется другим, как одна мысль сменяет другую</p>	<p>Сконцентрируйтесь на одном глубоком вдохе... одном полном выдохе... Повторите... Постарайтесь сохранять расслабленность. Проведите следующие несколько минут в тишине. Сейчас у вас есть только одно намерение — как можно полнее ощущать собственное дыхание по мере того, как одно мгновение сменяется другим</p>
120 с		
	<p>Если вы ушли от дыхания слишком далеко, просто верните себя обратно, будьте здесь и сейчас</p>	
40 с		
	<p>Суть ментальной тренировки состоит в том, чтобы показать нам, что каждое из ощущений мимолетно. Сейчас один момент... и вот уже следующий. Нет необходимости реагировать на то, что уже прошло. Эта практика может помочь вам, концентрируясь на дыхании, осознавать настоящий момент, быть прямо здесь, прямо сейчас</p>	<p>Возможно, в какой-то момент вы обнаружите, что ваше сознание заполнено множеством мыслей. Относитесь к этому спокойно и просто продолжайте дышать. Сделайте глубокий вдох, выдох продолжая ментальную тренировку. Благодаря этой практике некоторым становится легче расслабиться, кому-то проще концентрировать внимание, а кто-то быстрее засыпает ночью</p>
120 с		
	<p>Мы будем плавно переходить к завершению тренинга. Медленно откройте глаза</p>	

	Медитация	Псевдомедитация
5 с		
	Оглянитесь, прислушайтесь к звукам вокруг	
7 с		
	Уделите несколько мгновений, чтобы заметить эффект практики. Отметьте, отличается ли ваше физическое, эмоциональное и ментальное состояние от того, что было в начале тренировки	
10 с		
	На этом сегодняшний ментальный тренинг завершается. Спасибо! И до следующего раза	

FORGET WHAT YOU HAVE LEARNED: THE EFFECT OF MEDITATION ON INTENTIONAL FORGETTING³

A. A. Serheyuk*, O. V. Shcherbakova**

*St. Petersburg State University;
199034, St. Petersburg, Universitetskaya emb., 7–9, Russia.*

**Graduate of the Faculty of Psychology.*

E-mail: sergejuk.a@gmail.com

***PhD (Psychology), Associate Professor, Department of General Psychology;*

Laboratory of Behavioural Neurodynamics.

E-mail: o.shcherbakova@spbu.ru

Received 03.06.2022

Abstract. One of the essential aspects of memory efficiency is the lack of recall (forgetting) of erroneous, traumatic, or unimportant information. Therefore, the development of tools for control and facilitation of forgetting is of particular importance. This work aims to investigate the impact of systematic mental training (open-monitoring meditation) on the magnitude of intentional forgetting effect. 106 volunteers (69 women, 18–35 years old) participated in our experiment. First, we measured 1) the intentional forgetting effect (using the think/not-thinking paradigm followed by a questionnaire on preferred intentional forgetting strategies) and 2) the Stroop effect (using the classic Stroop test). Second, participants either completed a course of 30 open-monitoring meditations (experimental group) or 30 sham meditations (control group 1), or were not subject to any intervention at all (control group 2). Finally, we performed the same measures as we did at the first stage of the study in order to register the effect of open-monitoring meditation on inhibition mechanisms that are presumably involved in the manifestation of intentional forgetting effect. We found no statistically significant influence of the intervention type neither on intentional forgetting effect nor Stroop effect. Although, it was shown that after the intervention, in the meditation group, cognitive strategies preventing intentional forgetting were used much less frequently than in the pseudomeditation ($p = 0.009$) and control ($p = 0.007$) groups, and forgetting-facilitating strategies were used more often than before the intervention ($p = 0.013$). These results indicate the need for further investigation of the amnesogenic potential of various mental training types; also, they provide some indirect support for our initial suggestion about the impact of open-monitoring meditation on the magnitude of intentional forgetting effect.

Keywords: memory, metamemory, intentional forgetting, mental training, meditation, open monitoring, think/no-think paradigm, Stroop test.

REFERENCES

1. Allahverdov V.M., Allahverdov M.V. Fenomen Strupa: interferencija kak logicheskij paradoks. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 16. Psihologija. Pedagogika. 2014. № 4. P. 90–102. (In Russian)

³ The study is financially supported by Saint Petersburg State University (project № 94615876).

2. *Velichkovskij B.B.* Vozmozhnosti kognitivnoj trenirovki kak metoda korrrekcii vozrastnyh narushenij kognitivnogo kontrolja. *Jekspierimental'naja psihologija*. 2009. V. 2. № 3. P. 78–91. (In Russian)
3. *Druzhinin V.N.* Diagnostika obshhijh poznavatel'nyh sposobnostej. *Kognitivnoe obuchenie: sovremennoe sostojanie i perspektivy*. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 1997. (In Russian)
4. *Ainsworth B., Eddershaw R., Meron D., Baldwin D.S., Garner M.* The effect of focused attention and open monitoring meditation on attention network function in healthy volunteers. *Psychiatry Research*. 2013. V. 210. № 3. P. 1226–1231.
5. *Anderson M.C., Green C.* Suppressing unwanted memories by executive control. *Nature*. 2001. V. 410. № 6826. P. 366.
6. *Anderson M.C., Hanslmayr S.* Neural mechanisms of motivated forgetting. *Trends in Cognitive Sciences*. 2014. V. 18. № 6. P. 279–292
7. *Anderson M.C., Huddleston E.* Towards a cognitive and neurobiological model of motivated forgetting. True and false recovered memories. New York, NY: Springer, 2012. P. 53–120.
8. *Basden B.H., Basden D.R., Gargano G.J.* Directed forgetting in implicit and explicit memory tests: A comparison of methods. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1993. V. 19. № 3. P. 603.
9. *Bashmakova I., Shcherbakova O.* Just open your mind? A randomized controlled study on the effects of meditation on creativity. *Frontiers in Psychology*. 2021. V. 12. № 663881.
10. *Bishop S.R., Lau M., Shapiro S., Carlson L., Anderson N.D., Carmody J., Devins G.* Mindfulness: A proposed operational definition. *Clinical Psychology: Science and Practice*. 2004. V. 11. № 3. P. 230–241.
11. *Capurso V., Fabbro F., Crescentini C.* Mindful creativity: the influence of mindfulness meditation on creative thinking. *Frontiers in Psychology*. 2014. V. 4. P. 1020.
12. *Cavanaugh J.C., Perlmutter M.* Metamemory: A critical examination. *Child Development*. 1982. P. 11–28.
13. *Didonna F.* Clinical handbook of mindfulness. New York, NY: Springer, 2009. P. 447–462.
14. *Dunlosky J., Mueller M.L., Thiede K.W.* Methodology for investigating human metamemory: Problems and pitfalls. J. Dunlosky, S.K. Tauber (Eds). *Oxford library of psychology*. The Oxford handbook of metamemory. 2016. P. 23–37.
15. *Eberth J., Sedlmeier P.* The effects of mindfulness meditation: a meta-analysis. *Mindfulness*. 2012. V. 3. № 3. P. 174–189.
16. *Faul F., Erdfelder E., Lang A.G., Buchner A.* G* Power 3: A flexible statistical power analysis program for the social, behavioral, and biomedical sciences. *Behavior Research Methods*. 2007. V. 39. № 2. P. 175–191.
17. *Hertel P.T., Calcaterra G.* Intentional forgetting benefits from thought substitution. *Psychonomic Bulletin & Review*. 2005. V. 12. № 3. P. 484–489.
18. *Jankowski T., Holas P.* Metacognitive model of mindfulness. *Consciousness and Cognition*. 2014. V. 28. P. 64–80.
19. *Kabat-Zinn J.* Mindfulness-based interventions in context: past, present, and future. *Clinical Psychology: Science and Practice*. 2003. V. 10. № 2. P. 144–156.
20. *Kabat-Zinn J.* An outpatient program in behavioral medicine for chronic pain patients based on the practice of mindfulness meditation: Theoretical considerations and preliminary results. *General Hospital Psychiatry*. 1982. V. 4. № 1. P. 33–47.
21. *Lippelt D.P., Hommel B., Colzato L.S.* Focused attention, open monitoring and loving kindness meditation: effects on attention, conflict monitoring, and creativity. A review. *Frontiers in Psychology*. 2014. V. 5. P. 1083.
22. *Lutz A., Dunne J.D., Davidson R.J.* Meditation and the neuroscience of consciousness: An introduction. *The Cambridge Handbook of Consciousness*. 2006. V. 19. Ch. 19. P. 497–550
23. *Lutz A., Slagter H.A., Dunne J.D., Davidson R.J.* Attention regulation and monitoring in meditation. *Trends in Cognitive Sciences*. 2008. V. 12. № 4. P. 163–169.
24. *MacLeod C.M.* Directed forgetting. *Encyclopedia of the Sciences of Learning*. 2012. P. 993–995.
25. *MacLeod C.M.* Directed forgetting affects both direct and indirect tests of memory. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1989. V. 15. № 1. P. 13.
26. *MacLeod C.M.* The Stroop task: The "gold standard" of attentional measures. *Journal of Experimental Psychology: General*. 1992. V. 121. № 1. P. 12.
27. *Nelson T.O.* Metamemory: A theoretical framework and new findings. *Psychology of Learning and Motivation*. Academic Press, 1990. V. 26. P. 125–173.
28. *Nelson T.O., Narens L.* Why investigate metacognition. *Metacognition: Knowing about Knowing*. 1994. P. 1–25.
29. *Nichols A.L., Maner J.K.* The good-subject effect: Investigating participant demand characteristics. *The Journal of General Psychology*. 2008. V. 135. № 2. P. 151–166.
30. *Noone C., Hogan M.J.* A randomised active-controlled trial to examine the effects of an online mindfulness intervention on executive control, critical thinking and key thinking dispositions in a university student sample. *BMC Psychology*. 2018. V. 6. № 1. P. 1–18.
31. *Picard L., Reffuveille I., Eustache F., Piolino P.* Development of autoanetic autobiographical memory in school-age children: genuine age effect or development of basic cognitive abilities?. *Consciousness and Cognition*. 2009. V. 18. № 4. P. 864–876.

32. *Sahakyan L., Foster N.L.* The need for metaforgetting: Insights from directed forgetting. *The Oxford Handbook of Metamemory*. 2016. P. 341.
33. *Slagter H.A., Lutz A., Greischar L.L., Francis A.D., Nieuwenhuis S., Davis J.M., Davidson R.J.* Mental training affects distribution of limited brain resources. *PLoS Biology*. 2007. V. 5. № 6. P. e138.
34. *Stroop J.R.* Studies of interference in serial verbal reactions. *Journal of Experimental Psychology*. 1935. V. 18. № 6. P. 643.
35. *Tang Y.Y., Hölzel B.K., Posner M.I.* The neuroscience of mindfulness meditation. *Nature Reviews Neuroscience*. 2015. V. 16. № 4. P. 213–225.
36. *Wells A.* Emotional disorders and metacognition: Innovative cognitive therapy. John Wiley & Sons, 2002. Ch. 1. P. 3–14.
37. *Wessel I., Wetzels S., Jelicic M., Merckelbach H.* Dissociation and memory suppression: A comparison of high and low dissociative individuals' performance on the think no think task. *Personality and Individual Differences*. 2005. V. 39. № 8. P. 1461–1470.
38. *Zeidan F., Johnson S.K., Diamond B.J., David Z., Goolkasian P.* Mindfulness meditation improves cognition: Evidence of brief mental training. *Consciousness and Cognition*. 2010. V. 19. № 2. P. 597–605.

УДК 159.938

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ЗАДАННОГО ЭКСПЕРИМЕНТАТОРОМ И “СВОБОДНОГО” ПОВЕДЕНИЯ ПРОДУЦИРОВАНИЯ ЛЖИ¹

© 2022 г. А. В. Учаев*, Ю. И. Александров**

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

* Аспирант лаборатории психофизиологии им. В.Б. Швыркова.

E-mail: andvl@ro.ru

** Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО,

заведующий лабораторией психофизиологии им. В.Б. Швыркова.

E-mail: yuraalexandrov@yandex.ru

Поступила 03.09.2022

Аннотация. Выявление характеристик системной организации поведения, в том числе по сокрытию информации, возможно путем анализа variability сердечного ритма (СР) индивида, в частности по показателям энтропии (Э). Существуют различные методы исследования лжи применительно к проверкам на полиграфе, имеющие разную степень валидности. В одних выбор скрываемых сведений определяется экспериментатором, в других — самим испытуемым. Ранее нами проводилось исследование, в ходе которого его участникам следовало скрывать автобиографическую определяемую экспериментатором информацию, приобретенную на разных этапах индивидуального развития. Обнаружено, что характер изменения ЭСР зависит от типа скрываемой информации. Целью настоящей работы было выявление системного обеспечения поведения по сокрытию информации разного типа, выбранной для сокрытия самими участниками, проходящими проверку на полиграфе при трудоустройстве (40 человек). Они скрывали информацию, приобретенную на разных этапах онтогенеза и относящуюся к разным доменам опыта. Было выявлено увеличение ЭСР во время лжи ($p < 0.05$) во всех сериях эксперимента, кроме сокрытия информации, относящейся к сравнительно новому опыту. Разная динамика изменения ЭСР в двух исследованиях предположительно обусловлена тем, что участники настоящего эксперимента реализовывали поведение “лжи”, а в предыдущем — поведение “вранья” (различия см. [8]). В обеих сериях не было значимых изменений ЭСР при ответах, обращенных к сравнительно новому опыту, по-видимому, в связи со стрессовой регрессией (подавление активности наиболее дифференцированных систем). Результаты позволяют полагать, что важным фактором, обуславливающим индивидуальные различия в организации поведения сокрытия информации, является то, какое место в истории формирования опыта индивида занимает опыт, который связан со скрываемой информацией. Данные, полученные в описываемых экспериментах, позволяют сделать выводы о различиях системной организации поведения по продуцированию разных типов лжи, имеющих одинаковое внешнее проявление (ответ “нет”).

Ключевые слова: полиграф, детекция лжи, сокрытие информации, ложь, системно-эволюционный подход, сердечный ритм, выборочная энтропия, стрессовая регрессия, системная дедифференциация.

DOI: 10.31857/S020595920023643-3

Существующие исследования поведения по сокрытию информации, реализуемого в проверках на полиграфе, возможно условно разделить на два класса на основе их методических составляющих. К первому относятся экспериментальные схемы, где участников просят скрыть какую-либо информацию (зачастую автобиографическую), предъявленную в однородном ряду, выбор которой определяется самим экспериментатором. Например,

ответить “нет” при предъявлении своего имени в ряду других [11; 15; 19]. Таким образом, и участник, и экспериментатор осведомлены о скрываемых фактах. Ко второму классу относятся исследования, которые строятся на “слепой” методике, где экспериментатору заранее неизвестна, какая именно информация утаивается [16; 21].

Различными авторами неоднократно поднимался вопрос валидности проводимых исследований лжи. В основном критике подвергается первый из упомянутых выше типов экспериментов [9]

¹ Поддержано грантом РНФ № 22-18-00435.

ввиду того, что в проверках на полиграфе, как правило, заранее неизвестна скрываемая обследуемым информация.

Другим аспектом является экологическая валидность [19]. Хотя экологическая валидность — не обязательный критерий научности в разработках фундаментальной науки (см., например, [4]), но трудно с уверенностью экстраполировать результаты экспериментов, проведенных в лабораторных условиях, на ситуации реальных проверок. Мотивация человека, проходящего проверку на полиграфе в рамках эксперимента или, например, профотбора, различна.

С точки зрения системно-эволюционного подхода любое поведение рассматривается как целенаправленный акт, направленный на достижение полезного приспособительного результата организма в соотношении со средой. Реализованные соотношения фиксируются в индивидуальном опыте организма в виде соответствующих функциональных систем (ФС). При этом новые ФС при их фиксации не заменяют ранее сформированные, а “наслаиваются” на них. Таким образом, структура индивидуального опыта отражает историю его формирования. Последующая реализация поведения происходит при одновременной актуализации ФС разного онтогенетического возраста [3; 17; 18].

В связи с тем что ФС являются общеорганизменными образованиями, в которых активность мозговых и телесных компонентов согласована, показатели сердечного ритма выступают отражением включенности сердца в реализацию конкретных функциональных систем. Вариабельность (изменчивость) сердечного ритма является отражением процесса координации активности различных составляющих организма и зависит от характеристик системной организации реализуемого поведенческого акта, в том числе от степени дифференцированности систем [5], характеризующих состояние субъекта поведения, под которым понимается [17; 18] набор систем, актуализация которых обеспечивает развертывание конкретного этапа поведения.

Ранее нами было проведено экспериментальное исследование процесса намеренного сокрытия информации [13], которое приурочивалось к проверке на полиграфе, осуществляемой при трудоустройстве. В ходе эксперимента его участники по заданию экспериментатора скрывали автобиографическую информацию, приобретенную на разных этапах онтогенеза (имя, год рождения, возраст, место трудоустройства и пр.). Было выявлено, что в ситуации лжи энтропия сердечного ритма (как показатель его вариабельности) изменяется разнонаправленно, в зависимости от типа скрываемой

информации. Например, в ситуации сокрытия собственного имени, предъявленного в ряду других, энтропия возрастает, что, как мы полагаем, соответствует большему числу задействованных в данном поведении ФС, связанных с опытом, имеющим непосредственное отношение к информации, касающейся личности тестируемого. А при сокрытии собственного года рождения энтропия падает по сравнению с реализацией поведения, в котором сообщается правдивая информация. Указанные закономерности были получены для раннего и сравнительно раннего поведения относительно даты проверки, но не для самого нового. Энтропия сердечного ритма значимо не отличается при реализации поведения лжи и правды при ответах на вопросы о недавно приобретенном опыте, например о возрасте на момент тестирования (подробнее см. [13]).

С целью дальнейшей разработки вышеуказанной проблематики нами было проведено новое экспериментальное исследование процесса намеренного сокрытия информации. Однако выбор участниками исследования скрываемой информации определялся не заданием экспериментатора, а собственным решением. Мы предполагали, что динамика изменения вариабельности сердечного ритма (по показателям энтропии) различается между экспериментальными сериями при реализации участниками поведения по сокрытию информации в вышеуказанных условиях. Ложь является актуализацией того компонента индивидуального опыта, который будет скрываться, а также способов достижения связанной с ним лжи (см. [13]). Следовательно, поведение по сокрытию информации (по сравнению с продуцированием правды), по-видимому, должно характеризоваться увеличением задействованных в поведении ФС, связанных с опытом, который имеет отношение к личности участника эксперимента. Таким образом, в качестве экспериментальной гипотезы выступало предположение, что в ситуации намеренного сокрытия информации, реализуемого с целью обмана, а не по инструкции, вариабельность сердечного ритма (по показателям энтропии) изменяется в сторону увеличения (в сравнении с поведением по реализации честных ответов).

МЕТОДИКА

В исследовании приняли участие 40 человек (из них 15 женщин) в возрасте от 20 до 40 лет ($M = 24.38$; $Med = 22.5$; $SD = 4.75$). Все участники не имели жалоб на физическое недомогание или психологический дискомфорт. Перед началом

Таблица 1. Список прилагательных, выбор которых испытуемые скрывали в эксперименте

	Обоняние	Зрение
Приближение	“фруктовый” “спелый”	“морской” “лесной”
Избегание	“гнилой” “тухлый”	“болотный” “посинелый”

Примечание. Домены поведения, связанные со зрительной модальностью и поведением избегания, являются более дифференцированными сравнительно с доменами поведения, связанными с обонянием, и поведением приближения соответственно (см. [10; 20]).

тестирования каждый участник дал письменное информированное согласие на участие в эксперименте. Исследование приурочивалось к реальной проверке на полиграфе, проходящей при трудоустройстве, что обеспечивало экологическую валидность, а также определенный уровень стресса ввиду наличия мотивации пройти тестирование.

В процессе эксперимента его участникам следовало скрывать информацию, приобретенную на различных этапах онтогенеза. Кроме того, она отражала поведение, связанное с различными доменами² опыта. Одна часть исследования заключалась в предъявлении набора прилагательных русского языка (табл. 1). Известно, что количество прилагательных, связанных с доменами поведения, сформированного с опорой на разные органы чувств (например, обоняние и зрение), различается. Это различие соотносено нами ранее с разной степенью дифференцированности опыта соответствующего поведения. С другой стороны, в каждом из указанных доменов возможно выделить элементы опыта, связанные с положительными (поведение “приближения”, approach) и негативными (поведение “избегания”, withdrawal) эмоциями [10; 20].

Другая часть скрываемых сведений касалась автобиографических данных участников эксперимента, которые также были представлены более и менее дифференцированным опытом (подробнее см. [13]). В качестве опыта, отражающего поведение, приобретенное на раннем этапе индивидуального развития (относительно проводимого эксперимента), использовались имя и фамилия, а также год рождения и оценка в школьном аттестате по какому-либо предмету. В качестве опыта, приобретенного на поздних этапах онтогенеза, использовалось название компании, в которую происходит трудоустройство, и название недавно посещенного города, а также возраст участника и количество лет после недавно произошедшего значимого события.

Перед началом тестирования каждому участнику исследования выдавался лист бумаги, содержащий

² Здесь и далее под доменом понимается набор функциональных систем (элементов опыта), объединенных общностью достигаемых результатов [18].

автобиографические сведения и прилагательные, в котором он/она отмечали те сведения, которые затем будут скрываться. Им следовало выбрать по одному прилагательному в каждой из четырех пар (например, “фруктовый” или “спелый”, см. табл. 1) и факту биографии в четырех парах (например, “имя” или “фамилия”). Лист с отмеченными элементами находился у участника для того, чтобы он/она могли сверяться с выбранными сведениями до начала каждого теста, и изымался в закрытом виде в конце эксперимента. Вопросы, при ответе на которые реализовывалось поведение по продуцированию честных и ложных ответов, вычислялись ретроспективно на основе записей испытуемых. В каждой серии было по одному вопросу, отвечая на которые участник лгал и отвечал честно.

В ходе проведения исследования использовалась модификация теста методики выявления скрываемой информации (МВСИ), распространенной в проверках на полиграфе, в виде блокового теста. Каждое предъявление представляло собой набор из разных формулировок отдельного вопроса, а не поочередное озвучивание всех имеющихся вопросов [13]. В таком случае имеется возможность объединить все предъявления в единую эпоху анализа.

В процессе эксперимента производилась запись сердечного ритма с использованием датчика Zephyr HxM BT при телеметрической регистрации показателей [12]. Для анализа вариабельности сердечного ритма использовались последовательности RR-интервалов, вычисляемые как интервалы между двумя соседними R-зубцами кардиокомплексов. Из полученных записей исключались те, в которых содержались артефакты. Обработка и статистический анализ данных проводились в программах MATLAB R2020a и IBM SPSS Statistics 23.0. Для вычисления спектральных показателей применялся метод Ломба—Скаргла, а в качестве энтропийных показателей использовалась выборочная энтропия [22] со следующими входными параметрами: размерность = 2; фильтрующий фактор = 0.5σ. Для проверки выборки на нормальность использовался критерий Шапиро—Уилка. Для оценки различий между выборками использовался

t -критерий Стьюдента. Результаты считались значимыми при $p < 0.05$.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На первом этапе исследования выявлялось наличие или отсутствие стресса у всех участников на основе критерия изменений сердечного ритма, эффективность которого для диагностики стресса была ранее эмпирически проверена (см., например, [6]). С этой целью набор кардиоинтервалов каждого обследуемого разбивался на последовательность окон (ширина — 100 с, сдвиг — 10 с), для каждого из которых рассчитывались спектральные показатели. Состоянием стресса считалось такое, при котором у участника выявлялось увеличение индекса низко- и высокочастотных модуляторов (LF/HF) с одновременным снижением общей мощности спектра (TP) не менее чем в трех окнах подряд. По результатам проведенного анализа все участники исследования были классифицированы как находящиеся в состоянии стресса.

Попарное сравнение серий, где реализовывалось поведение “лжи” и “правды”, продемонстрировало следующие закономерности. Были выявлены значимые различия в энтропии сердечного ритма в сторону увеличения в ситуации сокрытия прилагательных: для относящихся к зрительной модальности и имеющих негативную ($t = 3.390$; $p = 0.002$) или позитивную ($t = 2.952$; $p = 0.006$) валентность и для относящихся к обонянию и также имеющих негативную ($t = 3.010$; $p = 0.005$) или позитивную ($t = 2.046$; $p = 0.048$) валентность. Таким образом, в ситуации реализации поведения по сокрытию информации, выраженной вышеуказанными прилагательными русского языка, энтропия сердечного ритма возрастает (табл. 2).

Анализ реализации указанных типов поведения (“правды” и “лжи”) при актуализации автобиографической информации были получены следующие

результаты (см. табл. 2). При сокрытии информации, относящейся к раннему опыту: год рождения и школьная оценка ($t = 2.327$; $p = 0.026$), а также имя и фамилия ($t = 2.564$; $p = 0.015$) — энтропия ритма возрастает по сравнению с поведением, где реализуется правдивый ответ. При этом для сравнительно недавнего опыта относительно момента проведения эксперимента, указанных различий получено не было: для места трудоустройства и недавно посещенного места ($t = 0.310$; $p = 0.758$), а также возраста и длительности периода времени, прошедшего после значимого события ($t = -0.307$; $p = 0.761$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В исследовании была проанализирована энтропия сердечного ритма лиц, реализующих поведение по продуцированию честных и ложных ответов в процессе прохождения проверки на полиграфе в условиях стресса. Сравнение полученных в настоящем эксперименте результатов с ранее проведенным [13] позволяет выделить как схожие, так и различающиеся тенденции.

На основе ранее полученных данных [13] нами обосновывался вывод, что реализация поведения “лжи”, связанной с ответами на вопрос о собственном годе рождения, требует актуализации меньшего количества ΦC и является более простым, связанным с меньшим числом видов поведения по сравнению с ложью об имени. Оно предполагает актуализацию любого имеющегося компонента опыта, связанного с “цифрами”. Кроме того, поведение по сокрытию информации, выраженной численными величинами, является одним из первых видов лжи, приобретаемых человеком в процессе онтогенеза [14]. Делается общий вывод, что обман, по-видимому, не представляет собой единый и универсальный домен ΦC соответствующего поведения “лжи”. В то же время отсутствие различий

Таблица 2. Описательные статистики выборочной энтропии (SampEn), полученные для каждого из видов вопросов с указанием уровня значимости различий (парный критерий Стьюдента)

Скрываемая информация	mean (SD), правда	mean (SD), ложь	p
<i>Прилагательные</i>			
Обоняние, избегание (“гнилой” и “тухлый”)	0.6778 (0.1880)	0.7570 (0.2089)	0.005
Обоняние, приближение (“фруктовый” и “спелый”)	0.7064 (0.2193)	0.7512 (0.2114)	0.048
Зрение, избегание (“болотный” и “посинелый”)	0.7061 (0.1966)	0.7689 (0.1956)	0.002
Зрение, приближение (“морской” и “лесной”)	0.6963 (0.2055)	0.7767 (0.2106)	0.006
<i>Факты биографии</i>			
Ранний опыт (имя и фамилия)	0.7232 (0.2250)	0.7597 (0.1903)	0.015
Ранний опыт (год рождения и школьная оценка)	0.6733 (0.1625)	0.7313 (0.1705)	0.026
Поздний опыт (место трудоустройства и посещенное место)	0.6981 (0.1982)	0.7300 (0.1765)	0.758
Поздний опыт (возраст и период времени после события)	0.6989 (0.1862)	0.7009 (0.1891)	0.761

в ситуации декларирования лжи и правды при актуализации сравнительного нового опыта трактуется как проявление процесса временной системной дедифференциации, характеризующего стресс (подробнее см.: [2; 7; 13]).

В настоящем эксперименте было выявлено увеличение энтропии сердечного ритма во время продуцирования лжи, что свидетельствует об увеличении сложности реализуемого поведения по числу актуализируемых ФС. Акт сокрытия возможно рассматривать как соответствующую “надстройку” над поведением по реализации честных ответов. Таким образом, ложь есть актуализация ФС, специализированных относительно скрываемой информации, плюс актуализация “ФС лжи”, формирующихся для достижения соответствующей цели в определенных условиях (в том числе прохождения тестирования).

Полученные результаты (увеличение энтропии при сокрытии сведений, относящихся ко всем исследуемым доменам опыта) частично противоречат ранее полученным данным [13], в соответствии с которыми направление изменений зависело от типа скрываемой информации. Ключевое различие, по-видимому, связано с дизайном экспериментальных серий. В текущем исследовании его участники самостоятельно выбирали сведения для последующего сокрытия: экспериментатору они были неизвестны. С точки зрения имеющейся классификации типов лжи [8] данная ситуация сокрытия характеризуется понятием “ложь”, в которой происходит искажение фактов, а говорящий имеет мотив, соответствующий сокрытию информации. В проведенном ранее эксперименте [13] утаивание сведений и их выбор происходили по заданию экспериментатора. Эта ситуация с позиции той же классификации соответствует понятию “вранье”, т.е. немотивированному обману, когда есть факт сокрытия, но в основе реализуемого поведения находится цель не по сокрытию информации, а какая-либо иная (в частности, выполнение инструкции).

В качестве автобиографической информации был выбран опыт разной степени дифференцированности — большей и меньшей. В обоих экспериментах отсутствуют значимые различия в энтропии сердечного ритма в ситуации сокрытия информации и декларирования правды, относящейся к сравнительно недавнему автобиографическому опыту (возраст и количество лет после значимого события, а также место трудоустройства и недавно посещенный город). По-видимому, таким образом проявляется эффект временной системной дедифференциации, характеризующей состояние

стресса, когда новый опыт становится частично заблокированным для его актуализации [2; 7]. При этом отсутствие различий в энтропии сердечного ритма не наблюдалось при анализе серий, где скрывались прилагательные. Выбранные в качестве экспериментального материала слова относятся к разным модальностям и актуализируют домены опыта, в которые входят ФС, разные по своему количественному составу и дифференцированности ввиду того, что они приобретались на разных этапах онтогенеза. Ощущения, связанные с обонянием, формируются раньше, чем те, что связаны со зрением [10; 20]. Однако стоит учитывать, что выбранные биографические события из жизни испытуемых происходили в пределах 1–2 лет перед экспериментом. В то время как прилагательные, связанные со зрением, пусть и приобретаются позднее, чем связанные с обонянием, но и данный процесс происходил давно относительно даты эксперимента. Соответственно, существенным фактором оказывается абсолютный возраст систем.

Важно понимать, что отсутствие различий в энтропии сердечного ритма при реализации поведения, приобретенного в недавнем прошлом, не связано с проблемой эффективности выявления скрываемых сведений. Изменение показателя вариабельности сердечного ритма демонстрирует изменение системной организации поведения декларирования лжи и правды, но не свидетельствует об эффективности акта лжи.

Различия, связанные с разнородными инструкциями по сокрытию информации (а соответственно, и с разными субъективными целями тестируемых), имеют теоретическое и прикладное значение. Во-первых, появились дополнительные сведения по проблематике экстраполяции данных, полученных в лабораторных экспериментах, где происходит ложь по заданию экспериментатора [19], на сферу практики. Во-вторых, в литературе имеются противоположные мнения относительно методики составления и предъявления контрольных³ вопросов, используемых в различных полиграфологических тестах [24]. Контрольные вопросы заведомой лжи (Directed-Lie Control Questions, DLCQ) предполагают сокрытие по заданию эксперта, проводящего тестирование, в то время как контрольные вопросы вероятностной лжи (Probable-Lie Control Questions, PLCQ) предполагают, что тестируемое лицо будет самостоятельно скрывать

³ Контрольный вопрос используется для последующего сравнения с проверочным вопросом для вынесения решения о причастности/непричастности к проверяемым событиям. Проверочный вопрос содержит в себе факты по проверяемым событиям [11].

информацию при ответе на соответствующий вопрос. Два указанных типа поведения имеют в своем основании разную системную организацию. Более валидным, как показывает наше исследование, является использование именно второго варианта контрольных вопросов.

В проведенном нами исследовании была проанализирована энтропия сердечного ритма лиц, проходящих проверку на полиграфе. Сравнение двух экспериментальных серий показало, что внешне одинаковое поведение по сокрытию информации (ответ “нет” на предъявленный вопрос) имеет в своей основе разную системную организацию, которая, в свою очередь, зависит от целей реализуемого поведения. Кроме того, важно подчеркнуть, что системная организация поведения, направленного на сокрытие информации, оказывается связанной с тем, какого “возраста” системы представляют опыт, к которому данная информация относится. Известно, что мозговое обеспечение внешне одинакового поведения связано с тем, каков “возраст” актуализируемых в поведении систем и каковы особенности истории формирования опыта данного индивида [1; 23]. В связи с этим можно полагать, что важным фактором, обуславливающим индивидуальные различия в организации поведения сокрытия информации, является и то, какое место в истории формирования целостного опыта индивида занимает компонент опыта, который связан со скрываемой информацией. По-видимому, системная организация поведения сокрытия “одной и той же” информации (например, о собственном имени или конкретных прилагательных) может различаться у разных индивидов. Это подтверждается в том числе тем фактом, что различаются показатели этого поведения, регистрируемые в ходе проверки на полиграфе (потоотделение, активность сердечно-сосудистой системы и пр.) и отражающие реализацию общеорганизменных ФС [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Ю.И. и др. Зависимость свойств связанных с событиями потенциалов от возраста элементов субъективного опыта, актуализируемых при категоризации слов родного и иностранного языков // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 1. С. 133–145.
2. Александров Ю.И. и др. Регрессия как этап развития. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2017. 191 с.
3. Александров Ю.И. Швырков Вячеслав Борисович. Формирование новой парадигмы в психологии и смежных науках // Выдающиеся ученые Института психологии РАН. 2020. С. 218–255.
4. Александров Ю.И. и др. Фундаментальная наука и практика: от мультидисциплинарного анализа научения, памяти и моральных решений к практикоориентированным разработкам методов обучения и воспитания // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 2. С. 5–19.
5. Бахчина А.В., Демидовский А.В., Александров Ю.И. Соотношение сложности динамики сердечного ритма и системных характеристик поведения // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 46–58.
6. Бахчина А.В., Парин С.Б., Гаврилов В.В. Динамика стресс-активации при повторении стрессогенного воздействия в эксперименте // Современные технологии в медицине. 2019. Т. 11. № 1. С. 155–162.
7. Бахчина А.В., Александров Ю.И. Сложность сердечного ритма при временной системной дедифференциации // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 2. С. 114–130.
8. Знаков В.В. Теоретические основания понимания западной постправды и русского вранья // Вопросы психологии. 2019. № 1. С. 16–30.
9. Киреев М.В. Системная организация работы мозга при обеспечении целенаправленного поведения: Дис. ... д-ра биол. наук. СПб., 2017.
10. Колбенева М.Г., Александров Ю.И. Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка: Лингвопсихологический словарь. М., 2017.
11. Оглоблин С.И., Молчанов А.Ю. Инструментальная “детекция лжи” (проверка на полиграфе). Ярославль: Ньюанс, 2004. 464 с.
12. Полевая С.А. и др. Телеметрические и информационные технологии в диагностике функционального состояния спортсменов // Современные технологии в медицине. 2012. № 4. С. 94–98.
13. Учаев А.В., Александров Ю.И. Обусловленные стрессом особенности актуализации субъективного опыта в процессе сокрытия информации // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19. № 1. С. 158–172.
14. Хазова С.А., Мосина О.А., Ус О.А. Изучение мотивов лживого поведения в процессе возрастного развития детей // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 3–2. С. 415–419.
15. Холодный Ю.И. и др. Изучение нейрокогнитивных процессов в парадигме сокрытия информации // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 3. С. 17–39.
16. Чистяков И.Н. Взаимосвязь психологической установки субъекта и вероятности распознавания скрывающейся информации в опросе с использованием полиграфа: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
17. Швырков В.Б. Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики // Швырков В.Б.

- Избранные труды / Под ред. Ю.И. Александрова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
18. *Alexandrov Y.I.* The subject of behavior and dynamics of its states // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № S2/1. С. 131–150.
 19. *Bruni T.* Cross-cultural variation and fMRI lie-detection // Technologies on the stand: Legal and ethical questions in neuroscience and robotics. 2013. P. 129–148.
 20. *Kolbeneva M.G., Alexandrov Y.I.* Mental reactivation and pleasantness judgment of experience related to vision, hearing, skin sensations, taste and olfaction // PloS One. 2016. V. 11. № 7. P. e0159036.
 21. *Peth J., Suchotzki K., Gamer M.* Influence of countermeasures on the validity of the Concealed Information Test // Psychophysiology. 2016. V. 53. № 9. С. 1429–1440.
 22. *Richman J.S., Moorman J.R.* Physiological time-series analysis using approximate entropy and sample entropy // American Journal of Physiology-Heart and Circulatory Physiology. 2000. V. 278. № 6. P. H2039–H2049.
 23. *Shulman R.G., Rothman D.L.* A non-cognitive behavioral model for interpreting functional neuroimaging studies // Frontiers in human neuroscience. 2019. V. 13. P. 28.
 24. *Shurany T., Gordon N.J.* Directed Lie — The Correct or the Easy Way? 2021.

SYSTEMIC ANALYSIS OF EXPERIMENTER-DETERMINED AND “FREE” LIE-PRODUCING BEHAVIOR⁴

A. V. Uchaev*, Y. I. Alexandrov**

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

**Post-Graduate, Laboratory of Psychophysiology Named after V.B. Shvirkov.
E-mail: andvl@ro.ru*

***ScD (Psychology), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education,
Head of Laboratory of Psychophysiology Named after V.B. Shvirkov.
E-mail: yuraalexandrov@yandex.ru*

Received 03.09.2022

Abstract. Characteristics of system organization of behavior, including information hiding, can be revealed by analyzing the variability of an individual's heart rate (HR), in particular by measures of entropy (E). There are different methods of polygraph lie testing, with varying degrees of validity. In some of them, the choice of information to withhold is determined by the experimenter; in others, it is determined by the subject. Previously, we conducted a study in which participants were asked to conceal autobiographical information, as determined by the experimenter, acquired at different stages of individual development. The nature of the change in HRE was found to depend on the type of information withheld. The aim of the present work was to identify the systematic provision of different types of information concealment behavior chosen for concealment by participants (40 individuals) undergoing polygraph testing themselves. They concealed information acquired at different stages of ontogenesis and belonging to different domains of experience. An increase in HRE during lying ($p < 0.05$) was found in all series of the experiment, except for hiding information related to a relatively new experience. The different dynamics of HRE change in the two studies is presumably due to the fact that participants in the present experiment were implementing the “lying” behavior, while in the previous experiment they were implementing the “deceiving” behavior (for a difference see [8]). In both series, there were no significant changes in HRE in responses addressed to relatively new experiences, apparently due to stress regression (suppression of activity of the most differentiated systems). The results suggest that an important determinant of individual differences in organization of information hiding behavior is the place in the individual's history. The data obtained in the described experiments allow to draw conclusions about the differences in the system organization of behavior on the production of different types of lies having the same external manifestation (the answer “No”).

Keywords: polygraph, lie detection, information concealment, lie, system-evolutionary approach, heart rate, sample entropy, stress regression, systemic differentiation.

⁴ Supported by RSF grant No. 22-18-00435.

REFERENCES

1. *Aleksandrov Ju.I. et al.* Zavisimost' svojstv svjazannyh s sobytijami potencialov ot vozrasta jelementov sub''ektivnogo opyta, aktualiziruemih pri kategorizacii slov rodnogo i inostrannogo jazykov. *Psichologicheskii zhurnal*. 1997. V. 18. № 1. P. 133–145. (In Russian)
2. *Aleksandrov Ju.I. et al.* Regressija kak jetap razvitija. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2017. 191 p. (In Russian)
3. *Aleksandrov Ju.I.* Shvyrkov Vjacheslav Borisovich. Formirovanie novoj paradigmy v psihologii i smezhnyh naukah. Vydajushhiesja uchenye Instituta psihologii RAN. 2020. P. 218–255. (In Russian)
4. *Aleksandrov Ju.I. et al.* Fundamental'naja nauka i praktika: ot mul'tidisciplinarnogo analiza nauchenija, pamjati i moral'nyh reshenij k praktikoorientirovannym razrabotkam metodov obuchenija i vospitanija. *Psichologicheskii zhurnal*. 2022. V. 43. № 2. P. 5–19. (In Russian)
5. *Bahchina A.V., Demidovskij A.V., Aleksandrov Ju.I.* Sootnoshenie slozhnosti dinamiki serdechnogo ritma i sistemnyh karakteristik povedenija. *Psichologicheskii zhurnal*. 2018. V. 39. № 5. P. 46–58. (In Russian)
6. *Bahchina A.V., Parin S.B., Gavrilov V.V.* Dinamika stressaktivacii pri povtoreнии stressogenogo vozdejstvija v jeksperimente. *Sovremennye tehnologii v medicine*. 2019. V. 11. № 1. P. 155–162. (In Russian)
7. *Bahchina A.V., Aleksandrov Ju.I.* Slozhnost' serdechnogo ritma pri vremennoj sistemnoj dedifferenciacii. *Jeksperimental'naja psihologija*. 2017. V. 10. № 2. P. 114–130. (In Russian)
8. *Znakov V.V.* Teoreticheskie osnovanija ponimanija zapadnoj postpravdy i russkogo vran'ja. *Voprosy psihologii*. 2019. № 1. P. 16–30. (In Russian)
9. *Kireev M.V.* Sistemnaja organizacija raboty mozga pri obespechenii celenapravlennogo povedenija: Dis. ... d-ra biol. nauk. Saint-Petersburg, 2017. (In Russian)
10. *Kolbeneva M.G., Aleksandrov Ju.I.* Organy chuvstv, jemocii i prilagatel'nye russkogo jazyka: Lingvo-psihologicheskij slovar'. Moscow, 2017. (In Russian)
11. *Ogloblin S.I., Molchanov A. Ju.* Instrumental'naja "detekcija lzhi" (proverka na poligrafe). Jaroslavl': Njuans, 2004. 464 p. (In Russian)
12. *Polevaja S.A. et al.* Telemetrichekie i informacionnye tehnologii v diagnostike funkcional'nogo sostojanija sportsmenov. *Sovremennye tehnologii v medicine*. 2012. № 4. P. 94–98. (In Russian)
13. *Uchaev A.V., Aleksandrov Ju.I.* Obuslovlennye stressom osobennosti aktualizacii sub''ektivnogo opyta v processe sokrytija informacii. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal*. 2022. V. 19. № 1. P. 158–172. (In Russian)
14. *Hazova S.A., Mosina O.A., Us O.A.* Izuchenie motivov lzhivogo povedenija v processe vozrastnogo razvitija detej. *Sovremennye naukoemkie tehnologii*. 2016. № 3–2. P. 415–419. (In Russian)
15. *Holodnyj Ju.I. et al.* Izuchenie nejrokognitivnyh processov v paradigme sokrytija informacii. *Jeksperimental'naja psihologija*. 2021. V. 14. № 3. P. 17–39. (In Russian)
16. *Chisťjakov I.N.* Vzaimosvjaz' psihologicheskoi ustanovki sub''ekta i verojatnosti raspoznavanija skryvaemoj informacii v oprose s ispol'zovaniem poligrafa. Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow, 2010. (In Russian)
17. *Shvyrkov V.B.* Vvedenie v ob''ektivnuju psihologiju. Nejronal'nye osnovy psihiki. Shvyrkov V.B. Izbrannye trudy. Ed. Ju.I. Aleksandrov. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2006. (In Russian)
18. *Alexandrov Y.I.* The subject of behavior and dynamics of its states. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal*. 2018. V. 15. № S2/1. P. 131–150.
19. *Bruni T.* Cross-cultural variation and fMRI lie-detection. Technologies on the stand: Legal and ethical questions in neuroscience and robotics. 2013. P. 129–148.
20. *Kolbeneva M. G., Alexandrov Y.I.* Mental reactivation and pleasantness judgment of experience related to vision, hearing, skin sensations, taste and olfaction. *PloS One*. 2016. V. 11. № 7. P. e0159036.
21. *Peth J., Suchotzki K., Gamer M.* Influence of countermeasures on the validity of the Concealed Information Test. *Psychophysiology*. 2016. V. 53. № 9. S. 1429–1440.
22. *Richman J.S., Moorman J.R.* Physiological time-series analysis using approximate entropy and sample entropy. *American Journal of Physiology-Heart and Circulatory Physiology*. 2000. V. 278. № 6. P. H2039–H2049.
23. *Shulman R.G., Rothman D.L.* A non-cognitive behavioral model for interpreting functional neuroimaging studies. *Frontiers in human neuroscience*. 2019. V. 13. P. 28.
24. *Shurany T., Gordon N.J.* Directed Lie — The Correct or the Easy Way? 2021.

УДК 159.9

МОДИФИКАЦИЯ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В УСЛОВИЯХ ОНЛАЙН-КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПСИХОДИНАМИЧЕСКОГО ПОДХОДА)

© 2022 г. А. Н. Воронин^{1,*}, О. В. Чвилева^{1,**}, И. В. Смирнов^{2,***}, М. А. Станкевич^{2,****}

¹ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

²ФГУ Федеральный исследовательский центр “Информатика и управление” РАН;

119333, Москва, Вавилова, д. 44, корп. 2.

*Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник.

E-mail: voroninan@bk.ru

**Аспирант.

E-mail: chov700@yandex.ru

***Кандидат физико-математических наук, заведующий отделом.

E-mail: ivs@isa.ru

****Инженер-исследователь.

E-mail: stankevich@isa.ru

Поступила 12.08.2022

Аннотация. Дистанционное консультирование в последние годы приобрело популярность вследствие широкой доступности онлайн-коммуникаций и уменьшения очных контактов из-за пандемии COVID-19. Однако языковые характеристики и особенности речевого взаимодействия при онлайн-консультировании не являлись предметом специального исследования. Данная работа посвящена изучению модификации психотерапевтического дискурса при использовании дистанционных технологий. На предварительном этапе исследования с помощью анализа данных свободного интервью было показано, что есть четкое разделение психотерапевтического дискурса на две составляющие: высказывания психотерапевтов и высказывания клиентов. Ситуация онлайн-консультации воспринимается как более сложная и напряженная, а изменения в дискурсе представляются как спонтанные копинг-стратегии: различные у психотерапевта и клиента речевые и поведенческие способы совладания с ситуацией. Основное исследование было посвящено анализу семантико-синтаксической структуры высказываний с помощью метода реляционно-ситуационного анализа (РСА). В ходе исследования сопоставлялось четыре корпуса текстов по 50 текстов в каждом: реплики психотерапевтов и клиентов при очном и онлайн-консультировании. Сравнение реплик терапевтов при очной и онлайн-консультации показало, что имеются значимые различия по 49 различным показателям РСА. При сравнении реплик клиентов — по 52 показателям. Для общения полученных различий было проведено факторное сравнение структур методом объединения данных (pooled data method). Полученные факторные решения были интерпретированы как композитные характеристики изменения психотерапевтического дискурса. Для высказываний психотерапевтов было описано шесть таких характеристик, для клиентов — пять. Выявленные изменения в психотерапевтическом дискурсе являются как речевыми компонентами стихийной копинг-стратегии по преодолению более напряженной и неопределенной ситуации онлайн-консультирования, так и ее следствием.

Ключевые слова: дискурс, онлайн-консультирование, свободное интервью, семантико-синтаксическая структура текста, реляционно-ситуационный анализ.

DOI: 10.31857/S020595920023644-4

Рост популярности психологического консультирования в дистанционном формате в последние годы обусловлен не только все большей доступностью онлайн коммуникаций, но и эпидемиологической обстановкой в связи с COVID-19, способ-

ствующей разобщенности и изолированности людей. Социальная нестабильность на этом фоне вызывала проблемы с психическим здоровьем у значительного количества людей и привела к росту обращений за квалифицированной по-

мощью онлайн. Наиболее востребованными сетевыми платформами для оказания психологической помощи в дистанционном формате на сегодняшний день являются WhatsApp, Skype, Zoom, Telegram и Viber. “Гаджетизация” в целом изменила формы взаимодействия людей и процесс коммуникации, а опосредованное общение создало новую культурно-языковую ситуацию и привело к изменению институциональных дискурсов, в том числе и психотерапевтического.

Онлайн-консультирование (дистанционное консультирование) определяется как предоставление консультационных услуг в интернет-пространстве, когда психолог или психотерапевт и его клиент физически находятся в разных местах и общаются с помощью компьютерных технологий [32]. Альтернативная классическому очному формату услуга, осуществляемая посредством виртуального взаимодействия, также получила известность как киберконсультирование, веб-консультирование, онлайн-терапия, е-терапия (электронная терапия) [29; 41].

С самого начала развития онлайн-консультирования в профессиональных кругах велись оживленные дискуссии о его эффективности и возможностях его широкого использования. В течение долгого времени многие исследователи полагали, что альтернатива психологическому консультированию в его классическом понимании — при непосредственном присутствии терапевта и клиента — невозможна и бессмысленна [17; 22]. Противоположное мнение заключалось в том, что в условиях быстрого развития кибертехнологий консультанты должны использовать все доступные возможности для предоставления своих услуг [16; 23].

Для проверки эффективности дистанционной психотерапии был проведен ряд исследований, которые показали эффективность этой работы с такими проблемами, как одиночество [25], депрессия [31], паническое расстройство [19], бессонница [38], отказ от курения [37].

В пользу несомненной эффективности психотерапии, осуществляемой посредством цифровых технологий, высказываются многие зарубежные исследователи [28], сравнивая результаты работы, полученные в процессе онлайн-консультирования, с результатами работы, проводимой во время личных приемов [34; 36; 40].

D.C. Mohr et al. [30], например, провели метаанализ 12 исследований, посвященных лечению депрессии по телефону, и обнаружили значительное снижение симптоматики и меньшее количество случаев прерывания терапии, чем при личном

консультировании. A. Barak et al. [18], изучив опубликованные по состоянию на март 2006 г. ($n = 64$) эмпирические статьи, в которых исследуется эффективность онлайн-терапии в различных форматах, провели метаанализ всех исследований ($n = 92$), в которых участвовали в общей сложности 9764 человека (клиента), проходивших терапию для решения различных проблем в онлайн-формате. Эффективность психотерапевтической работы оценивалась по разным критериям. Средневзвешенная величина эффекта составила 0.53 (средний показатель), что очень приближено к показателям эффективности традиционного очного консультирования. A. Barak et al. [18] было заявлено, что онлайн-консультирование так же эффективно, как и личное консультирование. M. Dowling и D. Rickwood [20] провели метаанализ шести исследований и обнаружили, что консультирование в онлайн-чате может быть столь же эффективным, как и при личном общении. R. King et al. [27] обнаружили, что подростки более заинтересованы в получении терапии в формате переписки, чем в очном формате. По C. Holmes и V. Foster [24], клиенты ($n = 50$) ощутили более глубокий рабочий альянс при онлайн-консультировании, чем при личном общении. Однако B. Wagner et al. [39] установили, что для получения положительных результатов онлайн-терапии депрессии требуется больше времени, чем очной терапии.

Использование социальных сетей, “прозрачность” для клиента личности терапевта могут также вызывать дополнительные этические вопросы. Большое количество проблем такого рода все чаще рассматривается в разработке этических кодексов поведения [35]. Не менее значимой остается проблема разработки руководящих принципов онлайн-опосредованной психотерапии и стандартных рабочих процедур в отношении оформления информированного согласия, организации порядка проведения терапевтических сессий, хранения персональных данных и т.п. [33]. Самый сложный и самый важный аспект онлайн-психотерапии — конфиденциальность, обеспечивать которую в этом формате приходится обоим участникам коммуникации [26].

Наше исследование посвящено изменениям психотерапевтического дискурса при проведении онлайн-консультаций. Под психотерапевтическим дискурсом в узком смысле понимают все диалоги терапевта и клиента — человека, который обратился за оказанием психологической помощи с целью разрешения проблем [8], а в широком — все воздействия, призванные повлечь личностные изменения, и все речевые акты, сопровождающие эту коммуникацию [14]. Психотерапевтический

процесс подразумевает не просто обмен информацией, но осуществление определенного рода вмешательств, интервенций с целью воздействия на собеседника, изменения системы его убеждений, поведения, мыслей [4]. Именно на основе речевого влияния, которое можно определить как выбор подходящего, адекватного способа речевого воздействия на личность в конкретной коммуникативной ситуации, строится терапевтический контакт [13]. Психотерапия, по сути, имеет дело с конкретным субъектом как языковой личностью, которая посредством языка выражает себя в своей речи (дискурсе), т.е. личностью, реконструированной в своих основных чертах на базе языковых средств [5]. Внимание к дискурсу клиента, отслеживание его реформации и динамики позволяют специалисту управлять психотерапевтическим процессом [4].

Однако до сравнительно недавнего времени языковые характеристики и особенности речевого взаимодействия консультирующего специалиста и клиента не оказывались в центре внимания практикующих психологов-консультантов и психотерапевтов [15]. Речевые формы воспринимались ими исключительно как отражение внешней или внутренней реальности: бессознательных процессов, особенностей личности, симптомов и т.п. [2]. Поэтому в рамках психотерапии вопрос можно ставить не только и не столько о соответствии образа пациента его настоящему состоянию, но о полной личностной картине клиента, представленной самыми разнообразными коммуникативными актами [6]. Поскольку «разговор о своих чувствах» предполагает не только вербальную составляющую, но и специфический набор прагматических характеристик (время и место беседы, настрой собеседников, их мотивы и цели и др.), вероятно, можно говорить о существовании особого психотерапевтического дискурса [1]. Формат онлайн-консультирования наряду с положительными сторонами (экономия времени, доступность специалиста для жителей различных регионов, обеспечение большей анонимности и др.) имеет и минусы, требующие учета в терапевтической работе (сложности в установлении доверительного контакта, меньшие возможности для использования терапевтом невербальных ресурсов в процессе консультации, сложности поиска клиентом «безопасного» места для получения необходимого терапевтического опыта и др. [9]). Психотерапевтический дискурс в условиях онлайн-консультирования должен опираться на преимущества и учитывать недостатки данного формата. В связи с этим возникает основной исследовательский вопрос — как модифицируется терапевтический дискурс при использовании

дистанционных технологий. Он определяет *цель исследования* — выявление изменений в психотерапевтическом дискурсе в условиях дистанционного консультирования. При этом предполагается решение нескольких *исследовательских задач*: выявление структуры представлений психотерапевтов об изменении дискурса на онлайн-консультации, выявление лексических, синтаксических и семантических изменений в дискурсе клиентов и психотерапевтов при проведении консультаций в онлайн-формате.

МЕТОДИКА

На предварительном этапе исследования было проведено неструктурированное интервью об особенностях работы в онлайн-режиме с практикующими психотерапевтами, работающими в рамках психодинамического направления. Продолжительность интервью в среднем составила 15 мин. Всего было проведено 14 интервью. Интервью проводилось в рамках переговоров о предоставлении для семантико-синтаксического анализа текстов бесед с клиентами. Выборка формировалась по методу «снежного кома» с условием предоставления парных «протоколов» текстов бесед с клиентами — на очных и онлайн-консультациях.

Основное исследование предполагало анализ семантико-синтаксической структуры высказываний в психотерапевтическом дискурсе при переходе на дистанционный формат. Всего было собрано 100 текстов психотерапевтических бесед, проведенных 11 психотерапевтами с их клиентами, получавшими психологическую помощь с сентября 2020 по июнь 2021 г. как в онлайн-, так и в офлайн-режиме: 50 бесед были проведены в очном формате, 50 — онлайн. Продолжительность беседы составляла в среднем 45 мин. Каждая беседа записывалась и впоследствии транскрибировалась с указанием реплик, принадлежащих психотерапевту и клиенту. Клиенты были уведомлены о фиксации текста беседы на условиях полной анонимности, исключающей упоминания имен, дат и локаций в транскрибированном тексте. Таким образом было составлено четыре корпуса текстов по 50 текстов в каждом: реплики психотерапевтов при очном консультировании, реплики психотерапевтов по ходу онлайн-консультаций, реплики клиентов при очном консультировании и реплики клиентов по ходу онлайн-консультаций. Общий объем текстов составил более 3345 тыс. знаков. Также было получено 14 текстов интервью с психотерапевтами об изменении в дискурсе при проведении онлайн-консультаций.

Для анализа семантико-синтаксической структуры высказываний использовался метод реляционно-ситуационного анализа (РСА) [10]. Реляционно-ситуационный анализ позволяет выявлять семантику текста, ставя в соответствие синтаксическую структуру предложения логической структуре действий, описанных в этом предложении. Для выявления реляционно-ситуационной структуры высказываний выполняется семантико-синтаксический анализ текстов [12], в результате которого строится дерево полного синтаксического разбора, определяются предикаты и их аргументы, для аргументов устанавливаются семантические роли (синтаксические значения). Реляционно-ситуационное представление текста, учитывающее все уровни языка, показало свою эффективность в решении многих задач интеллектуального анализа текстов и информационного поиска.

Реляционно-ситуационный анализ является компонентой машины РСА [3], которая представляет собой инструмент лингво-статистических и корпусных исследований, ориентированный прежде всего на работу с русским языком. Этот инструмент реализует поисковые и аналитические функции для корпусов текстов или одного текста, при этом текст представляется в виде сетевой структуры произвольной сложности, что позволяет моделировать все уровни языка и любые виды разметки. Машина РСА позволяет вычислять различные текстовые показатели: синтаксические признаки, семантические роли и связи, показатели принадлежности словарям различной лексики, дополненные показателями по Linguistic Inquiry and Word Count (LIWC) 2007 г. для русского языка, коэффициент логической связности, коэффициент опредмеченности действий, тональность, показатели Трейгера и др. — всего 298 показателей.

Анализ текстов интервью осуществлялся по схеме С. Квале [7] с применением феноменологии конденсации смысла по А. Джорджи [21].

Для статистических расчетов использовался пакет PASW Statistics 18. Конкретные статистики и критерии приведены при описании результатов исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Предварительный этап исследования заключался в проведении свободного интервью с практикующими психотерапевтами. Тема интервью была посвящена изменениям в психотерапевтическом дискурсе при проведении онлайн-консультаций. В самом общем виде исследовательский вопрос был сформулирован следующим образом: как

меняются речь и характер психотерапевтического диалога в онлайн-режиме. Конкретизация центральной темы интервью осуществлялась в нескольких направлениях: особенности высказываний на онлайн-консультациях, особенности интеракций, изменение тематики, изменение темпа речи, изменения в сеттинге, динамика и/или изменение эмоционального состояния, общая атмосфера онлайн-консультирования.

В результате обобщения наиболее существенного содержания текстов интервью (конденсация смысла) было выявлено, что есть четкое разделение психотерапевтического дискурса на две составляющие: высказывания психотерапевтов и высказывания клиентов. В текстах интервью речь всегда идет либо об одном, либо о другом типе высказываний. Вторая идея, присущая всем текстам интервью, — ощущение “посредника” при проведении онлайн-консультации, особенно на начальном этапе работы с клиентом. Присутствие “третьего участника беседы” в виде компьютера или мобильного устройства приводит к некоторому увеличению отстраненности, настороженности и скованности, что затрудняет установление психотерапевтического альянса. Еще один общий смысл различных высказываний психотерапевтов сводится к тому, что онлайн-консультация в большей мере требует соблюдения неких формальных правил и в ней ощущается повышенный социальный контроль за происходящим. В речи это сводится к соблюдению формальных правил языка. В ходе процедуры категоризации были выделены три класса высказываний: изменения в речи клиентов, изменения в речи психотерапевтов и особенности процесса проведения онлайн-консультаций.

Изменения в речи клиентов сводятся к следующему: 1) у клиента чаще происходит смена тем по ходу беседы, чаще возникают отвлечения, клиент легче переключает внимания на окружающую обстановку вокруг себя; 2) в речи клиента наблюдается больше “ненормативной” лексики, он как бы наедине с собой, у себя дома; 3) в речи клиента больше извинительных слов — ему неловко, что он отвлекается на домашнюю обстановку; 4) чаще случаются апелляции к опыту терапевта — клиент хочет поближе его узнать, понять, почувствовать; 5) в высказываниях больше односложных ответов на вопросы терапевта — клиент “раскрывается” менее охотно; 6) чаще звучат вопросы: “Вы меня понимаете?”, что требует прямого подтверждения сохранения контакта; 7) в речи клиента наблюдается больше пауз.

Изменения в речи психотерапевтов несколько иные: 1) высказывания терапевта более подробны,

в них больше уточнений и пояснений; 2) больше уточняющих вопросов от терапевта — “Верно ли я понимаю...?”; 3) больше вопросов “Как Вы себя чувствуете?”, поскольку изображение на экране не позволяет точно отследить состояние клиента; 4) чаще возникает необходимость прямого подтверждения сохранения контакта; 5) чаще происходит дублирование вопросов от терапевта.

Процесс онлайн-консультаций характеризуется следующими особенностями: 1) увеличивается время установления терапевтического альянса — клиенту может не хватать прямого контакта, он держится более скованно, менее неразговорчив; 2) сложнее выдерживать сеттинг; 3) терапевт чаще не уверен в том, правильно ли его понял клиент; 5) нет располагающей атмосферы кабинета психотерапевта — больше времени требуется на “разгон” до непосредственного запроса: беседа начинается издалека, с нейтральных тем; 6) существует риск “вторжения посторонних” в время сеанса, что приводит к резкой паузе и нарушению хода беседы.

Разноплановость классов категорий позволяет в самом общем виде описать структуру изменений дискурса при онлайн-консультациях. Сложная и напряженная ситуация онлайн-консультации выступает как стрессор, а классы категорий — как спонтанные копинг-стратегии: различные у психотерапевта и клиента речевые и поведенческие способы совладания. При этом часть категорий выступает как

субъективные переживания по поводу возникающих затруднений.

Качественный анализ данных интервью определил проведение *основного исследования* в двух направлениях: рассмотрение изменений в высказываниях психотерапевтов и клиентов при онлайн-консультировании.

Был проведен расчет показателей РСА для четырех корпусов (каждый из 50 текстов): реплики терапевтов, проводящих консультации очно и онлайн и реплики клиентов на очных и онлайн-консультациях. Всего рассчитывалось 298 показателей в абсолютных и нормализованных значениях относительно количества слов в текстах. Оценка сдвига между показателями РСА текстов очных и онлайн-консультаций проводилось попарно между четырьмя группами по нормализованным значениям показателей с помощью теста Манна—Уитни. При сравнении каждого признака между группами обе выборки очищались от выбросов при помощи межквартильного интервала и проверялись на нормальность распределение. Для анализа были оставлены показатели, где p -value был меньше 0.05 для указанной пары.

Сравнение текстов реплик терапевтов, проводящих консультации очно и онлайн, показало, что имеются значимые различия по 49 различным показателям РСА. Фрагменты таблицы представлены в табл. 1.

Таблица 1. Сравнение показателей РСА по репликам терапевтов, проводящих консультации очно и онлайн

Показатель РСА, включая LIWC	Среднее по репликам психотерапевтов при онлайн-консультировании	Среднее по репликам психотерапевтов при очных консультациях	p -value Mann—Whitney
Средняя длина предложения (в количестве слов)	11.121	10.009	<0.01
Тональность слов (по усредненным значениям)	3.255	-0.386	<0.05
Синтакс. связь: nmod	0.053	0.046	<0.001
Коэффициент логической связности	0.770	0.631	<0.001
Средняя глубина синтаксического дерева	4.350	4.070	<0.01
Сем. роль: делибератив	0.016	0.012	<0.001
Доля местоимений 1-го лица ед. числа	0.105	0.065	<0.001
Тональность текста	0.003	0.000	<0.05
Коэффициент определенности действия (кол. глаголов/кол. существительных)	0.600	0.633	<0.01
—	—	—	—
—	—	—	—
Словарь: Аффектогенная лексика	0.034	0.039	<0.01
LIWC: Гнев	0.004	0.007	<0.01
LIWC: Попытка	0.055	0.065	<0.01
Словарь: Социальность отрицательная	0.007	0.009	<0.05
Часть речи: прилагательное	0.033	0.038	<0.01
Сем. роль: темпоратив	0.014	0.010	<0.001
LIWC: Слышание	0.016	0.013	<0.01
LIWC: Чувствование	0.012	0.015	<0.01
Сем. роль: директив	0.004	0.003	<0.05

При сравнении текстов реплик клиентов значимые различия были получены по 52 показателям. Фрагменты таблицы представлены в табл. 2.

Полученные результаты позволяют в самом общем виде описать изменения в дискурсе при переходе к онлайн-консультациям. Так, при дистанционном консультировании предложения психотерапевтов стали длиннее, повысилась тональность высказываний, их логическая связанность и синтаксическая завершенность, снизился уровень негативно окрашенной аффектогенности и т.п. Речь клиентов на онлайн-консультациях более разнообразна и содержит значимо больше уникальных слов. В репликах клиентов уменьшилось количество сложных предложений при одновременном повышении эмоциональной стабильности. Высказывания клиентов при дистанционном сеансе носят более конкретный характер и значимо чаще заявляются от себя лично. Характер высказываний клиентов носит более социальный характер, отражая при этом большую уверенность, включенность и позитив. При этом делать какие-то обобщения при анализе отдельных показателей весьма сложно, а умозрительно учесть сочетания различных показателей представляется почти невозможным. Более

компактное и обобщенное описание полученных различий в дискурсе терапевтов при проведении онлайн-консультаций возможно при использовании эксплораторного факторного анализа, позволяющего выявить латентные переменные, отвечающие за разнообразие полученных данных.

Для описания различий в структуре данных между очными и онлайн-консультациями был использован один из способов факторного сравнения структур двух выборок — метод объединения данных (pooled data method). При его использовании объединяются данные из двух выборок, добавляется искусственная переменная, категории которой кодируют принадлежность испытуемых к той или иной выборке. Факторные нагрузки этой искусственной переменной указывают на факторы, в отношении которых групповые средние факторные оценки будут различаться сильнее всего. В нашем случае искусственной переменной являлась принадлежность данных к текстам консультаций, проводимых очно и онлайн. Результаты рассчитывались отдельно для данных по репликам психотерапевтов и клиентов, т.е. совмещались данные по репликам психотерапевтов на очных и онлайн-консультациях, и аналогично данные совмещались

Таблица 2. Сравнение показателей PCA по репликам клиентов на очных и онлайн-консультациях

Показатель PCA, включая LIWC	Среднее по репликам клиентов при онлайн-консультировании	Среднее по репликам клиентов при очных консультациях	p-value Mann—Whitney
Синтакс. связь: obl	0.071	0.067	<0.05
Синтакс. связь: discourse	0.025	0.034	<0.001
Словарь: Аффектогенная лексика	0.050	0.046	<0.05
Число клауз	675.255	806.380	<0.01
LIWC: онаон	0.039	0.045	<0.05
Тональность текста	0.002	−0.001	<0.05
Сем. роль: предикат	0.006	0.005	<0.01
Число уникальных слов/Число слов	0.232	0.209	<0.001
—	—	—	—
—	—	—	—
Словарь: Социальность положительная	0.027	0.021	<0.001
Синтакс. связь: parataxis	0.011	0.013	<0.01
LIWC: Позитив	0.045	0.037	<0.001
LIWC: Включение	0.086	0.081	<0.05
LIWC: они	0.035	0.032	<0.05
Синтакс. связь: advcl	0.014	0.012	<0.01
LIWC: Уверенность	0.030	0.028	<0.05
Словарь: Рациональная оценка положительная	0.027	0.022	<0.001
LIWC: Личноместоимение	0.137	0.144	<0.05
Синтакс. связь: aux: pass	0.002	0.002	<0.01
LIWC: Чувствование	0.008	0.006	<0.01
Коэффициент Трейгера_2	4.845	5.499	<0.01
Сем. роль: транзитив	0.001	0.001	<0.05
Сем. роль: темпоратив	0.011	0.009	<0.01

Таблица 3. Полная объясненная дисперсия по выборке реплик психотерапевтов

Компонента	Начальные собственные значения		
	Итого	% Дисперсии	Кумулятивный % дисперсии
1	7.701	15.715	15.715
2	5.903	12.046	27.761
3	5.052	10.311	38.072
4	3.604	7.355	45.427
5	2.948	6.016	51.442
6	2.777	5.667	57.110
—	—	—	—
49	0.001	0.002	100

по репликам клиентов. Полученные совмещенные данные были подвергнуты факторному анализу методом главных компонент с последующим Вариационным вращением.

Для данных по репликам психотерапевтов при использовании критерия Кайзера выделилось 13 факторов с собственными значениями, большими единицы, при этом первые шесть факторов объясняют 57.11% дисперсии, а остальные факторы вносят дополнительно от 4 до 0.002%. При использовании критерия “каменистой осыпи” выделяется шесть факторов (рис. 1), при этом факторные нагрузки дифференцирующей переменной по этим факторам максимальны. Результаты представлены в табл. 3. и на рис. 1.

В нашем случае наиболее уместно будет трактовать полученные факторные решения как композитную характеристику изменения психотерапевтического дискурса. Эта характеристика является

следствием интеграции нескольких элементарных семантических ролей, синтаксических связей и/или иных показателей РСА. По нашим представлениям, она определяет направление изменения дискурса и обусловлена психологическими и ситуационными причинами, связанными с онлайн-консультированием. Выявленные композитные характеристики психотерапевтического дискурса задают направления его изменения.

Аналогичным образом были обработаны данные по репликам клиентов на очных и онлайн-консультациях. При использовании критерия Кайзера выделилось 13 факторов с собственными значениями, большими единицы. Использование критерия “каменистой осыпи” позволяет говорить о пяти значимых факторах, объясняющих 51.32% дисперсии. Результаты представлены в табл. 4. и на рис. 2.

Первым и наиболее весомым направлением изменения психотерапевтического онлайн-дискурса

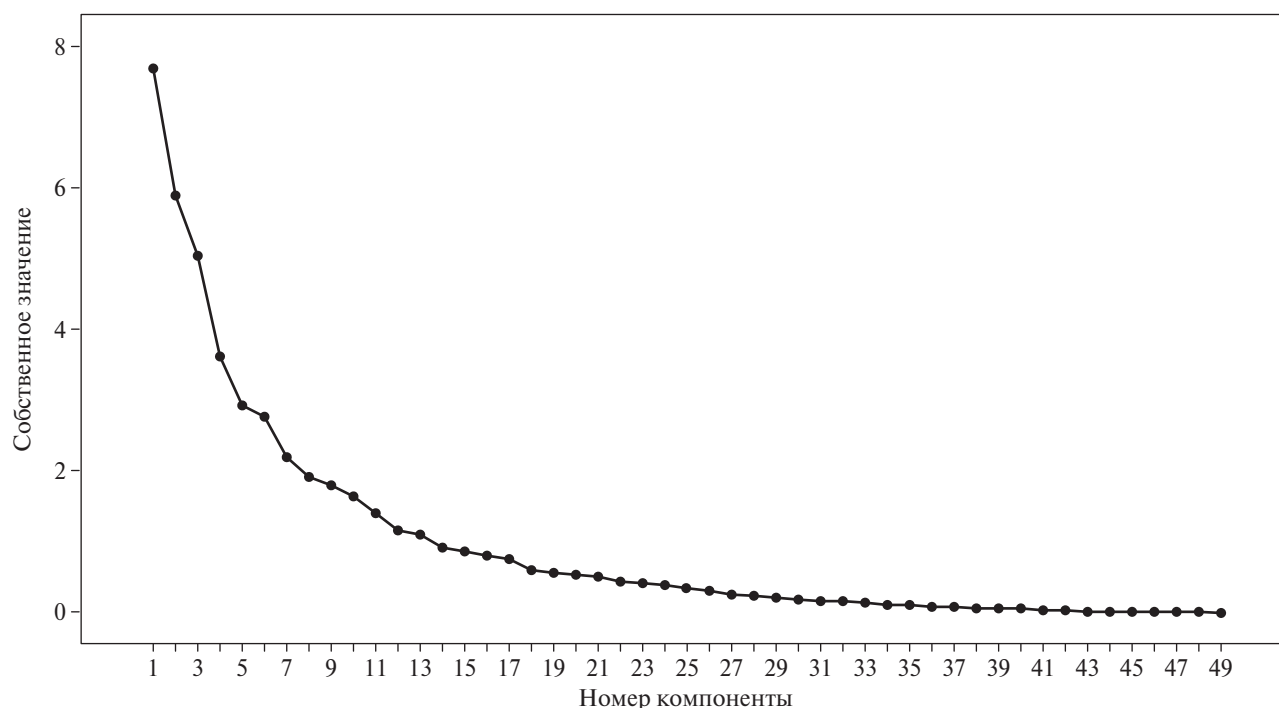
Рис. 1. График собственных значений по выборке реплик психотерапевтов

Таблица 4. Полная объясненная дисперсия по выборке реплик клиентов

Компонента	Начальные собственные значения		
	Итого	% Дисперсии	Кумулятивный % дисперсии
1	9.774	18.796	18.796
2	6.151	11.829	30.625
3	4.672	8.984	39.609
4	3.209	6.172	45.781
5	2.882	5.542	51.323
—	—	—	—
52	0.002	0.003	100

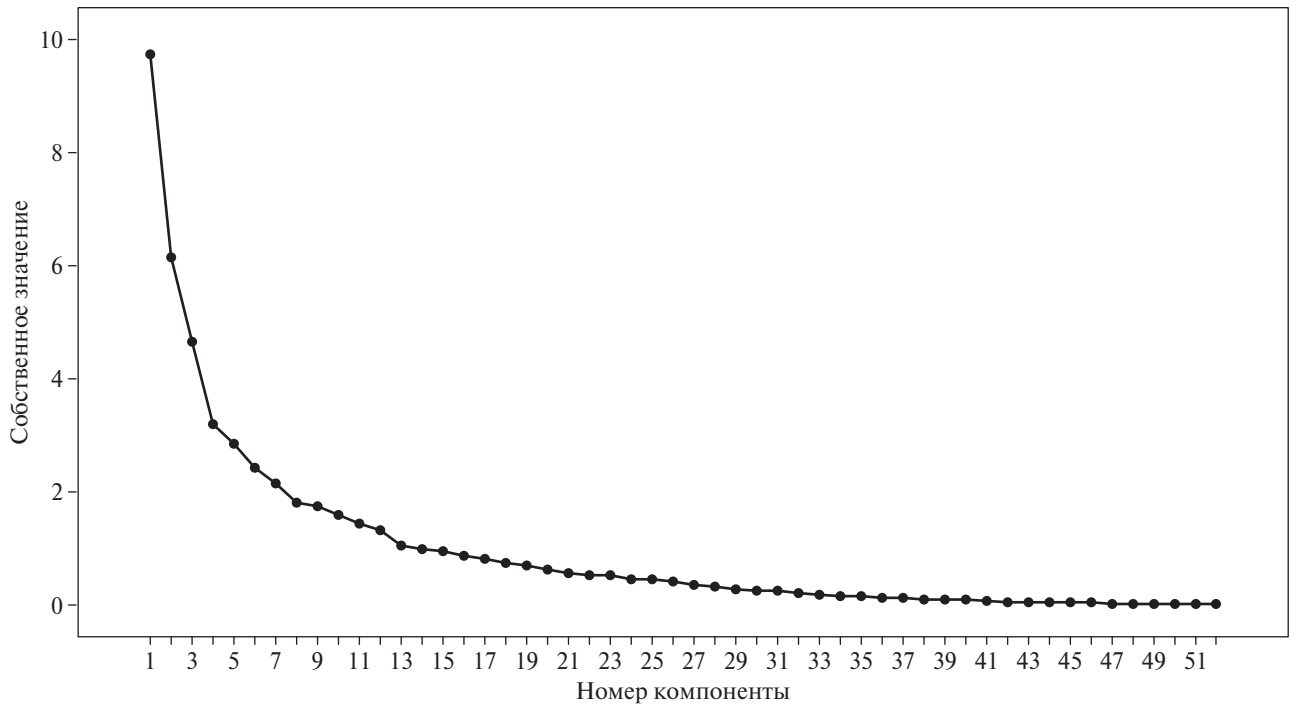

Рис. 2. График собственных значений по выборке реплик клиентов

является “распространенность и корректность высказывания” в речи психотерапевтов. При онлайн-консультациях увеличивается количество слов в предложении и усиливается логическая связность высказываний в целом. Это продиктовано естественной необходимостью терапевта добиться максимально четкого понимания его речи клиентом. Если в условиях очной консультации при наличии невербальных компонентов коммуникации возможен пропуск некоторых служебных связующих слов и нарушение синтаксических конструкций предложения, то в дистанционном формате во избежание недопонимания терапевт разворачивает свое высказывание максимально полно и правильно. Значимое уменьшение показателя “синтаксическая связь гоот” также говорит об относительном снижении количества предложений, состоящих только из основы, что косвенно свидетельствует об усложнении высказываний.

Вторую композитную характеристику онлайн-дискурса психотерапевтов можно условно назвать

“конкретизацией обстоятельств”. Увеличение коэффициента опредмеченности действия свидетельствует в пользу синтаксической завершенности высказывания. При этом возрастает количество указаний на время, место действия. Повышение показателя “семантическая роль локативов”, вероятно связано с частым уточнением терапевта, насколько комфортно и безопасно клиент себя чувствует в момент консультации, подходит ли ему назначенное время. При онлайн-консультации в большей мере обсуждаются сеттинг и условия, которые клиенту желательно обеспечить для полноценной работы (изолированность, безопасность, стабильная возможность встреч и т.п.). Коэффициент опредмеченности может свидетельствовать о нерешительности, зависимости и тревожности, что в нашем случае явно имеет ситуационную основу и обусловлено более сложной и непривычной деятельностью психотерапевта при проведении онлайн-консультации.

Третья характеристика онлайн дискурса — “Я-высказывания психотерапевта” — обусловлена повышением доли местоимений и глаголов 1-го лица и показателем LIWC “1st perssingular”. Увеличение Я-высказываний терапевта, возможно, связано с необходимостью частого уточнения того, что клиент правильно расслышал или понял обращенное к нему высказывание или вопрос. То есть, вероятно, это происходит за счет реплик “Верно ли я слышу?”, “Правильно ли я вас понимаю?”, а также ответов на уточняющие вопросы клиента о качестве связи. Увеличение “Я-высказываний” происходит за счет большего самораскрытия терапевта: этот прием позволяет быстрее установить рабочий контакт за счет большей открытости и доверительности. Возросшая доля местоимений и глаголов 1-го лица также свидетельствует о более активной и доминирующей роли терапевта при работе онлайн. Терапевт вынужден организовать процесс и структурировать время и ход работы, ему важно убедиться в том, что он правильно понимает информацию, исходящую от клиента, и сделал все от него зависящее, чтобы избежать недопонимания со стороны клиента.

Четвертое направление изменения онлайн-дискурса предполагает “внимание к деталям хронологии событий”. Увеличение количества союзов и темпоративов в речи психотерапевта на онлайн-консультациях связано с более подробным выстраиванием хронологической последовательности событий. Вероятно, в отсутствие невербального компонента общения терапевт собирает информацию более продуманно, структурированно и тщательно, расспрашивая клиента о большем количестве деталей, чем это происходит при личном общении, когда терапевт “отвлекается” на “внешние”, поведенческие стороны коммуникации. О большей “связности” высказываний в данном случае свидетельствует увеличение слов-маркеров, обозначающих предложение как подчиненное другому предложению. Многосоюзи и увеличение предикатов придают высказываниям большую многозначительность и некую эпичность.

Наиболее простой для обозначения и интерпретации является пятая характеристика — “повышенная тональность высказываний”. Можно предположить, что при онлайн-коммуникации в условиях минимизации невербального компонента общения психотерапевт старается быть более эмоциональным, дружелюбным, открытым. Возможно, в этом проявляется его стремление ускорить процесс построения хорошего терапевтического контакта. При этом значимо снижаются лексика гнева и отрицательно окрашенная социальная тематика.

Шестая характеристика сложна для интерпретации. Она базируется на повышенном количестве в речи психотерапевтов на онлайн-консультациях предлогов и дополнений родительного падежа. И это вновь указывает на большую связность высказываний. Однако значимое снижение коэффициента опредмеченности действия предполагает более развернутое, но менее синтаксически завершенные высказывание. Речь становится менее формальной, более развернутой и лексически менее правильной. Вероятно, это еще один способ уточнения описаний, даваемых клиентом. Исходя из этого предположения шестое направление изменения дискурса психотерапевтов в условиях онлайн-консультирования было названо “*уточнением описания*”. Скорее всего, эта характеристика отражает “речевое подстраивание” для увеличения раппорта.

Направления изменения дискурса клиентов при проведении онлайн-консультаций отличаются от композитных характеристик психотерапевтов. Первое и наиболее значимое направление изменений предполагает “повышение повествовательности и связности высказываний”. Об этом свидетельствуют большее количество существительных, предлогов и синтаксических связей “case” и “obl”, описывающих маркирование падежа и наличие косвенных членов предложения. Возрастание количества предлогов и существительных, возможно, объясняется необходимостью глубоко описать ситуацию или обстоятельства, которые привели к психологу, при отсутствии полноценного невербального компонента общения. Больше предметов и обстоятельств — меньше действия. Снижение количества местоименных наречий, частиц и в целом служебных слов (category LIWC — funct), возможно, говорит о стремлении клиентов к лаконичности и четкости высказываний. Такого рода особенности речи характерны для деловой беседы и, вероятно, говорят о том, что онлайн-консультация воспринимается клиентами как менее доверительная по сравнению с очной и частной беседой.

Вторая характеристика онлайн-дискурса клиентов определяется увеличением местоимений, особенно личных местоимений, выступающих в качестве подлежащих. По сути, это “Я-высказывания клиентов”. При этом значимое увеличение синтаксической связи “parataxis” говорит о предпочтении коротких фраз и/или особом способе построения сложных предложений без формальных средств связи (союзы, относительные местоимения и др.). Вполне вероятно, что такого рода высказывания связаны с определенными проблемами коммуникации при онлайн-консультациях. В такой

ситуации клиенты испытывают затруднения при выборе слов и заменяют их соответствующими местоимениями, кроме того, местоимение может предшествовать найденному слову, заполняя собой поисковую паузу.

Третья характеристика изменений дискурса при переходе консультирования в онлайн-режим определяется значимым снижением количества знаков пунктуации. При этом снижается и количество синтаксических связей “аррос”, служащих для уточнения, конкретизации и/или пояснения существительного в предложении. Оппозицией данной тенденции является увеличение слов из категории LIWC “Inclusive”, служащих для “включения и соединения” слов в предложении. Описанные тенденции скорее всего говорят о снижении четкого представления о структуре того предмета, которое описывает клиент на онлайн-консультации. Происходит снижение внутреннего видения структуры описываемого — элементов, фрагментов, деталей, встроенности предмета в другие, более объемные структуры. По сути, речь клиента превращается в плохо структурированный “поток сознания”, мало дифференцированный, спонтанно направленный и имманентно не ограниченный. Эта характеристика онлайн-дискурса клиентов была условно названа “*Снижением ясности излагаемого*”.

Для четвертого направления изменения дискурса клиентов в онлайн-режиме характерно увеличение местоимений 3-го лица и, соответственно, количества слов из слов категории LIWC “Shehe”. При этом снижается количество глаголов (category LIWC — “Commonverbs”) и местоимений 3-го лица (category LIWC — “they”). Возможно, изменение этих показателей обусловлено большими, чем при очной консультации, затруднениями при ответе на распросы терапевта о проблеме, которая привела к психологу, и той ситуации, в которой оказался клиент. Эти затруднения препятствуют обычному подбору адекватных слов для выражения своих мыслей, и клиенты заменяют их местоимениями. Также в условиях онлайн-консультации клиенты с большей охотой рассказывают о своих проблемах от 3-го лица либо делают это на примерах других. Условно данное направление изменений дискурса клиентов в онлайн-режиме было названо “*О себе в третьем лице*”.

Пятая характеристика изменения психотерапевтического онлайн-дискурса связана с “*редуцированными формами речи*”. Она образована тремя показателями: числом слов в предложении, числом клауз и относительным количеством уникальных слов. При этом количество слов и клауз значимо меньше, а количество уникальных слов — выше.

Уменьшение количества слов и клауз характерно для состояния эмоционального напряжения; при этом увеличивается количество и длительность пауз, появляются поисковые слова и семантически нерелевантные повторения. В состоянии эмоционального напряжения появляются редуцированные формы речи, спонтанные речевые проявления, возрастает количество привычных речений, “слов-паразитов” и клише. Собственно этим и обусловлено увеличение количества уникальных слов. Возможно, описанные эффекты могут быть обусловлены более медленным установлением контакта и повышенным эмоциональным напряжением, характерным для онлайн-консультаций.

Дискурс как форма целенаправленного, несоотнесенного с партнером и обстановкой вербального поведения [11] одновременно обращен и к ситуации (социокультурный контекст задает правила ведения разговора и соответствующие формы выражения), и к человеку (собеседники взаимодействуют друг с другом, оказывают влияние, выражают свои мнения, интенции, представления об окружающем мире). Качественный анализ данных интервью на предварительном этапе исследования позволил описать ситуацию онлайн-консультирования, опосредованную средствами онлайн-коммуникации, как более сложную и эмоционально напряженную, выступающую стрессором как для психотерапевтов, так и клиентов. Ситуация онлайн-консультирования требует проявления определенной активности — совладания с изменившимися условиями. Изменения в психотерапевтическом дискурсе исходя из такого понимания представляют собой речевые способы совладания с ситуацией. И для психотерапевтов, и для клиентов ситуация онлайн-консультирования выступает как более формализованная и “официальная”. Такая обстановка консультации требует изменения дискурса у терапевтов в направлении “распространенность и корректность высказывания”, а у клиентов приводит к проявлению другой композитной характеристике изменения дискурса — “повышению повествовательности и связности высказываний”. Опосредованность ситуации онлайн-консультации предполагает более высокий социальный контроль неопределенного генеза, что повышает напряженность и неопределенность ситуации, особенно на начальном этапе консультирования. При этом клиенты испытывают своеобразное смятение и в их дискурсе появляются “редуцированные формы речи”, они говорят: “О себе в третьем лице”, у них происходит “Снижение ясности излагаемого”. “Я-высказывания” клиентов становятся весьма специфичными и скорее говорят о затруднениях в коммуникации, трудностях в подборе

слов и замене их на личные местоимения. Психотерапевты при проведении консультации онлайн также ощущают в начале работы большую формализованность и опосредованность ситуации. Вероятно, психотерапевты воспринимают сложившуюся ситуацию как более неопределенную и соответствующим образом изменяют свое вербальное поведение — об этом свидетельствуют три из шести композитных характеристик изменения дискурса: конкретизация обстоятельств, внимание к деталям хронологии событий, уточнение описания. Более высокая эмоциональная напряженность и неопределенность ситуации онлайн-консультирования (по сравнению с обычной) препятствуют психотерапевтическому альянсу, и для стабилизации ситуации психотерапевты повышают “тональность высказываний”, исключая по возможности негативно окрашенную лексику.

ВЫВОДЫ

Онлайн-консультирование в настоящее время стало обыденной и скорее предпочитаемой процедурой по сравнению с традиционной очной консультацией. По результатам нескольких метаанализов онлайн-консультирование так же эффективно, как и очное консультирование. Онлайн-консультирование расширяет доступность психотерапевтических услуг, позволяет снизить транспортные и временные затраты, обеспечивает большую анонимность. При этом в рамках нашего исследования установлено, что опосредование процесса психотерапии психодинамического направления гаджетами и сетевыми средствами коммуникации приводит к увеличению продолжительности и сложности установления терапевтического альянса. В условиях онлайн-консультации сложнее выдерживать сеттинг. Веб-консультированию в меньшей степени сопутствует особая атмосфера “кабинета психотерапевта”, располагающая к доверительному общению, и всегда существует риск “несанкционированного вторжения”. Все это несколько повышает напряженность и неопределенность процесса онлайн-консультирования. Изменение ситуации взаимодействия между психотерапевтом и клиентом приводит к закономерному изменению психотерапевтического дискурса. Проведенный реляционно-ситуационный анализ 100 текстов консультаций, проведенных очно и онлайн, показал, что психотерапевтический дискурс в условиях дистанционного консультирования модифицируется разнонаправленно в речи психотерапевтов и клиентов. Для речи психотерапевтов в условиях проведения онлайн-

консультаций характерны повышенная тональность высказываний, их большая распространенность и корректность, конкретизация обстоятельств, внимание к деталям хронологии событий, частое уточнение даваемых клиентом описаний. В речи психотерапевтов на онлайн-консультациях в большей степени присутствуют “Я-высказывания”. Выявленные изменения в дискурсе, скорее всего, выступают речевыми компонентами стихийной копинг-стратегии, способами преодоления более напряженной и неопределенной ситуации онлайн-консультирования. Модификация психотерапевтического дискурса в условиях онлайн-консультаций в речи клиентов происходит в двух направлениях. С одной стороны, онлайн-консультация воспринимается клиентами как менее доверительная по сравнению с очной и приватной беседой, и поэтому повышается повествовательность и связность высказываний. С другой стороны, напряженность и неопределенность приводят к затруднениям при подборе слов, к редуцированным формам речи, снижению ясности излагаемого, появлению высказываний о себе в 3-м лице.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахмерова Л.Р.* Способы вербализации душевного состояния в психотерапевтическом дискурсе // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 6. С. 180–187.
2. *Бусыгина Н.П.* Современные подходы к анализу дискурса, разговора и повествования, и их значение для исследований в области психотерапии // Психология в вузе. 2014. № 4. С. 43–59.
3. *Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Смирнов И.В., Станкевич М.А., Чудова Н.В.* Создание инструмента автоматического анализа текста в интересах социогуманитарных исследований. Часть 1. Методические и методологические аспекты // Искусственный интеллект и принятие решений. 2019. № 2. С. 28–38.
4. *Калина Н.Ф.* Анализ дискурса в психотерапии // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. № 3.
5. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. 1-е изд. М.: Наука, 1987. 264 с.
6. *Касавин И.Т.* Дискурс-анализ и его применение в психологии // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 97–119.
7. *Квале С.* Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.
8. *Кириллова Е.И., Орлов А.Б.* Интент-анализ психотерапевтической речи К. Роджерса (случай Герберта,

- Глории и Джен) // Консультативная психология и психотерапия. 2010. Т. 18. № 4. С. 134–165.
9. *Короткова В.О.* Положительные и отрицательные стороны дистанционного психологического консультирования // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 1. Пенза: МЦНС “Наука и Просвещение”. 2018. С. 185–187.
 10. *Осипов Г.С., Смирнов И.В., Тихомиров И.А.* Реляционно-ситуационный метод поиска и анализа текстов и его приложения // Искусственный интеллект и принятие решений. 2008. № 2. С. 3–10.
 11. *Павлова Н.Д.* Коммуникативная парадигма в психологии речи и психолингвистике // Психологические исследования дискурса. М.: Персэ, 2002. С. 8–43.
 12. *Смирнов И.В., Шелманов А.О., Кузнецова Е.С., Храмовин И.В.* Семантико-синтаксический анализ естественных языков. Часть II. Метод семантико-синтаксического анализа текстов // Искусственный интеллект и принятие решений. 2014. № 1. С. 11–24.
 13. *Стернин И.А.* Основы речевого воздействия. Воронеж: Истоки, 2012. 178 с.
 14. *Сумина Н.В.* Семантические и прагматические характеристики психотерапевтического дискурса: Дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2016.
 15. *Фоминичев А.В.* Психотерапевтический дискурс: исследование особенностей речевого взаимодействия гештальт-терапевта // Северо-Кавказский психологический вестник. 2012. Т. 10. № 3. С. 53–56.
 16. *Alleman J.R.* Online counseling: The Internet and mental health treatment // *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*. 2002. V. 39. № 2. P. 199–209.
 17. *Barak A.* Psychological applications on the Internet: A discipline on the threshold of a new millennium // *Applied and Preventive Psychology*. 1999. V. 8. № 4. P. 231–245.
 18. *Barak A., Hen L., Boniel-Nissim M., Shapira, N.* A comprehensive review and a meta-analysis of the effectiveness of internet-based psychotherapeutic interventions // *Journal of Technology in Human Services*. 2008. V. 26. № 2–4. P. 109–160.
 19. *Carlbring P. et al.* Treatment of social phobia: randomised trial of internet-delivered cognitive-behavioural therapy with telephone support // *The British Journal of Psychiatry*. 2007. V. 190. № 2. P. 123–128.
 20. *Dowling M., Rickwood D.* Online counseling and therapy for mental health problems: A systematic review of individual synchronous interventions using chat // *Journal of Technology in Human Services*. 2013. V. 31. № 1. P. 1–21.
 21. *Giorgi A., Giorgi B.* Phenomenological psychology // *The SAGE Handbook of Qualitative Research in Psychology* / Eds. C. Wilig, W. Stainton-Rogers. L.: Sage Publications Ltd, 2008. P. 165–178.
 22. *Griffiths M.* Online therapy for addictive behaviors // *Cyberpsychology & Behavior*. 2005. V. 8. № 6. P. 555–561.
 23. *Hanley T.* Developing youth-friendly online counseling services in the UK: A small scale investigation into the views of practitioners // *Counselling & Psychotherapy Research*. 2006. V. 6. № 3. P. 116–119.
 24. *Holmes C., Foster V.* A preliminary comparison study of online and face-to-face counseling: Client perceptions of three factors // *Journal of Technology in Human Services*. 2012. V. 30. № 1. P. 14–31.
 25. *Hopps S.L., Pépin M., Boisvert J.M.* The effectiveness of cognitive-behavioral group therapy for loneliness via inter relaychat among people with physical disabilities // *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*. 2003. V. 40. № 1–2. P. 136–147.
 26. *Humer E. et al.* Psychotherapy via the Internet: What programs do psychotherapists use, how well-informed do they feel, and what are their wishes for continuous education? // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. V. 17. № 21.
 27. *King R. et al.* Online counselling: The motives and experiences of young people who choose the Internet instead of face to face or telephone counselling // *Counselling and Psychotherapy Research*. 2006. V. 6. № 3. P. 169–174.
 28. *Kraus R., Stricker G., Speyer C.* Online counseling: A handbook for mental health professionals. L.: Academic Press, 2010.
 29. *Manhal-Baugus M.* E-therapy: Practical, ethical, and legal issues // *CyberPsychology & Behavior*. 2001. V. 4. № 5. P. 551–563.
 30. *Mohr D.C. et al.* The effect of telephone-administered psychotherapy on symptoms of depression and attrition: A meta-analysis // *Clinical Psychology: Science and Practice*. 2008. V. 15. № 3. P. 243–253.
 31. *Richards D., Richardson T.* Computer-based psychological treatments for depression: a systematic review and meta-analysis // *Clinical Psychology Review*. 2012. V. 32. № 4. P. 329–342.
 32. *Richards D., Viganò N.* Online Counseling Source // *Encyclopedia of Cyber Behavior* / Ed. Z. Yan. Hershey, PA: IGI Global, 2012. P. 699–713.
 33. *Satalkar P., Shrivastava S., Desousa A.* Internet-mediated psychotherapy: Are we ready for the ethical challenges? // *Indian Journal of Medical Ethics*. 2015. V. 12. № 4. P. 220–227.
 34. *Skinner A., Latchford G.* Attitudes to counselling via the Internet: A comparison between in-person counselling clients and Internet support group users // *Counselling and Psychotherapy Research*. 2006. V. 6. № 3. P. 158–163.
 35. *Stoll J., Müller J.A., Trachsel M.* Ethical issues in online psychotherapy: A narrative review // *Frontiers in Psychiatry*. 2020. V. 10. P. 993.

36. *Stommel W., Van der Houwen F.* Complaining and the management of face in online counseling // *Qualitative Health Research*. 2014. V. 24. № 2. P. 183–193.
37. *Strecher V.J., Shiffman S., West R.* Randomized controlled trial of a web-based computer-tailored smoking cessation program as a supplement to nicotine patch therapy // *Addiction*. 2005. V. 100. № 5. P. 682–688.
38. *Ström L., Pettersson R., Andersson G.* Internet-based treatment for insomnia: a controlled evaluation // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2004. V. 72. № 1. P. 113–121.
39. *Wagner B., Horn A.B., Maercker A.* Internet-based versus face-to-face cognitive-behavioral intervention for depression: a randomized controlled non-inferiority trial // *Journal of Affective Disorders*. 2014. V. 152. P. 113–121.
40. *Young K.S.* An empirical examination of client attitudes towards online counseling // *CyberPsychology & Behavior*. 2005. V. 8. № 2. P. 172–177.
41. *Zainudin Z.N., Yusop Y.M.* Cyber-counseling: Is it really new // *International Research Journal of Education and Sciences*. 2018. V. 2. № 2. P. 19–24.

MODIFICATION OF PSYCHOTHERAPEUTIC DISCOURSE IN THE CONDITIONS OF ONLINE CONSULTING

A.N. Voronin^{1,*}, O. V. Chvilyova^{1,**}, I. V. Smirnov^{2,***}, M. A. Stankevich^{2,****}

¹*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

²*Federal Research Center “Computer Science and Management” of Russian Academy of Sciences;
119333, Moscow, Vavilova str., 44, bldn. 2, Russia.*

^{*}*Dr. Sci. (Psychology), Prof., Chief Researcher.*

E-mail: voroninan@bk.ru

^{**}*Postgraduate.*

E-mail: chov700@yandex.ru

^{***}*Cand. Sci. (Phys.-Math.), Assoc. Prof., Departmental Head.*

E-mail: ivs@isa.ru

^{****}*Research Engineer.*

E-mail: stankevich@isa.ru

Received 12.08.2022.

Abstract. Remote counseling has become widespread in recent years among broad online communication and is associated with conflicts due to the COVID-19 pandemic. However, language characteristics and features of speech experience during online consultations were not participants in group studies. This work is dedicated to the Royal version of psychotherapeutic discourse in the collection of remote technologies. To achieve the goals set for preliminary research, using the analysis of public interview data, it was revealed that online counseling is indirectly perceived indirectly as an impact and tense, sensitive as a stressor, and changes in discourse are affected as spontaneous coping strategies: different for a psychotherapist. and client verbal and behavioral coping matters. The main research was devoted to the analysis of semantic-syntactic statistics of statements using the method of relational-situational analysis (RSA). During the study, 4 texts of 50 texts in a corpus were collected: replicas of psychotherapists and clients during face-to-face and online counseling. Comparison of therapists' replies, face-to-face and online, showed that there were significant differences in 49 identified features of RSA. When checking customers — 52 indicators. In order to generalize the income increase method, a factorial comparison of the data pooling structure [the pooled data method] was carried out. The resulting factor solutions were interpreted as combined characteristics of psychotherapeutic discourse. For the statements of psychotherapists, 6 such characteristics were identified, for clients — 5. The given changes in the psychotherapeutic discourse are the speech components of a spontaneous coping strategy to overcome the more acute and uncertain online consultation, and its consequences.

Keywords: discourse, online consulting, free interview, semantic-syntactic structure of the text, relational-situational analysis.

REFERENCES

1. *Ahmerova L.R.* Sposoby verbalizacii dushevnoho sostojanija v psihoterapevticheskom diskurse. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki. 2010. V. 152. № 6. P. 180–187. (In Russian)
2. *Busygina N.P.* Sovremennye podhody k analizu diskursa, razgovora i povestvovanija, i ih znachenie dlja issledovanij v oblasti psihoterapii. Psihologija v vuze. 2014. № 4. P. 43–59. (In Russian)
3. *Enikolopov S.N., Kuznecova Ju.M., Smirnov I.V., Stankevich M.A., Chudova N.V.* Sozdanie instrumenta avtomaticheskogo analiza teksta v interesah socio-gumanitarnyh issledovanij. Chast' 1. Metodicheskie i metodologicheskie aspekty. Iskusstvennyj intellekt i prinjatje reshenij. 2019. № 2. P. 28–38. (In Russian)
4. *Kalina N.F.* Analiz diskursa v psihoterapii. Zhurnal prakticheskoj psihologii i psihoanaliza. 2002. № 3. (In Russian)
5. *Karaulov Ju.N.* Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. 1-e izd. Moscow: Nauka, 1987. 264 p. (In Russian)
6. *Kasavin I.T.* Diskurs-analiz i ego primenenie v psihologii. Voprosy psihologii. 2007. № 6. P. 97–119. (In Russian)
7. *Kvale S.* Issledovatel'skoe interv'ju. Moscow: Smysl, 2003. 301 p. (In Russian)
8. *Kirillova E.I., Orlov A.B.* Intent-analiz psihoterapevticheskoj rechi K. Rodzhersa (sluchai Gerberta, Glorii i Dzhena). Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija. 2010. V. 18. № 4. P. 134–165. (In Russian)
9. *Korotkova V.O.* Polozhitel'nye i otricatel'nye storony distancionnogo psihologicheskogo konsul'tirovanija. Sovremennye nauchnye issledovanija: aktual'nye voprosy, dostizhenija i innovacii: Sbornik statej IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2 ch. Ch. 1. Penza: MCNS "Nauka i Prosveshhenie". 2018. P. 185–187. (In Russian)
10. *Osipov G.S., Smirnov I.V., Tihomirov I.A.* Reljacionno-situacionnyj metod poiska i analiza tekstov i ego prilozhenija. Iskusstvennyj intellekt i prinjatje reshenij. 2008. № 2. P. 3–10. (In Russian)
11. *Pavlova N.D.* Kommunikativnaja paradigma v psihologii rechi i psiholingvistike. Psihologicheskie issledovanija diskursa. Moscow: Persje, 2002. P. 8–43. (In Russian)
12. *Smirnov I.V., Shelmanov A.O., Kuznecova E.S., Hramoin I.V.* Semantiko-sintaksicheskij analiz estestvennyh jazykov. Chast' II. Metod semantiko-sintaksicheskogo analiza tekstov. Iskusstvennyj intellekt i prinjatje reshenij. 2014. № 1. P. 11–24. (In Russian)
13. *Sternin I.A.* Osnovy rechevogo vozdejstvija. Voronezh: Istoki, 2012. 178 p. (In Russian)
14. *Sumina N.V.* Semanticheskie i pragmaticheskie harakteristiki psihoterapevticheskogo diskursa: Dis. ... kand. filol. nauk. Nal'chik, 2016. (In Russian)
15. *Fominichev A.V.* Psihoterapevticheskij diskurs: issledovanie osobennostej rechevogo vzaimodejstvija geshtal't-terapevta. Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik. 2012. V. 10. № 3. P. 53–56. (In Russian)
16. *Alleman J.R.* Online counseling: The Internet and mental health treatment. Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training. 2002. V. 39. № 2. P. 199–209.
17. *Barak A.* Psychological applications on the Internet: A discipline on the threshold of a new millennium. Applied and Preventive Psychology. 1999. V. 8. № 4. P. 231–245.
18. *Barak A., Hen L., Boniel-Nissim M., Shapira N.* A comprehensive review and a meta-analysis of the effectiveness of internet-based psychotherapeutic interventions. Journal of Technology in Human Services. 2008. V. 26. № 2–4. P. 109–160.
19. *Carlbring P. et al.* Treatment of social phobia: randomised trial of internet-delivered cognitive-behavioural therapy with telephone support. The British Journal of Psychiatry. 2007. V. 190. № 2. P. 123–128.
20. *Dowling M., Rickwood D.* Online counseling and therapy for mental health problems: A systematic review of individual synchronous interventions using chat. Journal of Technology in Human Services. 2013. V. 31. № 1. P. 1–21.
21. *Giorgi A., Giorgi V.* Phenomenological psychology. The SAGE Handbook of Qualitative Research in Psychology. Eds. C. Wilig, W. Stainton-Rogers. London: Sage Publications Ltd, 2008. P. 165–178.
22. *Griffiths M.* Online therapy for addictive behaviors. Cyberpsychology & Behavior. 2005. V. 8. № 6. P. 555–561.
23. *Hanley T.* Developing youth-friendly online counseling services in the UK: A small scale investigation into the views of practitioners. Counselling & Psychotherapy Research. 2006. V. 6. № 3. P. 116–119.
24. *Holmes C., Foster V.* A preliminary comparison study of online and face-to-face counseling: Client perceptions of three factors. Journal of Technology in Human Services. 2012. V. 30. № 1. P. 14–31.
25. *Hopps S.L., Pépin M., Boisvert J.M.* The effectiveness of cognitive-behavioral group therapy for loneliness via inter relaychat among people with physical disabilities. Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training. 2003. V. 40. № 1–2. P. 136–147.
26. *Humer E. et al.* Psychotherapy via the Internet: What programs do psychotherapists use, how well-informed do they feel, and what are their wishes for continuous education? International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. V. 17. № 21.
27. *King R. et al.* Online counselling: The motives and experiences of young people who choose the Internet instead of face to face or telephone counselling. Counselling and Psychotherapy Research. 2006. V. 6. № 3. P. 169–174.

28. *Kraus R., Stricker G., Speyer C.* Online counseling: A handbook for mental health professionals. London: Academic Press, 2010.
29. *Manhal-Baugus M.* E-therapy: Practical, ethical, and legal issues. *CyberPsychology & Behavior*. 2001. V. 4. № 5. P. 551–563.
30. *Mohr D.C. et al.* The effect of telephone-administered psychotherapy on symptoms of depression and attrition: A meta-analysis. *Clinical Psychology: Science and Practice*. 2008. V. 15. № 3. P. 243–253.
31. *Richards D., Richardson T.* Computer-based psychological treatments for depression: a systematic review and meta-analysis. *Clinical Psychology Review*. 2012. V. 32. № 4. P. 329–342.
32. *Richards D., Viganò N.* Online Counseling Source. *Encyclopedia of Cyber Behavior*. Ed. Z. Yan. Hershey: IGI Global, 2012. P. 699–713.
33. *Satalkar P., Shrivastava S., Desousa A.* Internet-mediated psychotherapy: Are we ready for the ethical challenges? *Indian journal of medical ethics*. 2015. V. 12. № 4. P. 220–227.
34. *Skinner A., Latchford G.* Attitudes to counselling via the Internet: A comparison between in-person counselling clients and Internet support group users. *Counselling and Psychotherapy Research*. 2006. V. 6. № 3. P. 158–163.
35. *Stoll J., Müller J.A., Trachsel M.* Ethical issues in online psychotherapy: A narrative review. *Frontiers in Psychiatry*. 2020. V. 10. P. 993.
36. *Stommel W., Van der Houwen F.* Complaining and the management of face in online counseling. *Qualitative Health Research*. 2014. V. 24. № 2. P. 183–193.
37. *Strecher V.J., Shiffman S., West R.* Randomized controlled trial of a web-based computer-tailored smoking cessation program as a supplement to nicotine patch therapy. *Addiction*. 2005. V. 100. № 5. P. 682–688.
38. *Ström L., Pettersson R., Andersson G.* Internet-based treatment for insomnia: a controlled evaluation. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2004. V. 72. № 1. P. 113–121.
39. *Wagner B., Horn A.B., Maercker A.* Internet-based versus face-to-face cognitive-behavioral intervention for depression: a randomized controlled non-inferiority trial. *Journal of Affective Disorders*. 2014. V. 152. P. 113–121.
40. *Young K.S.* An empirical examination of client attitudes towards online counseling. *CyberPsychology & Behavior*. 2005. V. 8. № 2. P. 172–177.
41. *Zainudin Z.N., Yusop Y.M.* Cyber-counseling: Is it really new. *International Research Journal of Education and Sciences*. 2018. V. 2. № 2. P. 19–24.

УДК 159.9:316.35

ИССЛЕДОВАНИЕ СПОСОБНОСТЕЙ РУКОВОДИТЕЛЯ НАУЧНОГО КОЛЛЕКТИВА В ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ¹

© 2022 г. О. А. Артемьева

ФГБОУ ВО “Иркутский государственный университет”;
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1, Россия.

Доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии.

E-mail: oartemeva@yandex.ru

Поступила 21.09.2021

Аннотация. По результатам анализа работ, выполненных в рамках социальной психологии науки, делается вывод о недостаточной разработанности проблемы способностей руководителей научных коллективов. Обосновываются возможности, представляются и обсуждаются результаты историко-психологического контент-аналитического исследования свидетельств о личности и научном творчестве ведущих организаторов советской психологической науки. На материале воспоминаний учеников и коллег Г.И. Челпанова, В.М. Бехтерева, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и Б.Г. Ананьева выделены виды способностей руководителя научного коллектива. Предложена модель, включающая пять видов способностей, составляющих два блока, связанные, во-первых, с порождением нового научного знания (умственные и творческие способности), а во-вторых, с организацией социально-ценной деятельности научного коллектива (педагогические, организаторские и морально-этические способности). Получены данные, свидетельствующие в пользу ведущего значения творческих способностей руководителей советских психологов для реализации ими исследовательского и организационного блоков ролевого поведения в научном коллективе. Выявлено, что значительное внимание в свидетельствах учеников и коллег уделяется педагогическим и морально-этическим способностям ведущих организаторов отечественной психологической науки. Советские психологи обретали в своих научных руководителях нравственный идеал, вдохновлявший, направлявший и объединявший их на основе ценностей социальной и личной ответственности ученого перед коллективом.

Ключевые слова: социальная психология науки, история психологии, способности научного руководителя, советская психология, история советской психологии, научный коллектив.

DOI: 10.31857/S020595920023646-6

В условиях большой науки, вызовов новой технологической революции и академической мобильности молодых ученых личность и организаторские способности руководителей научных коллективов являются одним из ресурсов укрепления кадрового потенциала и обеспечения эффективной организации научной деятельности в стране. Эта проблема имеет в первую очередь социально-психологический характер и входит в предметную область прежде всего социальной психологии науки.

Вместе с тем изучение способностей руководителей научных коллективов является одной из наименее разработанных областей психологического исследования науки. В работах М.Г. Ярошевского

и его учеников, в частности В.П. Карцева, Г.Ю. Мошковой, А.В. Юревича, отмечается значение руководителя для обеспечения эффективности коллективной научной деятельности, его участия в создании и выборе исследовательской программы для научной группы; важность общения членов коллектива с научным руководителем, его творческий, мотивационный и педагогический потенциал; значение общения типа “учитель–ученик” [1; 14; 30].

В ходе опросов, проведенных среди ученых в поздний советский период, выявлены качества лидера высокопродуктивной научной группы. Среди них широкий кругозор, “большая эрудиция”, научный авторитет, “способность к генерированию идей”, “ценных знаний и навыков”, умение “адекватно представлять своеобразие психического

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00675.

склада руководимых ими людей” [14, с. 63–64]. В 1980-х годах только 10% ученых говорили о значении эмоциональных и моральных качеств руководителя, таких как уравновешенность, тактичность, “умение понимать подчиненных” [3, с. 114]. Уже в постсоветские годы среди ожиданий в отношении руководителей науки стали отмечать их умение получать коллективные гранты и не вмешиваться в личные дела сотрудников, позволять зарабатывать “на стороне” [30].

В зарубежных работах по социальной психологии науки проблема способностей научных руководителей также остается мало разработанной. В известной и наиболее цитируемой коллективной монографии американских ученых “Социальная психология науки” под редакцией У. Шедиша (William R. Shadish) и С. Фуллера (Steve Fuller) обсуждаются данные преимущественно экспериментальных исследований. В центре внимания находятся проблемы социальной перцепции, атрибуции, социальных установок и их изменения, социальной мотивации, социального влияния, конформизма, межгрупповых отношений в науке. Несмотря на участие в подготовке монографии 17 авторов из разных исследовательских центров, ее редакторам приходится констатировать, что за рамками рассмотрения остался ряд социально-психологических проблем науки, в частности альтруизма, использования языка, власти, массовой коммуникации, девиаций, а также проблема лидерства [36, с. 19], а следовательно, и проблема способностей научного руководителя.

В целом современные работы по социальной психологии науки отличаются вниманием, уделяемым личности ученого, ее качествам, когнитивным процессам взаимодействия и самоорганизации [33; 34]. В этом контексте в обобщающих работах известного социального психолога науки Г. Фейста (Gregory J. Feist) учителя и научные руководители представляются им прежде всего как социальные и групповые “силы”, снижающие порог научного интереса и таланта ученых, необходимого для эффективной научной деятельности [35].

Таким образом, в рамках социально-психологических исследований научного творчества в основном изучаются личность и способности отдельного ученого. При этом способности научного руководителя обычно остаются за рамками эмпирического и экспериментального изучения.

Между тем уникальные историко-психологические материалы, в которых представлены факты, характеризующие особенности личности и деятельности выдающихся ученых, в том числе

организаторов науки, открывают возможности исследования способностей руководителей ведущих научных коллективов. Одна из первых попыток такого рода исследований в ходе психологического анализа профессии, “рассмотрения профессиональной деятельности ученого” [26, с. 126] принята К.А. Рамулем. Автором выделены некоторые способности и качества личности ученого, важные для осуществления им научно-исследовательской деятельности. Среди них отдельные черты личности, такие как энтузиазм, прилежание, дисциплинированность, способность к критике и самокритике, а также “спонтанная любознательность” [26, с. 126], способность проводить длительное время занимаясь решением одной проблемы, сравнительно высокая степень научной одаренности, “беспристрастие” к предмету исследования. Кроме того, называется “умение ладить” или “способность ужиться с другими людьми” [26, с. 130], которую можно назвать способностью к сотрудничеству, важной для ученых, занятых руководящей и педагогической работой.

Сейчас, спустя полтора века развития экспериментальной психологии, исследователю доступен обширный материал о личности и деятельности выдающихся психологов, в том числе организаторов науки. В распоряжении историков находится значительный объем юбилейных статей и некрологов, посвященных организаторам психологической науки. Преимуществом таких описаний является изображение ученого через характеристики, проявившиеся в научной деятельности.

О важности обращения к реальному опыту научного творчества “в естественной среде” пишут современные психологи-исследователи [1, с. 168]. Предметный анализ способностей ученого, отмеченных свидетелями на страницах документов прошлого, позволяет, насколько возможно, приблизиться к выделению способностей, важных для осуществления и организации научной деятельности. Более того, можно ожидать, что в публикациях учеников-психологов, обладающих в силу профессии развитыми навыками социальной перцепции, содержатся более обширные сведения о личности и конкретно способностях их научных руководителей. При этом, несмотря на имеющийся объем, доступность и уникальные возможности анализа таких источников, систематизация представленных в них данных о способностях руководителей научных коллективов до сих пор не становилась целью самостоятельного научного исследования.

МЕТОД И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Представленные рассуждения определили логику проведенного исследования. Его теоретико-методологическую основу составили: программно-ролевой подход к анализу научной деятельности М.Г. Ярошевского; источниковедческий подход в истории психологии, представления о многоуровневой системе опосредствования психологического познания В.А. Кольцовой; теория коллектива А.В. Петровского; уровневая субъектная концепция социально-психологической детерминации развития психологии О.А. Артемьевой.

С целью выделения способностей руководителей ведущих научных коллективов проведен контент-анализ историко-психологических документов личного и общественного характера. Для реализации принципов полноты, комплексности и репрезентативности в источниковую базу исследования включено 46 источников: письменные документы личного характера (автобиографии, воспоминания учеников, родственников и коллег; благодарности и приветствия по случаю юбилея; стенограммы интервью и мемориальных выступлений коллег); материалы, содержащие анализ научной деятельности и творческого пути ученых, подготовленные современниками (предисловия, вступительные статьи и послесловия к изданиям научных трудов и лекций; историко-психологические работы). Это позволило применить процедуру триангуляции разных видов качественных данных и тем самым повысить объективность полученных результатов.

В выборку вошли ведущие ученые — организаторы научных коллективов, представляющих основные центры развития советской психологической науки в первой половине XX в. В частности, организатор и директор Психоневрологического института и Института по изучению мозга В.М. Бехтерев; основатель и директор Психологического института при Московском университете Г.И. Челпанов; организатор и научный руководитель психологических лабораторий Экспериментального дефектологического института Л.С. Выготский; директор Института психологии АПН РСФСР, заведующий сектором философских проблем психологии Института философии АН СССР С.Л. Рубинштейн; заведующий секторами психологии Института мозга им. В.М. Бехтерева и Ленинградского НИИ педагогики Б.Г. Ананьев.

На основе представлений о блоках ролевого поведения членов научного коллектива [31] в качестве категорий контент-анализа были выделены способности, определяющие ролевое поведение

руководителя: во-первых, ответственные за реализацию исследовательского блока (категория А) и, во-вторых, обеспечивающие выполнение организаторского блока (категория В). По результатам пилотажного кодирования документов данные категории уточнены. Выделены подкатегории, использованные для кодирования всего массива документов: 1) умственные способности (подкатегория А1); 2) творческие способности (подкатегория А2); 3) организаторские способности (подкатегория В1); 4) педагогические способности (подкатегория В2). В ходе сравнительного анализа историко-психологических материалов о личности и научном творчестве ведущих организаторов психологической науки учитывались случаи выявления категорий и семантическое соответствие индикаторов категориям.

ВИДЫ СПОСОБНОСТЕЙ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ВЕДУЩИХ НАУЧНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ

Анализа документов позволил обнаружить упоминание всех выделенных категорий по отношению к каждому из ученых. Наиболее ожидаемым было упоминание об *умственных способностях* ведущих организаторов науки. Проанализированные материалы содержат указания на высокий уровень эрудиции научных руководителей, их способностей к анализу, синтезу, обобщению, абстрагированию и т.п. Так, например, при контент-анализе работ, посвященных научному творчеству В.М. Бехтерева, обнаружены свидетельства наличия у ученого “исключительной наблюдательности” [22, с. 66], “умения быстро ориентироваться в самых различных вопросах, схватывать самое существенное, делать широкие и ценные обобщения” [24, с. 49] и т.п.

О С.Л. Рубинштейне современники говорили как о “человеке, поднявшемся на почти недостижимую интеллектуальную высоту”, с “глубоким умом” [27, с. 325], “обширнейшей эрудицией” [27, с. 323], с “очевидным превосходством его интеллекта и эрудиции” [23, с. 310] и “удивительной внимательностью <...> к чужой мысли, к ее возможностям, к трудностям в ее исполнении” [4, с. 316].

Умственные способности руководителя являются залогом не только собственной продуктивной научной деятельности, но и возможности увлекать научным поиском молодых ученых. Научный руководитель определяет направление поиска для каждого из членов коллектива, консультирует при

выборе методологических основ и методов исследования, участвует в интерпретации результатов. Для того чтобы быть надежной опорой на всех этих этапах, он сам должен обладать необходимыми способностями и знаниями, нередко “дарить” свои идеи ученикам. Так, Д.Б. Эльконин вспоминал о “чрезвычайной идейной щедрости” (цит. по: [9, с. 163]) Л.С. Выготского, о его умении поддержать, выделить в мысли ученика ценное и вместе с тем обогатить собственными идеями. Т.А. Власова, Р.Е. Левина, Н.Г. Морозова и М.С. Певзнер соглашались в том, что их учитель “щедро делился” своими мыслями и идеями, “порой приписывая их самому исследователю, как бы дарил их” (цит. по: [9, с. 227–228]).

Схожим образом описывает Е.А. Будилова “тон размышления”, с которым С.Л. Рубинштейн обсуждал идеи своих учеников: “Выделяя мысль своего собеседника-ученика или из контекста прочитанной его работы, или из только что высказанного им соображения, Сергей Леонидович развивал ее, задавал вопросы — и постепенно мысль углублялась” [7, с. 413–414]. Наконец, “эта мысль возвращалась аспиранту, который узнавал и не узнавал ее — так она обогащалась. Ободренный успехом аспирант обретал уверенность, которая рождала порыв к творческой работе” [Там же, с. 414].

Специфика научной деятельности, не только как интеллектуальной, но и креативной, отражается в выделении *творческих способностей* ученых-руководителей, обуславливающих эффективность выработки новых, творческих решений научных задач. Например, В.П. Осипов вспоминал о В.М. Бехтерева как о человеке с “творческой инициативой” [22, с. 39], чей “пытливый ум заставил его искать новых путей в науке” [22, с. 15].

Д.Б. Эльконин отмечал умение Л.С. Выготского “найти за каждой мыслью что-то новое, здоровое, прогрессивное” [29, с. 216]. Т.А. Власова, Р.Е. Левина, Н.Г. Морозова, М.С. Певзнер также вспоминали, как “каждый новый факт рождал у него новые мысли” (цит. по: [9, с. 228]).

В своих воспоминаниях А.И. Розов говорил о С.Л. Рубинштейне как о человеке с “неисчерпанностью созидательного потенциала” [27, с. 330], книги которого “расковывают и стимулируют мысль, ориентируют на смелый подход в решении теоретических и методологических вопросов” [27, с. 324–325]. Таким образом, ученики и коллеги ведущих организаторов психологической науки выделяли их способности не только создавать новое знание, но и побуждать к этому других ученых.

Разумеется, выдающихся руководителей научных коллективов отличали выраженные *организаторские способности*. Например, говоря об исключительных организаторских способностях основателя первого психологического института в России Г.И. Челпанова, А.Н. Рыбников сравнивал его с “талантливым режиссером”, умеющим “великолепно дирижировать созданным им оркестром”, “подбирать людей, побудить их к работе, создать дружный коллектив” [28, с. 11].

Работа крупных исследовательских центров — научных институтов — предполагает привлечение сразу ряда коллективов, ученых с разными научными интересами. Поэтому, описывая деятельность ведущих организаторов ленинградской психологической науки В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева, знавшие их люди отмечали присущую им способность объединять членов различных коллективов. Так, В.Н. Мясичев писал, что “будучи выдающимся организатором, В.М. Бехтерев привлекал к себе широкий коллектив, на который он всегда опирался в своей работе” [21, с. 19]. В.П. Лисенкова говорила об умении Б.Г. Ананьева “организовывать деятельность не только тех научных коллективов, которыми он непосредственно руководил, но и деятельность коллективов других психологических учреждений Ленинграда, объединяя их в научный комплекс, решающий единую задачу <...> построения общей теории индивидуально-психологического развития человека” [15, с. 137]. Н.А. Логинова также подчеркивала, что “Борис Герасимович всегда становился центром научной жизни. Он вовлекал своих сотрудников, психологов города и студентов в единый поток исследований по общему плану” [16, с. 27]. В своих воспоминаниях о С.Л. Рубинштейне М.Г. Ярошевский отмечал его “талант лидера, способного консолидировать исследователей различных направлений” [32, с. 290] — на базе Педагогического института им. А.И. Герцена, московского Института психологии или сектора философских проблем психологии Института философии АН СССР.

За реализацию одного из важнейших аспектов деятельности научного руководителя отвечают *педагогические способности*. Они могут иметь ключевое значение при выборе профессии его студентами, слушателями. Например, М.Г. Ярошевский признавался, что у него “и мысли бы не возникло сколько-нибудь серьезно изучать” психологическую науку, “если бы не довелось прослушать небольшой спецкурс”, прочитанный С.Л. Рубинштейном [32, с. 280]. Также, например, известно, что А.А. Бодалев и Л.М. Веккер решили связать

свою судьбу с психологической наукой под влиянием публичных лекций Б.Г. Ананьева [16].

Педагогические способности проявляются как при проведении лекций и практических занятий, так и в ходе индивидуальных консультаций. Как блестящего лектора вспоминают Л.С. Выготского, привлекавшего “десятки имен и высказываний”, “поразительно легко” переключавшегося “между темами разных лекций и задаваемых вопросов, сохраняя высокий теоретический уровень” (цит. по: [9, с. 131]), “имея при себе не более чем клочок бумаги с заметками” [19, с. 40]. По замечанию Т.А. Власовой, “ораторские способности” ее учителя, “сдержанная, но полная творческих мыслей и логически отшлифованная речь способны были на многие часы приковывать внимание слушателей. Его лекции, доклады были праздником торжества науки <...> порой помещение института не позволяло вместить всех желающих” [8, с. 9]. По воспоминаниям современников, при чтении лекций В.М. Бехтеревым, например, в университете и окружной лечебнице Казани также “не хватало мест” (цит. по: [20, с. 16]).

Свободное владение материалом при проведении университетских лекций отмечали и ученики С.Л. Рубинштейна: “Он читал не по письменному тексту, но размышляя и импровизируя” [32, с. 281]. Немаловажной для преподавателя психологии в советском институте довоенного периода была “способность работать в разных интеллектуальных режимах” [32, с. 284], умение “ориентироваться на уровень подготовки слушателей”, в частности студенток первого курса с “благополучными анкетными данными” “из провинции”, “излагать материал хотя и несколько усложненный, но доступным им языком”, “доходчиво, с примерами из литературы”, “переходить с высоты философских обобщений к изложению, близкому к популярному” [32, с. 283].

Как о менее удачном лекторе свидетельствуют о Г.И. Челпанове. Один из его сотрудников Г.О. Гордон вспоминал о “банальности содержания” и недостаточном уровне “культуры”, проявившихся при чтении первой после переезда из Киева лекции профессора в Московском университете, “одобрительно” встреченной студентами, но вызвавшей “разочарование” у профессоров [11, с. 86]. Приехавший из Киева вместе со своим учителем, но позже отошедший от его позиций П.П. Блонский отмечал, что в своих лекциях Г.И. Челпанов “упрощал” мысли ученых, с которыми полемизировал, “читал он поверхностно, а в ряде случаев и тенденциозно” [5, с. 63]. А вот не изменивший учителю эмигрант В.В. Зеньковский вспоминал,

что в те же годы “Челпанов выделялся исключительным педагогическим талантом — в публичных лекциях, происходивших во всегда переполненном актовом зале Университета” [13, с. 244]. Однако если оценки лекций Г.И. Челпанова и разнятся, об организованных им при Киевском и Московском университетах семинариях все современники вспоминают как о выдающихся. Проводившиеся в их ходе обсуждения философских работ и освоение методов экспериментального психологического исследования вызывали интерес и мотивировали учащихся. Очевидно, именно благодаря их организации Г.И. Челпанов снискал среди учеников славу “педагогического и организаторского таланта” [10, с. 11].

Действительно обучение студентов и аспирантов — это не только лекции, но еще и личное общение, консультации, связанные со способностью наладить межличностное общение, направить и мотивировать молодого ученого. Поэтому, например, В.П. Осипов обращал внимание на “исключительную доступность” В.М. Бехтерева в отношениях с людьми и особенно со своими учениками [22, с. 18], а ведь их число измеряется тысячами. Е.А. Будилова отмечала способность С.Л. Рубинштейна похвалить так, “что его одобрение доставляло истинную радость и придавало силы для дальнейшей работы” [7, с. 413]. А Е.Ф. Рыбалко и А.А. Бодалев вспоминали об умениях Б.Г. Ананьева — научного руководителя “зажечь идею и предоставить полную самостоятельность, создать условия для полной самореализации сил” (цит. по: [17, с. 22]), сформировать “привычку искать или создавать незаезженный многократным употреблением методический инструментарий для изучения внутреннего мира человека” [6, с. 130–131].

И, конечно, руководитель научного коллектива как объединения ученых для выполнения социально значимой деятельности, определяющей характер их межличностных отношений, *должен быть воспитателем, нравственным авторитетом*. Таким был Л.С. Выготский, воспитывавший “своими мыслями, суждениями, своим отношением к науке, к жизни, к людям” (цит. по: [9, с. 226]). По воспоминаниям Н.Г. Морозовой, он создавал “вокруг себя необыкновенный моральный климат” (цит. по: [9, с. 172]). В итоге “люди, работавшие вместе, становились самыми близкими людьми, для которых каждый из этого коллектива готов был сделать все возможное, чтоб поддержать, прийти на помощь в работе и в жизни” [Там же]. О Г.И. Челпанове даже критиковавший его Г.О. Гордон писал, что “к ученикам своим Г.И. относился в высшей

степени внимательно: всячески им помогал, тянул, выдвигал — словом, был им верным другом” [11, с. 86].

Современники вспоминают о высоких моральных качествах организаторов советской психологической науки и образования. “Большое гражданское мужество” [32, с. 288], проявленное С.Л. Рубинштейном при организации работы Пединститута им. А.И. Герцена, проявилось в его заботе об учениках в блокадном Ленинграде в 1941–1942 гг. О его “человечности и благородстве”, «бескорыстном отношении к “чужому”, стороннему психологу» вспоминает В.С. Розов [27, с. 329]. Ю.И. Полянский называет Сергея Леонидовича “человеком большой души” [25, с. 295]. Следует отметить, что С.Л. Рубинштейн, как и В.М. Бехтерев, был депутатом Ленинградского (Петроградского) городского совета.

Общественная деятельность ученых — свидетельство их равнодушия и вовлеченности в решение практических, социально значимых задач сограждан. В.Н. Мясисhev видел в В.М. Бехтереve “ученого-общественника”, который “объединял в себе индивидуальные и общественные устремления, личное творчество с трудом на благо народа” [21, с. 20]. Н.А. Логинова также пишет о “больших организационных и общественных задатках”, которые “являются наиболее характерными особенностями деятельности Владимира Михайловича” [18, с. 71].

Жанр воспоминаний накладывает определенные ограничения на оценку способностей коллег и, тем более, учителей. Поэтому их основная ценность как материала проведенного исследования состояла в упоминании о конкретных способностях, а не их оценке. Вместе с тем обнаружение значительного объема данных позволило провести количественный этап контент-анализа и проследить тенденции в оценке способностей научных руководителей. Выявленные оценки способностей переводились в баллы. По 3 балла присваивалось, если все или большинство современников отмечали превосходную степень выраженности определенного вида способностей у ученого-руководителя; по 2 балла — когда о конкретном виде способностей без превосходной степени упоминали все авторы или же только некоторые, но в превосходной степени; по 1 баллу — если о наличии определенных способностей упоминали только некоторые, но не все современники, а также если обнаружены противоречивые оценки в степени выраженности способностей.

В результате из пяти организаторов ведущих научных коллективов наиболее высокие оценки всех

пяти видов способностей обнаружены в отношении В.М. Бехтерева (15 баллов), наименее — Г.И. Челпанова (8 баллов). При анализе негативных и низких оценок выдвинуты предположения о влиянии на них как личных пристрастий и опыта авторов, так и идеологического контекста развития науки. Так, например, оценки способностей Г.И. Челпанова советскими психологами и эмигрировавшими русскими философами разнятся, местами до противоположности друг другу. В целом же критика, преимущественно идеологическая, научных взглядов Г.И. Челпанова и отстранение от руководства созданным им институтом, очевидно, определяют наименее высокие оценки разных видов его способностей современниками.

МОДЕЛЬ СПОСОБНОСТЕЙ РУКОВОДИТЕЛЯ НАУЧНОГО КОЛЛЕКТИВА

Результаты проведенного историко-психологического анализа соотносятся с данными отечественных исследований, проведенных в русле социальной психологии коллектива. В работах А.Л. Журавлева, посвященных структуре личности руководителя трудового коллектива, выделены схожие подструктуры: “организаторских способностей”, “профессиональной компетентности”, которая в случае научной деятельности может быть сопоставлена с умственными и творческими способностями; “педагогических способностей” [12]. Четвертая подструктура — “морально-этических способностей” — соотносится с одним из аспектов выделенных нами “педагогических способностей”. Это качества научного руководителя как воспитателя, связанные с его способностью быть нравственным примером для членов коллектива.

Хотя современники ведущих организаторов психологии дословно не упоминают об этом виде способностей, представленные выше замечания об “общественных задатках” и “устремлениях”, “человечности и благородстве”, бескорыстии, умении создавать “необыкновенный моральный климат” руководителей научных коллективов дают основания для выделения не только собственно педагогических, воспитательных, но и *морально-этических способностей*. Данные способности приобретают особое значение в контексте изучения совместной деятельности ученых с позиций теории коллектива [2]. Нам представляется перспективным анализ коллективов советских психологов как организационно оформленных объединений ученых на основе общественно значимых ценностей научного познания. Руководитель при этом

выступает в качестве персонализированного носителя данных ценностей, ответственного за их реализацию в деятельности коллектива.

Таким образом, на основании результатов проведенного исследования можно предложить модель способностей руководителя научного коллектива. Модель включает в себя пять видов способностей, составляющих два блока, связанных: с 1) порождением нового научного знания (умственные и творческие способности); 2) организацией социально ценной деятельности научного коллектива (педагогические, организаторские и морально-этические способности).

Выделенные блоки способностей соотносятся с ролевым ансамблем или ролевой триадой, выделенной М.Г. Ярошевским. Согласно автору, эффективность деятельности научного коллектива зависит от наличия в нем членов, способных выполнять роли “генератора идей”, “эрудита” и “критика” [31]. При этом от “генератора идей” требуются прежде всего творческие способности, а от “эрудита” и “критика” — умственные. В случае ролевого дефицита в коллективе руководитель, владеющий всеми ролями, способен его компенсировать, выполняя недостающую исследовательскую роль [3]. Так в ролевом поведении руководителя реализуется не только организационный, но и исследовательский блок поведения и способностей.

Таким образом, можно предположить, что эффективное руководство научным коллективом зависит от осуществления руководителем не только организационного блока ролевого поведения, т.е. наличия у него организаторских и морально-этических способностей. Ученый-руководитель также обеспечивает реализацию исследовательского блока ролевого поведения, что требует от него обладания, во-первых, умственными способностями, позволяющими выполнять роли “эрудита” и “критика”, а во-вторых, творческими способностями, развитыми у “генератора идей”.

Особенности воспоминаний и мемуаров как видов документов и заведомая неполнота массива изучаемых документов с возможными свидетельствами о творчестве и личности ученого не позволяют обоснованно определить какой-то наиболее часто упоминаемый вид способностей.

Предположительно выделенные способности свойственны эффективным руководителям научных коллективов и в других областях знания, независимо от страны, культуры, пола и возраста руководителя. При этом, возможно, при изменении макро- и микросоциальных условий научной

деятельности будет меняться степень востребованности разных видов способностей.

В силу ограниченной выборки мы не можем уверенно экстраполировать полученные результаты на более широкую совокупность ученых; для этого необходимо увеличить ее объем. Вместе с тем проведенный контент-анализ позволяет выявить тенденции взаимосвязи выделяемых способностей руководителей. В оценках современников обнаружены значимые положительные взаимосвязи: 1) творческих способностей с педагогическими, морально-этическими и умственными (для всех $r = 0.87$, значимо при $p \leq 0.01$); 2) умственных способностей с морально-этическими ($r = 1$) и творческими ($r = 0.87$); 3) педагогических способностей с творческими ($r = 0.87$) и в меньшей степени — с умственными и морально-этическими (для обеих $r = 0.61$, незначимо при $p \leq 0.05$). Показатели взаимосвязи с организаторскими способностями незначимы, составляют от -0.41 (для морально-этических и умственных способностей) до 0.17 (для педагогических способностей).

Полученные данные свидетельствуют о ведущем значении творческих способностей руководителей научных коллективов, которые предположительно обуславливают успех в педагогической и исследовательской деятельности ученых, бывших также нравственным идеалом для молодых сотрудников. Не выявлено значимых показателей взаимосвязи организаторских с другими видами способностей. Возможно, это обусловлено особенностями тех задач, которые стояли перед организаторами психологической науки в первой половине XX в. Необходимость решения не только собственно научных, в том числе прикладных, но и идеологических задач строительства советской марксистской психологии подчас выдвигала в число ведущих организаторов этого процесса психологов с менее выдающимися творческими, умственными и морально-этическими способностями.

Примечателен пример Г.И. Челпанова, когда высокая оценка организаторских способностей современниками не всегда совпадает по степени и знаку с оценками других видов способностей ученого. Можно предположить, что основные достижения Г.И. Челпанова как организатора приходятся на дореволюционный, “царский” период, а большая часть имеющихся свидетельств учеников и коллег подготовлена в поздний период его научной деятельности и поэтому содержит оценку способностей организатора психологии с позиций их востребованности в новой советской России.

ВЫВОДЫ

Результаты контент-анализа историко-психологических документов позволяют выделить виды способностей ведущих организаторов науки, связанных с порождением нового научного знания и организацией социально ценной деятельности научного коллектива. Это умственные, творческие, педагогические, организаторские и морально-этические способности. Получены данные, свидетельствующие в пользу ведущего значения творческих способностей руководителей советских психологов для реализации ими не только исследовательского, но и организационного блоков ролевого поведения в научном коллективе.

Значительное внимание в свидетельствах учеников и коллег уделяется педагогическим и морально-этическим способностям ведущих организаторов отечественной психологической науки. В своих воспоминаниях отечественные психологи представляют научных руководителей как нравственный идеал, вдохновлявший, направлявший и объединявший на основе ценностей социальной и личной ответственности ученого перед руководителем и членами научного коллектива, перед наукой и народом.

В условиях советской научной политики руководителями ведущих научных коллективов становились ученые, способные сплотить исследователей вокруг научно-исследовательской программы, нацеленной на выполнение социального заказа молодого советского государства. Историческая роль В.М. Бехтерева, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и других организаторов отечественной психологии в значительной степени связана с их способностями, позволившими создать не только условия научной деятельности для своих коллективов, но и новую науку, встроенную в становившуюся общественную систему СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г.* Психология науки. М.: Флинта, 1998.
2. *Артемова О.А.* Научное сообщество как субъект научной деятельности // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 67–75.
3. *Белкин П.Г., Емельянов Н.Е., Иванов М.А.* Социальная психология научного коллектива. М.: Наука, 1987.
4. *Библер В.С.* Две встречи с С.Л. Рубинштейном // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989. С. 315–317.
5. *Блонский П.П.* Мои воспоминания. М.: Педагогика, 1971.
6. *Бодалев А.А.* Психологическая наука глазами ветерана // Психологический журнал. 1998. № 5. С. 130–131.
7. *Будилова Е.А.* На рубеже веков: Очерки истории русской психологии конца XIX — начала XX века / Под общ. ред. В.И. Белопольского, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019.
8. *Власова Т.А.* Выступление на заседании Ученого совета НИИ дефектологии АПН РСФСР, посвященном 70-летию со дня рождения Л.С. Выготского // Архив НИИ дефектологии. 1966. Т. 27. № XII.
9. *Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М.* Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М.: Смысл, 1996.
10. Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве: 1891–1916. Статьи по философии и психологии. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1916.
11. *Гордон Г.О.* Из воспоминаний о Г.И. Челпанове // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 84–96.
12. *Журавлев А.Л.* Роль личности руководителя в организации совместной деятельности коллектива // Совместная деятельность: методология, теория, практика. М.: Наука, 1988. С. 122–131.
13. *Зеньковский В.В.* История русской философии: В 2 т. Л.: б.и., 1991. Т. 2. Ч. 1. 880 с.
14. *Карцев В.П.* Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований. М.: Наука, 1984.
15. *Лисенкова В.П.* Выдающийся советский психолог Б.Г. Ананьев (К 75-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 1982. № 6. С. 134–138.
16. *Логинова Н.А.* Антропологическая психология Бориса Ананьева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
17. *Логинова Н.А.* Б.Г. Ананьев как педагог высшей школы (к столетию со дня рождения) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2008. Вып. 1. С. 19–23.
18. *Логинова Н.А.* Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005.
19. *Лурия А.Р.* Этапы пройденного пути. Научная автобиография / Под ред. Е.Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
20. *Мунипов В.М.* В.М. Бехтерев (1857–1927). М.: Медицина, 1969.
21. *Мясищев В.Н.* Вступительная статья // Бехтерев В.М. Избранные произведения (статьи и доклады). М.: Медгиз, 1954. С. 3–20.
22. *Осинов В.П.* Бехтерев. М.: Медгиз, 1947.

23. *Петровский А.В.* Короткие встречи // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989. С. 310–315.
24. *Пинес Л.Я.* Описание мозга академика В.М. Бехтерева // Проблема борозд и извилин в морфологии мозга: сб. ст. / Под ред. Л.Я. Пинес. Л.: тип. им. Евг. Соколовой, 1934. С. 49–70.
25. *Полянский Ю.И.* Несколько слов о коллеге по пединституту // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989. С. 294–295.
26. *Рамуль К.А.* О психологии ученого и в частности о психологии ученого-психолога // Вопросы психологии. 1965. № 6. С. 126–135.
27. *Розов А.И.* Взгляд со стороны // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989. С. 322–330.
28. *Рыбников Н.А.* Из автобиографии Н.А. Рыбникова — одного из первых сотрудников психологического института // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 11–19.
29. *Эльконин Д.Б.* Из выступления на расширенном заседании Ученого совета НИИ ОПП 14/XI 1966 г. // Архив НИИ ОПП АПН СССР. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 397.
30. *Юревич А.В.* Социальная психология научной деятельности. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2013.
31. *Ярошевский М.Г.* Программно-ролевой подход к исследованию научного коллектива // Вопросы психологии. 1978. № 3. С. 40–53.
32. *Ярошевский М.Г.* Четверть века с выдающимся психологом // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989. С. 280–293.
33. *Carré D.* Towards a cultural psychology of science // Culture & Psychology. 2019. V. 25. № 1. P. 3–32.
34. Creative Knowledge Environments. The Influences on Creativity in Research and Innovation / Ed. by S. Hemlin, C.M. Allwood, B. Martin. Cheltenham — Northampton: Edward Elgar Publishing, 2004.
35. *Feist G.J.* The psychology of scientific thought and behavior // The Psychologist. 2013. V. 26. № 12. P. 864–867.
36. The Social Psychology of Science / Ed. by W.R. Shadish, S. Fuller. N.Y.-L.: The Guilford Press, 1994.

RESEARCH INTO THE ABILITIES OF A TEAM LEADER IN THE HISTORY OF SOVIET PSYCHOLOGY²

O. A. Artem'eva

*Irkutsk State University;
664003, Irkutsk, Karl Marx str., 1, Russia.
ScD (Psychology), Professor, Chair of General Psychology.
E-mail: oaartemeva@yandex.ru*

Received 21.09.2021

Abstract. A review of the work carried out within the social psychology of science concludes that the problem of research team leaders' ability is underdeveloped. The paper substantiates the possibilities, presents and discusses the results of historical and psychological content analysis of the testimonies about the personality and scientific work of the leading organizers of the Soviet psychological science. On the material of memoirs of students and colleagues of G.I. Chelpanov, V.M. Bekhterev, L.S. Vygotsky, S.L. Rubinstein and B.G. Ananyev types of abilities of research team leaders' are identified. The model including five kinds of abilities making two blocks related, firstly, to generation of new scientific knowledge (mental and creative abilities), and, secondly, to organization of research team's socially valuable activity (pedagogical, organizational, moral and ethical abilities) is offered. Evidence has been obtained to support the leading role of the creative abilities of Soviet psychologists' leaders in their implementation of the research and organizational blocks of role behavior in the research team. The testimonies of students and colleagues have revealed that considerable attention is paid to pedagogical and moral-ethical abilities of the leading organizers of domestic psychological science. Soviet psychologists gained in their scientific leaders a moral ideal that inspired, guided and united them on the basis of values of social and personal responsibility of the scientist to the team.

Keywords: social psychology of science, history of psychology, scientific leader's abilities, Soviet psychology, history of Soviet psychology, scientific team.

² The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research under research project No. 20-013-00675.

REFERENCES

1. *Allahverdjan A.G., Moshkova G. Ju., Jurevich A.V., Jaroshevskij M.G.* Psihologija nauki. M.: Flinta, 1998. (In Russian)
2. *Artem'eva O.A.* Nauchnoe soobshhestvo kak sub''ekt nauchnoj dejatel'nosti. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2015. V. 36. № 4. P. 67–75. (In Russian)
3. *Belkin P.G., Emel'janov N.E., Ivanov M.A.* Social'naja psihologija nauchnogo kollektiva. Moscow: Nauka, 1987. (In Russian)
4. *Bibler V.S.* Dve vstrechi s S.L. Rubinshtejnom. Sergej Leonidovich Rubinshtejn: Oчерki, vospominanija, materialy. Moscow: Nauka, 1989. P. 315–317. (In Russian)
5. *Blonskij P.P.* Moi vospominanija. Moscow: Pedagogika, 1971. (In Russian)
6. *Bodal'ov A.A.* Psihologicheskaja nauka glazami veterana. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1998. № 5. P. 130–131. (In Russian)
7. *Budilova E.A.* Na rubezhe vekov: Oчерki istorii ruskoj psihologii konca XIX — nachala XX veka. Pod obshh. red. V.I. Belopol'skogo, A.L. Zhuravljova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2019. (In Russian)
8. *Vlasova T.A.* Vystuplenie na zasedanii Uchenogo Soveta NII defektologii APN RSFSR, posvjashhennom 70-letiju so dnja rozhdenija L.S. Vygotskogo. Arhiv NII defektologii. 1966. 27. XII. (In Russian)
9. *Vygodskaja G.L., Lifanova T.M.* Lev Semenovich Vygotskij. Zhizn'. Dejatel'nost'. Shtrihi k portretu. Moscow: Smysl, 1996. (In Russian)
10. Georgiju Ivanovichu Chelpanovu ot uchastnikov ego seminariev v Kieve i Moskve: 1891–1916. Stat'i po filosofii i psihologii. Moscow: T-vo tip. A.I. Mamontova, 1916. (In Russian)
11. *Gordon G.O.* Iz vospominanij o G.I. Chelpanove. Voprosy psihologii. 1995. № 1. P. 84–96. (In Russian)
12. *Zhuravljov A.L.* Rol' lichnosti rukovoditelja v organizacii sovmestnoj dejatel'nosti kollektiva. Sovmestnaja dejatel'nost': metodologija, teorija, praktika. Moscow: Nauka, 1988. P. 122–131. (In Russian)
13. *Zen'kovskij V.V.* Istorija ruskoj filosofii: V 2 t. Leningrad: b.i., 1991. V. 2. Part 1. 880 p. (In Russian)
14. *Karcev V.P.* Social'naja psihologija nauki i problemy istoriko-nauchnyh issledovanij. M.: Nauka, 1984. (In Russian)
15. *Lisenkova V.P.* Vydajushhijstva sovetskij psiholog B.G. Anan'ev (K 75-letiju so dnja rozhdenija). Voprosy psihologii. 1982. № 6. P. 134–138. (In Russian)
16. *Loginova N.A.* Antropologicheskaja psihologija Borisa Anan'eva. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016. (In Russian)
17. *Loginova N.A.* B.G. Anan'ev kak pedagog vysshej shkoly (k stoletiju so dnja rozhdenija). Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12. 2008. Vyp. 1. P. 19–23. (In Russian)
18. *Loginova N.A.* Opyt chelovekoznaniya: Istorija kompleksnogo podhoda v psihologicheskij shkolah V.M. Behtereva i B.G. Anan'eva. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. (In Russian)
19. *Lurija A.R.* Jetapy projdennogo puti. Nauchnaja avtobiografija. Ed. E.D. Homskaja. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1982. (In Russian)
20. *Munipov V.M.* V.M. Behterev (1857–1927). Moscow: Medicina, 1969. (In Russian)
21. *Mjasishhev V.N.* Vstupitel'naja stat'ja. Behterev V.M. Izbrannye proizvedenija (stat'i i doklady). Moscow: Medgiz, 1954. P. 3–20. (In Russian)
22. *Osipov V.P.* Behterev. Moscow: Medgiz, 1947. (In Russian)
23. *Petrovskij A.V.* Korotkie vstrechi. Sergej Leonidovich Rubinshtejn: Oчерki, vospominanija, materialy. Moscow: Nauka, 1989. P. 310–315. (In Russian)
24. *Pines L.Ja.* Opisanie mozga akademika V.M. Behtereva. Problema borozd i izvilin v morfologii mozga: sb. st. Ed. L.J. Pines. L.: tip. im. Evg. Sokolovoj, 1934. P. 49–70. (In Russian)
25. *Poljanskij Ju.I.* Neskol'ko slov o kollege po pedinstitutu. Sergej Leonidovich Rubinshtejn: Oчерki, vospominanija, materialy. Moscow: Nauka, 1989. P. 294–295. (In Russian)
26. *Ramul' K.A.* O psihologii uchenogo i v chastnosti o psihologii uchenogo-psihologa. Voprosy psihologii. 1965. № 6. P. 126–135. (In Russian)
27. *Rozov A.I.* Vzgljad so storony. Sergej Leonidovich Rubinshtejn: Oчерki, vospominanija, materialy. Moscow: Nauka, 1989. P. 322–330. (In Russian)
28. *Rybnikov N.A.* Iz avtobiografii N.A. Rybnikova — odnogo iz pervyh sotrudnikov psihologicheskogo instituta. Voprosy psihologii. 1994. № 1. P. 11–19. (In Russian)
29. *Jel'konin D.B.* Iz vystuplenija na rasshirennom zasedanii Uchenogo Soveta NII OPP 14/XI 1966 g. Arhiv NII OPP APN SSSR. F. 82. Op. 1. Ed. hr. 397. (In Russian)
30. *Jurevich A.V.* Social'naja psihologija nauchnoj dejatel'nosti. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2013. (In Russian)
31. *Jaroshevskij M.G.* Programmno-rolevoj podhod k issledovaniju nauchnogo kollektiva. Voprosy psihologii. 1978. № 3. P. 40–53. (In Russian)
32. *Jaroshevskij M.G.* Chetvert' veka s vydajushhimsja psihologom. Sergej Leonidovich Rubinshtejn: Oчерki, vospominanija, materialy. Moscow: Nauka, 1989. P. 280–293. (In Russian)
33. *Carré D.* Towards a cultural psychology of science. *Culture & Psychology*. 2019. V. 25. № 1. P. 3–32.
34. *Creative Knowledge Environments. The Influences on Creativity in Research and Innovation.* Ed. by S. Hemlin, C.M. Allwood, B. Martin. Cheltenham — Northampton: Edward Elgar Publishing, 2004.
35. *Feist G.J.* The psychology of scientific thought and behavior. *The Psychologist*. 2013. V. 26. № 12. P. 864–867.
36. *The Social Psychology of Science.* Ed. by W.R. Shadish, S. Fuller. New York-London: The Guilford Press, 1994.

УДК 159.9.07; 159.9.07:51-7

ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ И МОДИФИКАЦИЯ МЕТОДИКИ НЕГАТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ К РОБОТАМ (NARS)

© 2022 г. В. А. Акмаев

Пермский государственный национальный исследовательский университет;

614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, Россия.

Аспирант кафедры общей и клинической психологии.

E-mail: akvladislav@gmail.com

Поступила 16.05.2022

Аннотация. Представлены результаты модификации русскоязычной версии Опросника негативного отношения к роботам. На выборке 245 человек удалось установить, что опросник позволяет изучить особенности негативного отношения к роботам через три компонента: негативное отношение к взаимодействию с роботом, негативное отношение к социальному влиянию роботов, а также негативное отношение к эмоциям во взаимодействии с роботом. Достигнуты необходимые параметры надежности шкал опросника: α Кронбаха для шкалы негативного отношения к взаимодействию с роботом составляет 0.788, для шкалы негативного отношения к социальному влиянию роботов — 0.739, а для шкалы негативного отношения к эмоциям во взаимодействии с роботом — 0.644. В качестве внешней валидности показаны обратные связи эмоциональной стабильности со всеми типами негативного отношения к роботам, а также показана обратная взаимосвязь между открытостью новому опыту и негативным отношением к взаимодействию с роботами.

Ключевые слова: отношение к роботам, NARS, Большая пятерка, негативное отношение, роботопсихология.

DOI: 10.31857/S020595920023645-5

Жизнь современного человека не может протекать вне контекста информационных технологий, направленных на обслуживание профессиональных и бытовых процессов. Распространение системы “человек—машина” является привычной тенденцией повседневности. С усложнением технологий компьютеризированные и роботизированные системы стали предметом изучения не только технических наук, но и наук социально-гуманитарного профиля. Эти тенденции заставляют задуматься об особенностях взаимодействия человека и робота, об отношении человека к роботизированным системам. В зарубежной науке активно изучается отдельная область исследования взаимоотношений в системе “человек—робот” (Human-Robot Interaction, HRI) [20].

В отечественной психологии и социальных науках также разрабатывается вопрос о восприятии и отношении человека к роботам. Изучаются ассоциации инженеров космической отрасли со словом “робот” при помощи контент-анализа [5]. Проводится анализ работ по данной теме в высокорейтинговых научных журналах [3]. Обобщается

мировой опыт анализа взаимодействия человека и робота [10]. Сравниваются, классифицируются и обобщаются подходы и теории к восприятию антропоморфных роботов [7]. Проводится обзор зарубежных социологических и психологических шкал в сфере человеко-машинного взаимодействия [2]. Используется рефлексивный анализ и анализ экспертных взглядов по данной проблематике [9]. Избранные методы в основном носят теоретический характер, что не позволяет полноценно изучить особенности отношения человека к роботу на российской выборке.

В России социальные роботы активно используются в торговых центрах, консалтинговых службах и в медицинской сфере. Роботы интегрируются в процесс формирования и развития коммуникативных навыков врачей. Основным достоинством применения роботов в качестве симулированного пациента является многократное предъявление стандарта поведения пациента роботом в близких к реальным условиям медицинской коммуникации. Среди ограничений выделяют отсутствие или снижение эмоционального отклика, ограничения

предъявления нестандартного поведения пациента (субъективная сторона пациента утрачивается) [6].

Особый интерес представляет изучение взаимодействия человека и социального робота, а также отношения человека к социальному роботу. При данной интеракции может возникать эффект “Зловещей долины”, который проявляется в нарастании негативного отношения (страха, ужаса) к роботу по мере приближения его внешнего вида к человеческому [16]. Роботы, которые имеют внешность, отличную от человека или, наоборот, неразличимую от человеческой, не вызывают негативного отношения. В то время как роботы, внешний вид которых похож на человеческий, но имеет некоторые отличия, вызывают негативное отношение [14]. В этом контексте необходим инструмент, который может оценить особенности негативного отношения человека к роботу. В зарубежной практике используется Шкала негативного отношения к роботам (Negative Attitude towards Robots Scale, NARS). Данная шкала была разработана группой исследователей в Японии (Т. Nomura, Т. Kanda, Т. Suzuki, К. Kato) [19]. В основе разработки методики лежит представление о том, что на тревогу и негативное отношение людей к роботам влияют, с одной стороны, тревога людей в целом по отношению к технологическим продуктам, а с другой — страх общения как один из вариантов социальной тревоги. Разработчики предполагают, что социальная тревога одинаково проявляется у людей по отношению как к другим людям, так и к роботам, которые в особенности похожи на человека [19].

В зарубежной психологии активно ведется поиск связей между негативным отношением к роботам и личностными особенностями респондентов. Так, опросник NARS используется с опросниками модели Большой пятерки. Показана взаимосвязь параметра нейротизма со всеми шкалами негативного отношения к роботам и связь параметра экстраверсии с негативным отношением к социальному влиянию роботов [18]. При использовании регрессионного анализа вклада личностных свойств в отношении к роботам было выявлено следующее: люди с высокой экстраверсией и открытостью к новому опыту более позитивно относятся к роботам [17].

Проверка валидности методики производилась на двух выборках. Первая выборка: 236 человек (мужчин — 177, женщин — 59, пол не установлен — 27, средний возраст респондентов — 20.8 лет). Вторая выборка: 240 человек (мужчин — 146, женщин — 92, пол не установлен — 2, средний возраст респондентов — 22 года). Необходимые психометрические показатели были достигнуты [19].

Данная методика существует, как минимум, на шести языках: японском, английском, немецком, китайском, французском и испанском [12]. Несмотря на хорошие психометрические показатели оригинальной методики, авторы адаптаций на английский язык столкнулись с проблемами, вызванными культурно-специфичными факторами.

В американской версии адаптации опросника в факторной структуре были выделены 4 фактора (в оригинале — 3). Исследователи подчеркивают различия между японской и американской популяцией студентов в факторной модели. Например, в американской модели пункт “Я бы чувствовал себя некомфортно, если бы я выполнял работу, в ходе которой мне нужно было бы использовать робота” не нагружал ни одного фактора. Подчеркивается специфика японской технологической культуры: “мне пришлось бы использовать робота в работе” в сравнении с американской моделью: “если бы мне дали работу с роботом” [21].

При адаптации англоязычной версии у исследователей возникли трудности с некоторыми пунктами. Например, «слово “робот” для меня ничего не значит» — обозначает широкий контекст отношения к роботу и, может быть, не привязан к отдельному параметру оценки отношения к роботу. Также в одном из пунктов используется слово “доминировать” по отношению положения робота в будущем обществе, в этом случае не ясны границы доминирования роботов [21].

Существует проблема отсутствия русскоязычного психодиагностического инструментария в сфере изучения аспектов отношения человека к роботам. С одной стороны, данная проблема не дает возможности разработчикам роботизированных систем учитывать при конструировании роботов особенности отношения человека к роботу, в том числе культурный компонент, а с другой — нет возможности активного изучения данной области психологической наукой.

Целью исследования была адаптация и последующая модификация методики изучения негативного отношения к роботам на русскоязычной выборке. В качестве гипотезы было предположение о том, что структура опросника будет соответствовать оригинальной структуре (14 пунктов опросника и 3 шкалы негативного отношения к роботам).

МЕТОДИКА

Участники исследования. Общую выборку составили 245 человек, из них 181 человек женского пола и 64 — мужского. Средний возраст

респондентов — 26.7 года, стандартное отклонение — 10.6 года. Минимальный возраст — 18 лет. Состав выборки: 151 человек являются студентами Пермского государственного медицинского университета (62%), 94 человека — практикующими врачами г. Перми и Пермского края (38%). Количество респондентов приближено к числу респондентов в выборке, на которой производилась валидизация оригинальной версии опросника. Общую выборку составили две подгруппы: первая подгруппа принимала участие в исследовании через онлайн-платформу проведения опросов www.1ka.si (исследование проводилось в период с мая по июнь 2021 г., $n = 165$, средний возраст — 20.3 года, стандартное отклонение — 4.02 года), вторая подгруппа заполняла бумажные варианты опросника (исследование проводилось в январе 2022 г., $n = 80$, средний возраст — 39.7 года, стандартное отклонение — 7.4 года).

Методика исследования. Русскоязычный опросник негативного отношения к роботам (NARS). Шкала NARS отражает отношение людей к роботам, которые по своей сути рефлексируют обыденные представления о роботах. Опросник состоит из 14 пунктов, которые распределены по трем шкалам: S1 — негативное отношение к взаимодействию с роботом (6 пунктов), S2 — негативное отношение к социальному влиянию роботов (5 пунктов) и S3 — негативное отношение к эмоциональному взаимодействию с роботами (3 пункта) [19]. На первой выборке ($N = 165$) опросник был предъявлен через онлайн-платформу проведения опросов www.1ka.si. Для избегания влияния позиции вопроса пункты опросника демонстрировались в случайном порядке. Для второй выборки ($N = 80$) опросник был предъявлен в бумажном варианте с фиксированной структурой.

Перевод методики на русский язык. Перевод методики NARS проводился в три этапа. На первом этапе был осуществлен перевод с учетом лингвистических и культурных особенностей русского языка и аспектов измеряемого конструкта. На втором этапе были привлечены эксперты для оценки перевода: кандидат филологических наук со специализацией на английском языке, носитель языка (английский язык), знающий русский язык, и доктор психологических наук, владеющий английским языком. На третьем этапе в опросник были внесены коррективы, рекомендуемые экспертами.

Для исследования конвергентной валидности использовалась краткая версия опросника Большой пятерки в адаптации Т.В. Корниловой [8].

Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета статистических программ

JASP 0.14.1 для MacOS и MS Excel. Применялись метод нормализации данных (z-преобразование), эксплораторный факторный анализ по методу минимальных остатков с вращением варимакс. Использовались конфирматорный факторный анализ, корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона) и коэффициент α Кронбаха.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Факторная структура и факторная валидность.

При помощи эксплораторного факторного анализа была выстроена факторная модель NARS для русскоязычной выборки (метод выделения факторов — метод минимальных остатков, метод вращения — варимакс). Для сохранения структуры опросника использовалось заданное количество факторов — 3. Значения хи-квадрат для данной факторной модели: $\text{Chi-squared} = 97.549$, $df = 52$, $p < 0.001$. Факторные нагрузки шкал опросника отражены в табл. 1.

Пункт “Мне кажется, что в будущем в обществе будут доминировать роботы” не нагружает ни один из трех факторов. В данной модели этот пункт был удален. Такие же трудности возникли при адаптации на американской и британской выборках [21].

Пункты 1 и 2 нагружают первый и второй факторы, однако пункт 1 обнаруживает большую факторную нагрузку с первым фактором, а пункт 2 — со вторым. Пункт 13 нагружает факторы 2 и 3, но больше согласуется с фактором 3. Первый пункт “Я бы чувствовал себя некомфортно, если бы я выполнял работу, в ходе которой мне нужно было бы использовать робота” связан со взаимодействием с роботами в процессе рабочей деятельности. Второй пункт “В разговоре с роботом я бы относился к нему подозрительно и с недоверием” больше связан с социальным компонентом отношения к роботу в аспекте приписывания ему субъектности “подозрительно и с недоверием”. Тринадцатый пункт “Мне было бы не по себе, если бы роботы действительно испытывали эмоции” больше связан с эмоциональным компонентом отношения к роботам.

Таким образом были получены три фактора, которые описывают различные аспекты негативного отношения к роботам: аспекты взаимодействия, социальное влияние и эмоциональный компонент.

Для получения более стабильных оценок структурных взаимосвязей исследуемой модели на небольшой выборке для конфирматорного факторного анализа использовались парселы (композиции) [15]. Парселы были составлены путем сложения

Таблица 1. Факторная структура русскоязычной версии NARS

Пункт опросника	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
S1.1. Я бы чувствовал себя некомфортно, если бы я выполнял работу, в ходе которой мне нужно было бы использовать робота	0.539	0.401	0.041
S1.2. В разговоре с роботом я бы относился к нему подозрительно и с недоверием	0.444	0.475	0.244
S1.3. Я бы сильно нервничал, даже если бы просто находился перед роботом	0.793	0.195	-0.008
S1.7. Я переживал, если бы роботы или системы искусственного интеллекта рассуждали о разных вещах	0.228	0.558	0.278
S1.12. Роботы не представляют для меня никакого интереса	0.454	0.190	0.396
S1.14. Я бы волновался во взаимодействии с роботом в присутствии других людей	0.700	0.156	0.033
S2.5. Мне кажется, что в будущем в обществе будут доминировать роботы	0.262	0.178	-0.152
S2.6. Я переживаю, что буду слишком сильно зависеть от роботов	0.124	0.541	-0.148
S2.10. Я переживаю, что роботы будут негативно влиять на детей	0.394	0.534	0.118
S2.11. Может случиться что-то плохое, если роботы будут как живые существа	0.122	0.564	0.241
S2.13. Мне было бы не по себе, если бы роботы действительно испытывали эмоции	0.238	0.476	0.468
S3.4. Я чувствовал бы себя комфортно с роботами, у которых есть эмоции*	-0.029	-0.003	0.589
S3.8. Я был бы спокоен при разговоре с роботом*	0.576	0.129	0.275
S3.9. Если бы у роботов были эмоции, то я бы смог с ними подружиться*	0.088	0.161	0.696

Примечание. * — пункты с обратным подсчетом первичных баллов. S1 — негативное отношение к взаимодействию с роботами. S2 — негативное отношение к социальному влиянию роботов. S3 — негативное отношение к эмоциям во взаимодействии с роботом.

данных по отдельным пунктам опросника, относящихся к одной шкале. Использовался случайный метод для составления парселов [15].

В результате нашего исследования имеются следующие показатели: $CFI = 0.981$, $TLI = 0.952$, $RMSEA = 0.075$ (90%: 0.024; 0.126), $SRMR = 0.029$, $\chi^2 = 14.267$, $df = 6$, $p = 0.027$; $\chi^2/df = 2.38$. Показатели конфирматорного факторного анализа для оригинальной методики: $GFI = 0.924$, $RMSEA = 0.065$ ($N = 236$) и $GFI = 0.900$, $RMSEA = 0.080$ ($N = 240$) [19]. Факторная структура опросника на русскоязычной выборке представлена на рисунке.

Внутренняя согласованность и взаимосвязь шкал.

Внутренняя согласованность посчитана по всем шкалам опросника. Результаты по показателю α Кронбаха: (S1) негативное отношение к взаимодействию с роботами $\alpha = 0.788$ (90%: 0.742; 0.827); (S2) негативное отношение к социальному воздействию роботов $\alpha = 0.739$ (90%: 0.683; 0.787); (S3) негативное отношение к эмоциональному взаимодействию с роботом $\alpha = 0.644$ (90%: 0.559; 0.715).

Для всех шкал применялся анализ поочередного удаления пунктов с целью проверки влияния на показатель коэффициента Кронбаха. Были выбраны наибольшие показатели. Показатели оригинальной

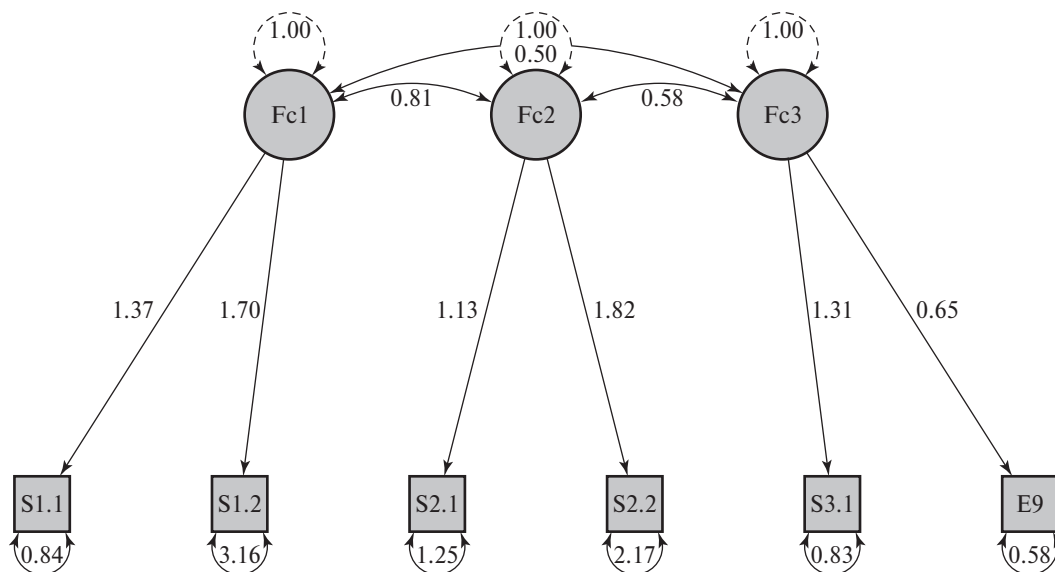

Рис. Модель опросника на основании конфирматорного факторного анализа с применением парселов

методики на японском языке для первой выборки (236 человек): для S1 — 0.738, для S2 — 0.732 и для S3 — 0.657; для второй выборки (240 человек): для S1 — 0.750, для S2 — 0.782 и для S3 — 0.648 [19]. Полученные показатели в основном превышают показатели оригинальной методики, а также полностью соответствуют принятым в психометрике параметрам в качестве надежных с коэффициентом $\alpha \geq 0.6$ [1]. Значение α зависит от количества пунктов, нагружающих исследуемую шкалу. Ожидаемо, что шкала с наименьшим количеством пунктов (3) имеет наиболее низкие значения α . Эта же закономерность прослеживается и в оригинальных версиях опросника со значениями α по аналогичной шкале 0.657 и 0.648. Вопрос об интерпретации значений α остается дискуссионным. Вслед за отечественными [1] и зарубежными [13] исследователями в данной статье приемлемым считается показатель α от 0.6.

Интеркорреляции шкал NARS были получены при помощи коэффициента корреляции Пирсона. Результаты применения критерия отражены в табл. 2.

Между всеми факторами присутствует взаимосвязь, отражающая направленность шкал на один психологический конструкт — негативное отношение к роботам.

Конвергентная валидность. Для изучения внешней валидности использовался краткий опросник Большой пятерки в адаптации Т.В. Корниловой [8]. Прогнозировалось наличие обратных взаимосвязей с параметром эмоциональной стабильности (противоположность нейротизму), как было показано зарубежными исследователями [17; 18]. На основании данных нашего исследования параметр “Эмоциональная стабильность” имеет обратные взаимосвязи с фактором 1 ($r = -0.275, p < 0.001$), с фактором 2 ($r = -0.194, p < 0.01$) и с фактором 3

($r = -0.177, p < 0.01$). Параметр “Открытость новому опыту” имеет обратную взаимосвязь с фактором 1 ($r = -0.217, p < 0.0001$).

Другими словами, присутствуют обратные взаимосвязи между параметром “Эмоциональная стабильность” и всеми факторами NARS, а также обратная взаимосвязь между шкалой “Открытость новому опыту” и шкалой негативного отношения к взаимодействию с роботом. Данные результаты согласуются с зарубежными исследованиями.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В попытке сохранить структуру опросника были выделены три фактора. В результате применения статистических инструментов определения структуры опросника пункты методики были распределены отличным от оригинальной модели образом.

Основные пункты *первого фактора* (1, 3, 12 и 14) соответствуют первой шкале оригинальной методики — негативное отношение к взаимодействию с роботом. Вместо пункта 7 был включен пункт 8. По своему содержанию пункты данного фактора отражают процесс активного взаимодействия с роботом, что может быть связано с поведенческим компонентом отношения к роботу во взаимодействии с ним. В пункте 12 отражается интерес к роботизированным системам, что, возможно, тоже связано с поведенческим аспектом (поиск информации, посещение мероприятий, связанных с роботом, выбор профессии, связанной с роботизированными системами, и др.).

Во *втором факторе* остались пункты 6, 10 и 11, а также добавились пункты 2 и 7. Пункт 5 был удален по причине отсутствия связи с выделенными факторами. Такая же тенденция существует и в англоязычной версии NARS [21]. Пункт 13 был связан

Таблица 2. Корреляции факторов в русскоязычной модели NARS

	Фактор 1 (негативное отношение к взаимодействию с роботами)	Фактор 2 (негативное отношение к социальному влиянию роботов)	Фактор 3 (негативное отношение к эмоциональному взаимодействию с роботом)
Фактор 1 (негативное отношение к взаимодействию с роботами)	1		
Фактор 2 (негативное отношение к социальному влиянию роботов)	0.580***	1	
Фактор 3 (негативное отношение к эмоциональному взаимодействию с роботом)	0.340***	0.420***	1

Примечание: *** $p < 0.001$.

с эмоциональным компонентом и был перенесен в третий фактор. Содержание пунктов второго фактора, с одной стороны, отражает отношение к социальному влиянию роботов (“зависеть от робота”, “рассуждения робота о разных вещах”, “негативное влияние на детей”, “роботы как живые существа”). С другой стороны, выделяется когнитивный компонент отношения к роботам — “зависеть от робота” означает потерю произвольности своей позиции и лидерство позиции робота; подозрительное отношение к роботу (страх от возможности интеллектуального поведения робота), рассуждение роботов о различных вещах, роботы “как живые существа”.

Третий фактор образован пунктами 4 и 9, которые также отражены в оригинальной методике. К данному фактору добавлен пункт 13, связанный с эмоциональным отношением к роботу. По своему содержанию пункты данного фактора отражают эмоциональный (аффективный) компонент отношения к роботу.

Таким образом, на основании выделенных факторов удалось сохранить контекст оригинальной методики, но благодаря новой структуре опросника были намечены классические для психологии отношений и установки структурные компоненты: когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты, выделенные Б.М. Смитом [4]. Так, первый фактор отражает негативное отношение к взаимодействию с роботом и некоторые аспекты поведенческого компонента, второй фактор — негативное отношение к социальному влиянию роботов и некоторые особенности когнитивного компонента отношения к роботам, а третий фактор — негативное отношение к эмоциям во взаимодействии с роботами (аффективный компонент отношения). Итоговый вариант опросника представлен в приложении.

ОГРАНИЧЕНИЯ

Данные получены на выборке лиц с медицинским образованием (студенты и врачи), необходимо исследовать вопросы возможностей применения данной методики для лиц без медицинского образования.

В выборке доминируют респонденты женского пола (74%). С одной стороны, гендерный фактор может влиять на выбор респондентами ответов опросника, с другой — валидизация оригинального опросника производилась на выборке с доминированием респондентов мужского пола. Необходимо отметить, что данное ограничение связано

со спецификой сферы деятельности респондентов (медицинская сфера), в которой присутствует не равное по полу распределение специалистов. В 2019 г. в России зафиксировано следующее распределение специалистов сферы здравоохранения и социальных услуг: 80% работников женского пола и 20% работников мужского пола. Распределение по половому признаку в данном исследовании отражает закономерности данного распределения в генеральной совокупности [11].

ВЫВОДЫ

1. Русскоязычная версия NARS является валидным и надежным инструментом изучения негативного отношения к роботам на русскоязычных выборках.

2. Факторная структура опросника сохраняет структуру оригинала, а также воспроизводит тенденции, полученные при создании и адаптации методики на других языках.

3. В изучении негативного отношения к роботам выделяются негативное отношение к взаимодействию с роботами, к социальному влиянию роботов и к эмоциональному компоненту во взаимодействии с роботом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурлачук Л.Ф., Духневич В.Н. Исследование надежности опросника Р. Кэттелла 16 PF // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 82–95.
2. Бурова О.А., Селеткова Г.И. Социологические шкалы измерения в сфере человеко-машинного взаимодействия (HRI) // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: Материалы XIX (заочной) Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора З.И. Файнбурга, 2020. С. 27–32.
3. Галин Р.Р., Серебрянный В.В., Тевяшов Г.К., Широкий А.А. Взаимодействие человека и робота в коллаборативных робототехнических системах // Известия Юго-Западного государственного университета. 2020. Т. 24. № 4. С. 180–199. DOI: 10.21869/2223-1560-2020-24-4-180-199
4. Девяткин А.А. Явление социальной установки в психологии XX века: Монография. Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1999. 309 с.
5. Денисенко Ф.Н., Финогенова О.Н. Образ робота в ассоциациях инженеров космической отрасли // Научные исследования и разработки: приоритетные направления и проблемы развития: Сборник научных трудов по материалам Междисциплинарного

- форума speed-up. М.: Профессиональная наука, 2020. С. 35–43.
6. Дьяченко Е.В., Черников И.Г., Самойленко Н.В. Виртуальный пациент в симуляционном обучении и оценивании коммуникативных навыков общения — коммуникативный робот: фантастика или реальность? // Вузовская педагогика, 2021. С. 178–183.
 7. Киселева Ю.П. Восприятие антропоморфных роботов // Профессионализм и творчество в условиях транзитивности: Международный сборник научных трудов, 2018. С 31–35.
 8. Корнилова Т.В., Зиренко М.С., Гусейнова Р.Д. Кросс-культурная адаптация краткого опросника Большой пятерки (ТРИ): сравнение российской и азербайджанских студенческих выборок // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 55. С. 7–21.
 9. Малинецкий Г.Г. Робототехника и цифровая экономика в рефлексивном контексте // Рефлексивные процессы и управление: Сборник материалов XI, 2017. С. 120–125.
 10. Середкина Е.В., Безукладников И.И., Ядова Е.Н. Взаимодействие человека и робота: социально-гуманитарная экспертиза // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 10. С. 102–108.
 11. Смелов П.А., Глотко О.Л., Иванова А.М., Игнатова Н.В. и др. Женщины и мужчины России. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 239 с.
 12. Bartneck Ch. Negative attitudes towards robots scale (NARS) translations. URL: <https://www.bartneck.de/2019/03/11/negative-attitudes-towards-robots-scale-nars-translations/> (дата обращения: 29.04.2022).
 13. Hair J.F., Black W.C., Babin B.J., Anderson R.E. Multivariate Data Analysis. V. 7. United States: Pearson, 2010. 761 p.
 14. Howard M.C. Investigating the Simulation Elements of Environment and Control: Extending the Uncanny Valley Theory to Simulations // Computers and Education. 2017. P. 216–232. DOI: 10.1016/j.compedu.2017.03.005
 15. Landis R., Beal D.J., Tesluk P.E. A Comparison of Approaches to Forming Composite Measures in Structural Equation Models // Organizational Research Methods. 2000. V. 3. № 2. P. 186–207.
 16. Mori M. The Uncanny Valley // Energy. 1970. V. 7. № 4. P. 33–35.
 17. Morsunbul U. Human-Robot Interaction: How Do Personality Traits Affect Attitudes towards Robot? // Journal of Human Sciences. 2019. V. 16. № 2. P. 499–504. DOI: 10.14687/jhs.v16i2.5636
 18. Muller S.L., Richert A. The Big-five Personality Dimensions and Attitudes towards Robots: A Cross Sectional Study // Proceedings of the 11th Pervasive Technologies Related to Assistive Environments Conference, 2018. P. 405–408. DOI: 10.1145/3197768.3203178
 19. Nomura T., Kanda T., Suzuki T., Kato K. Prediction of Human Behavior in Human-Robot Interaction Using Psychological Scales for Anxiety and Negative Attitudes Toward Robots // IEEE Transactions on robotics. 2008. V. 24. № 2. P. 442–451.
 20. Sheridan T.B. Human-Robot Interaction: Status and Challenges // Human Factors. 2016. V. 58. № 4. P. 525–532. DOI: 10.1177/0018720816644364
 21. Xia Y., Letendre G. Robots for Future Classrooms: A Cross-Cultural Validation Study of Negative Attitudes Toward Robots Scale in the U.S. Context // International Journal of Social Robotics. 2021. V. 13. № 4. P. 703–714. DOI: 10.1007/s12369-020-00669-2

ПРИЛОЖЕНИЕ

ШКАЛА НЕГАТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ К РОБОТАМ

Инструкция. Представьте себя в ситуации взаимодействия с роботом. Перед вами список утверждений, связанных с отношением к роботам. Оцените, насколько вы согласны или не согласны

с данными утверждениями. Напротив каждого утверждения отметьте степень своего согласия с утверждением от значения “Полностью не согласен” до значения “Полностью согласен”.

Полностью не согласен	Не согласен	Скорее не согласен	Ни то, ни другое	Скорее согласен	Согласен	Полностью согласен
1	2	3	4	5	6	7
1	Я бы чувствовал себя некомфортно, если бы я выполнял работу, в ходе которой мне нужно было бы использовать робота					7
2	В разговоре с роботом я бы относился к нему подозрительно и с недоверием					7
3	Я бы сильно нервничал, даже если бы просто находился перед роботом					7
4	Я чувствовал бы себя комфортно с роботами, у которых есть эмоции					7
5	Я переживаю, что буду слишком сильно зависеть от роботов					7

6	Я переживал бы, если бы роботы или системы искусственного интеллекта рассуждали о разных вещах	1 2 3 4 5 6 7
7	Я был бы спокоен при разговоре с роботом	1 2 3 4 5 6 7
8	Если бы у роботов были эмоции, то я бы смог с ними подружиться	1 2 3 4 5 6 7
9	Я переживаю, что роботы будут негативно влиять на детей	1 2 3 4 5 6 7
10	Может случиться что-то плохое, если роботы будут как живые существа	1 2 3 4 5 6 7
11	Роботы не представляют для меня никакого интереса	1 2 3 4 5 6 7
12	Мне было бы не по себе, если бы роботы действительно испытывали эмоции	1 2 3 4 5 6 7
13	Я бы волновался во взаимодействии с роботом в присутствии других людей	1 2 3 4 5 6 7

Обработка результатов

Шкала	Пункты опросника
Негативное отношение ко взаимодействию с роботами	1, 3, 7*, 11, 13
Негативное отношение к социальному влиянию роботов	2, 5, 6, 9, 10
Негативное отношение к эмоциональному компоненту во взаимодействии с роботами	4*, 8*, 12

* — пункты с обратным подсчетом первичных баллов.

PSYCHOMETRIC INDICATORS AND MODIFICATION OF THE NEGATIVE ATTITUDES TOWARDS ROBOTS SCALE (NARS)

V. A. Akmaev

*Perm State University;
614990, Perm, Bukireva str., 15, Russia.
Postgraduate Student of the Department of General and Clinical Psychology.
E-mail: akvladislav@gmail.com*

Received 16.05.2022

Abstract. The results of the modification of the Russian-language version of the Negative attitudes towards robots scale are presented. On a sample of 245 people it has been shown that the questionnaire allows to study the features of a negative attitude towards robots through three components: a negative attitude towards interaction with a robot, a negative attitude towards the social influence of robots, and a negative attitude towards emotions in interaction with a robot. Necessary parameters of the questionnaire were achieved: Cronbach's α for the scale of negative attitude to interaction with the robot is 0.788, for the scale of negative attitude to the social influence of robots is 0.739, and for the scale of negative attitude to emotions in interaction with a robot is 0.644. Validity of the modified scale has been confirmed by inverse correlations between emotional stability and all types of negative attitudes towards robots, as well as an inverse relationship between the openness of new experience and a negative attitude towards interaction with robots.

Keywords: attitudes towards robots, NARS, Big Five, negative attitudes, robotic psychology.

REFERENCES

1. *Burlachuk L.F., Duhnevich V.N.* Issledovanie nadezhnosti oprosnika R. Kettella 16 PF. *Psikhologicheskij zhurnal.* 2000. V. 21. № 5. P. 82–95. (In Russian)
2. *Burova O.A., Seletkova G.I.* Sociologicheskie shkaly izmereniya v sfere cheloveko-mashinnogo vzaimodejstviya (HRI). *Sovremennoe obshchestvo: voprosy teorii, metodologii, metody social'nyh issledovanij: materialy XIX (zaochnoj) Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati professora Z.I. Fajnburga,* 2020. P. 27–32. (In Russian)
3. *Galina R.R., Serebrennyj V.V., Tevyashov G.K., Shirokij A.A.* Vzaimodejstvie cheloveka i robota v kollaborativnyh robototekhnicheskikh sistemah. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta,* 2020. V. 24. № 4. P. 180–199. DOI: 10.21869/2223-1560-2020-24-4-180-199 (In Russian)

4. *Devyatkin A.A.* Yavlenie social'noj ustanovki v psihologii HH veka: monografiya. Kaliningrad: Izd-vo Kaliningr. un-ta, 1999. 309 p. (In Russian)
5. *Denisenko F.N., Finogenova O.N.* Obraz robota v associacijah inzhenerov kosmicheskoy otrasli. Nauchnye issledovaniya i razrabotki: prioritetye napravleniya i problemy razvitiya: Sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdisciplinarnogo foruma speed-up. Moscow: Professional'naya nauka, 2020. P. 35–43. (In Russian)
6. *D'yachenko E.V., Chernikov I.G., Samojlenko N.V.* Virtual'nyj pacient v simulyacionnom obuchenii i ocenivanii kommunikativnyh navykov obshcheniya — kommunikativnyj robot: fantastika ili real'nost'? Vuzovskaya pedagogika, 2021. P. 178–183. (In Russian)
7. *Kiseleva Yu.P.* Vospriyatie antropomorfnyh robotov. Professionalizm i tvorchestvo v usloviyah tranzitivnosti: mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov, 2018. P. 31–35. (In Russian)
8. *Kornilova T.V., Zirenko M.S., Guseynova R.D.* Krosskul'turnaya adaptaciya kratkogo oprosnika Bol'shoj pyaterki (TIPI): sravnenie rossijskoj i azerbajdzhanskih studencheskih vyborok. Psihologicheskie issledovaniya. 2017. V. 10. № 55. P. 7–21. (In Russian)
9. *Malineckij G.G.* Robototekhnika i cifrovaya ekonomika v refleksivnom kontekste. Refleksivnye processy i upravlenie. Sbornik materialov XI, 2017. P. 120–125. (In Russian)
10. *Seredkina E.V., Bezukladnikov I.I., Yadova E.N.* Vzaimodejstvie cheloveka i robota: social'no-gumanitarnaya ekspertiza. Social'no-gumanitarnye znaniya. 2019. № 10. P. 102–108. (In Russian)
11. *Smelov P.A., Glotko O.L., Ivanova A.M., Ignatova N.V. et al.* Zhenshchiny i muzhchiny Rossii. 2020: Stat. sb. / Rosstat. Moscow, 2020. 239 p. (In Russian)
12. *Bartneck Ch.* Negative attitudes towards robots scale (NARS) translations. URL: <https://www.bartneck.de/2019/03/11/negative-attitudes-towards-robots-scale-nars-translations/> (date of access: 29.04.2022).
13. *Hair J.F., Black W.C., Babin B.J., Anderson R.E.* Multivariate Data Analysis. V. 7. United States: Pearson, 2010. 761 p.
14. *Howard M.C.* Investigating the Simulation Elements of Environment and Control: Extending the Uncanny Valley Theory to Simulations. Computers and Education. 2017. P. 216–232. DOI: 10.1016/j.compedu.2017.03.005
15. *Landis R., Beal D.J., Tesluk P.E.* A Comparison of Approaches to Forming Composite Measures in Structural Equation Models. Organizational Research Methods. 2000. V. 3. № 2. P. 186–207.
16. *Mori M.* The Uncanny Valley. Energy. 1970. V. 7 № 4. P. 33–35.
17. *Morsunbul U.* Human-Robot Interaction: How Do Personality Traits Affect Attitudes towards Robot? Journal of Human Sciences, 2019. V. 16. № 2. P. 499–504. DOI: 10.14687//jhs.v16i2.5636
18. *Muller S.L., Richert A.* The Big-five Personality Dimensions and Attitudes towards Robots: A Cross Sectional Study. Proceedings of the 11th Pervasive Technologies Related to Assistive Environments Conference, 2018. P. 405–408. DOI: 10.1145/3197768.3203178
19. *Nomura T., Kanda T., Suzuki T., Kato K.* Prediction of Human Behavior in Human-Robot Interaction Using Psychological Scales for Anxiety and Negative Attitudes Toward Robots. IEEE Transactions on robotics. 2008. V. 24. № 2. P. 442–451.
20. *Sheridan T.B.* Human-Robot Interaction: Status and Challenges. Human Factors. 2016. V. 58. № 4. P. 525–532. DOI: 10.1177/0018720816644364
21. *Xia Y., Letendre G.* Robots for Future Classrooms: A Cross-Cultural Validation Study of Negative Attitudes Toward Robots Scale in the U.S. Context. International Journal of Social Robotics. 2021. V. 13. № 4. P. 703–714. DOI: 10.1007/s12369-020-00669-2

УДК 159.9.072.59

СРАВНЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ С ОРИГИНАЛЬНЫМИ НОРМАМИ МЕТОДИКИ “ШКАЛЫ РАЗВИТИЯ БЭЙЛИ-III”¹

© 2022 г. П. А. Павлова^{1,2,*}, Д. М. Максимов^{2,3,**}, Д. А. Чегодаев^{2,***}, С. Ю. Киселев^{2,****}

¹Научный центр когнитивных исследований “Университет Сириус”;
354349, ПГТ “Сириус”, Олимпийский пр., д. 1, Россия.

²Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина;
620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, Россия.

³Уральский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения
Российской Федерации;
620014, г. Екатеринбург, ул. Репина, д. 3, Россия.

*Аспирант кафедры клинической психологии и психофизиологии, младший научный сотрудник.
E-mail: polinaalexpravlova@gmail.com

**Кандидат медицинских наук, научный сотрудник, доцент.
E-mail: kafsemmed@gmail.com

***Младший научный сотрудник.
E-mail: neuromediator@mail.ru

****Кандидат психологических наук, доцент, заведующий лабораторией мозга
и нейрокогнитивного развития.
E-mail: s.j.kiselev@urfu.ru

Поступила 07.04.2022

Аннотация. “Шкалы развития Бэйли — третья редакция” (Бэйли-III) — всемирно признанная методика оценки развития ребенка. Применение Бэйли-III в России ограничено из-за отсутствия ее адаптации. В настоящем исследовании методика Бэйли-III была использована в рамках обследования нервно-психического развития 109 здоровых российских детей в возрасте от 4 месяцев до 3 лет (всего 273 измерения). В результате было выявлено, что в течение первого года жизни нервно-психическое развитие российских детей было достаточно близко к нормативным показателям популяции детей в Соединенных Штатах Америки (США), за исключением несколько более высокого среднего балла по когнитивной шкале. После первого года жизни российские дети демонстрировали более высокие баллы по всем шкалам (когнитивное развитие, рецептивная коммуникация, мелкая и крупная моторика) по сравнению с нормами США, за исключением аналогичных или более низких показателей экспрессивной коммуникации. Выявленные особенности развития детей следует с осторожностью экстраполировать на всю российскую популяцию, принимая во внимание пилотный характер исследования и ограниченную репрезентативность изучаемой выборки. Тем не менее в исследовании показана важность адаптации зарубежных психометрических инструментов с учетом локальных языковых и культурных особенностей, а также важность разработки национальных возрастных норм нервно-психического развития детей. В целом для уточнения выявленных закономерностей и широкого прикладного использования такого психометрического инструмента, как шкалы Бэйли-III, необходимы дальнейшие исследования на более крупных многоцентровых выборках.

Ключевые слова: шкалы Бэйли-III, оценка нервно-психического развития, типично развивающиеся дети, психометрическое исследование.

DOI: 10.31857/S020595920023647-7

Методика “Шкалы развития Бэйли — Третья редакция” (Bailey Scales of Infant and Toddler

Development — Third Edition, далее — Бэйли-III) является одним из наиболее широко используемых инструментов оценки развития детей раннего возраста во многих странах мира [9; 17; 22; 24].

¹ Работа выполнена при поддержке Университета Сириус.

Методика изначально была разработана и апробирована в Соединенных Штатах Америки (США) на репрезентативной выборке из 1700 детей, разделенных на 17 возрастных групп. Оригинальная выборка в основном состояла из так называемых типично развивающихся детей, рожденных на сроке гестации 37–42 недели, без существенных патологий в анамнезе и без факторов риска, влияющих на развитие центральной нервной системы. Для большей репрезентативности 10% выборки составляли дети, имевшие тот или иной клинический диагноз. Комплексная оценка нервно-психического развития (НПР) по методике Бэйли-III проводится в рамках наблюдательных тестов по пяти параметрам, или шкалам (когнитивное развитие, экспрессивная и рецептивная коммуникация, крупная и мелкая моторика). Развитие по каждому параметру выражается в шкальных баллах, нормой для оригинальной (США) популяции считаются показатели в 10 (± 3) балла по каждой из шкал [7].

При внедрении методики Бэйли-III в других странах в ряде исследований была показана сопоставимость полученных показателей НПР с оригинальными нормами [6; 10; 25]. Однако в большинстве работ сообщалось о несоответствии полученных данных оригинальным показателям и необходимости интерпретационной коррекции результатов оценки детского развития с учетом локальных особенностей [11; 15; 19]. В частности, дети из Великобритании и Ирландии набирали более низкие баллы по субшкале крупной моторики, но более высокие баллы — по субшкале мелкой моторики по сравнению с оригинальными нормами [24]. Дети из Непала показали менее развитые когнитивные и моторные навыки [14], в то время как у детей из Германии наблюдалось лучшее развитие коммуникативных навыков [23]. Также дети из Австралии продемонстрировали более высокие результаты по всем шкалам, кроме моторной [8].

Помимо собственно точной оценки НПР, шкала Бэйли-III также продемонстрировала хорошие дифференциальные возможности при выявлении детей с нарушениями развития [5]. Кроме того, есть небольшое число исследований, посвященных изучению различий в развитии мальчиков и девочек. Например, в исследовании детей из Южной Африки и Кении не были выявлены половые отличия показателей НПР [26; 15]. С другой стороны, для китайских детей разница между показателями мальчиков и девочек по когнитивной и языковым шкалам Бэйли-III была достаточно выражена [11]. Также при обследовании вьетнамских детей с помощью Бэйли-III была выявлена разная факторная

структура НПР для разных полов [21]. В связи с этим актуальным остается вопрос о необходимости учета половых различий в исследованиях для разных популяций.

В Российской Федерации исследования с использованием Бэйли-III немногочисленны и в основном посвящены изучению детей с клиническими диагнозами [1–3]. Единственное исследование здоровых детей было проведено авторами настоящей статьи, но оно было ограничено только первым годом жизни (“Апробация методики Bayley scales of infant and toddler development — third edition”). В настоящем исследовании представлены результаты оценки НПР с помощью методики Бэйли-III у типично развивающихся российских детей первых трех лет жизни, а также результаты непрямого сравнения полученных показателей с оригинальными нормами, разработанными при изначальной стандартизации методики [7].

МЕТОДИКА

Исследование проводилось на базе лаборатории мозга и нейрокогнитивного развития департамента психологии ФГАОУ ВПО “Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина” (УрФУ, г. Екатеринбург) в рамках грантового проекта “Лонгитюдное исследование нейрокогнитивного развития детей с перинатальной травмой” в период с 2016 по 2020 г. Прямой и обратный перевод бланков Бэйли-III на русский язык был осуществлен в рамках международного проекта под эгидой компании ICON. Основной изучаемой группой были дети из г. Екатеринбурга и Свердловской области, которые проходили периодическое обследование с использованием русскоязычной версии Бэйли-III начиная с 4 месяцев и до достижения возраста 3 лет; также в проекте была подгруппа детей, которые проходили только однократное обследование в один из возрастных периодов согласно оригинальной методике [23]. Оценка НПР выполнялась по когнитивной шкале, субшкалам экспрессивной и рецептивной коммуникации, а также мелкой и крупной моторики. Условия и процедура тестирования респондентов соответствовали установленным требованиям к проведению методики Бэйли-III.

Для целей настоящего исследования из общей базы лонгитюдного исследования были использованы данные 109 доношенных детей (61% мальчиков), не имевших клинически значимых отклонений здоровья и отягощенного медицинского

анамнеза на момент участия в проекте (типично развивающиеся дети). Антропометрические и клинические показатели детей (часть из этих детей наблюдалась в нескольких возрастах, а часть — только в одном или двух) при рождении соответствовали показателям нормального развития, обозначенными в приказе Минздравсоцразвития РФ от 01.06.2010 № 409Н (табл. 1).

Повторные наблюдения 109 здоровых детей позволили получить 273 уникальных измерений показателей НПР (табл. 2).

Первичные данные участников заносились в обезличенном формате в электронную базу данных с помощью табличного редактора Microsoft Excel. Статистическая обработка проводилась с помощью программного обеспечения Jamovi (R) 2.2.5 (лицензия AGPL-3.0) и Gretl 2021b (лицензия GPL). Для демонстрации обобщенных показателей НПР (шкальные баллы Бэйли-III) преимущественно использовались средние величины со стандартным отклонением. В случае ненормального распределения использовались медианы.

Для непрямого сравнения полученных средних баллов российских детей с нормами США (10 (±3) баллов) был использован тест Стьюдента, для оценки гендерных различий НПР — критерий Манна—Уитни (с учетом ненормального распределения данных). За показатель статистической значимости было принято значение $p < 0.05$.

Таблица 1. Антропометрические и клинические показатели 109 детей при рождении

Показатель	Среднее (СО)	Размах
Гестационный возраст, нед.	39 (1)	37–42
Масса тела, г	3361 (399)	2500–4300
Длина тела, см	52 (2)	47–58
Апгар на 1 мин, баллы	7 (0.7)	5–8

Примечание: СО — стандартное отклонение.

Таблица 2. Демографические характеристики обследованных детей

Показатель	4–6 месяцев	10 месяцев	15 месяцев	24 месяца	36 месяцев
<i>N</i>	65	63	68	50	27
Возраст*, мес.	5.5	10.4	14.6	24.7	36.8
Мальчики, %	62	65	59	60	56

Примечание. * — медиана.

Таблица 3. Шкальные баллы НПР типично развивающихся детей и их сравнение с нормами оригинальной методики

Субшкала	4–6 месяцев	10 месяцев	15 месяцев	24 месяца	36 месяцев
Когнитивное развитие	11.2 ¹ (2) ² ***	11.1(2,2)**	12(2.5)***	12.7(3.8)***	12(2.9)**
Рецептивная коммуникация	9.6(2)	10(2.6)	11.1(2.7)**	11.2(2.5)**	12.3(1.9)***
Экспрессивная коммуникация	9.9(1,9)	10.3(1.9)	9.5(1.5)*	8(2.3)***	10.3(1.9)
Мелкая моторика	9.8(2)	10.6(2.7)	11.8(2.8)***	12.1(3.4)***	12.3(2)***
Крупная моторика	10.5(2)	10.1(1.9)	12.3(2.7)***	11.9(1.9)***	12.7(2.5)***

Примечание. ¹ Среднее значение для группы. ² Стандартное отклонение. Статистическая значимость отличий показателя при прямом сравнении с оригинальными нормами Бэйли-III (10 (± 3)) в тесте Стьюдента: * — $p \leq 0.05$; ** — $p \leq 0.01$; *** — $p \leq 0.001$.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Шкальные баллы НПР обследованных детей и их сравнение с нормами оригинальной методики, разработанными на основании выборки США, представлены в табл. 3.

У детей до года средние значения шкальных баллов были близки к оригинальным нормам методики Бэйли-III, за исключением показателей когнитивного развития, который был выше во всех возрастных группах на 1.1–2.7 балла. У детей старше года практически все показатели НПР были достоверно выше (на 2 балла и более), чем оригинальные нормы. Единственным исключением были показатели развития экспрессивной коммуникации, которые в 15 и 24 месяца были ниже на 0.5–2 балла по сравнению с нормами США.

Результаты ожидаемой популяционной вариативности показателей НПР (95%-е доверительные интервалы, ДИ) представлены в табл. 4.

Вероятная популяционная вариативность показателей НПР российских детей по большинству шкал в целом находилась в диапазоне норм для популяции США (7–13 баллов), за исключением когнитивного развития и показателей моторики в старших возрастных группах, которые ожидаемо заходили за верхнюю границу нормативной вариативности.

Таблица 4. Ожидаемая популяционная вариабельность показателей НПР здоровых детей

Субшкала	4–6 месяцев	10 месяцев	15 месяцев	24 месяца	36 месяцев
	95% ДИ	95% ДИ	95% ДИ	95% ДИ	95% ДИ
Когнитивное развитие	10.7–11.6	10.6–11.7	11.5–12.7	11.6–13.8	10.9–13.2
Рецептивная коммуникация	9.1–10.1	9.3–10.6	10.4–11.7	10.5–11.9	11.6–13.1
Экспрессивная коммуникация	9.5–10.4	9.9–10.8	9.1–9.8	7.4–8.6	9.5–11
Мелкая моторика	9.3–10.3	9.9–11.3	11.1–12.5	11.2–13.1	11.5–13.1
Крупная моторика	10–11	9.7–10.6	12.1–13.3	11.5–13.1	11.2–12.7

Таблица 5. Сравнение медианных шкальных баллов НПР мальчиков и девочек

4–6 месяцев			
Субшкала	Мальчики (<i>N</i> = 40)	Девочки (<i>N</i> = 25)	Значение <i>p</i> *
Когнитивное развитие	11	11	0.7
Рецептивная коммуникация	9	10	0.3
Экспрессивная коммуникация	10	10	0.2
Мелкая моторика	10	10	0.8
Крупная моторика	11	11	0.8
10 месяцев			
Субшкала	Мальчики (<i>N</i> = 41)	Девочки (<i>N</i> = 22)	Значение <i>p</i>
Когнитивное развитие	11	11	0.3
Рецептивная коммуникация	9	11	0.005
Экспрессивная коммуникация	10	11	0.3
Мелкая моторика	10	10	0.7
Крупная моторика	10	10	0.3
15 месяцев			
Субшкала	Мальчики (<i>N</i> = 40)	Девочки (<i>N</i> = 28)	Значение <i>p</i>
Когнитивное развитие	13	11	0.1
Рецептивная коммуникация	11	11	0.3
Экспрессивная коммуникация	9	9	0.2
Мелкая моторика	12	12	0.9
Крупная моторика	13	12.5	0.3
24 месяца			
Субшкала	Мальчики (<i>N</i> = 30)	Девочки (<i>N</i> = 20)	Значение <i>p</i>
Когнитивное развитие	12	11	0.5
Рецептивная коммуникация	10	12.5	0.016
Экспрессивная коммуникация	8	7.5	0.7
Мелкая моторика	11	10.5	0.7
Крупная моторика	12	11.5	1
36 месяцев			
Субшкала	Мальчики (<i>N</i> = 15)	Девочки (<i>N</i> = 12)	Значение <i>p</i>
Когнитивное развитие	11	11	0.8
Рецептивная коммуникация	12	13	0.1
Экспрессивная коммуникация	10	11	0.4
Мелкая моторика	11	12.5	0.5
Крупная моторика	12	12	0.4

Примечание. * — непараметрический тест Манна—Уитни.

Результаты сравнения показателей НПР мальчиков и девочек представлены в табл. 5.

Статистически значимые половые различия НПР наблюдались только по субшкале рецептивной коммуникации, с более высокими показателями у девочек в 10 месяцев на 2 балла ($p = 0.005$) и 24 месяца на 2.5 балла ($p = 0.016$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Таким образом, в настоящем исследовании было проведено сравнение показателей НПР типично развивающихся детей первых трех лет жизни из России с оригинальными нормами (США) шкал развития Бэйли-III. Также для оценки дифференциальных возможностей методики было проведено сравнение показателей НПР у российских детей мужского и женского пола.

Наибольшее сходство полученных и оригинальных показателей наблюдалось в первый год жизни, в последующем обследованные дети демонстрировали лучшее развитие, за исключением экспрессивной коммуникации (речи). Сходство показателей НПР у детей первого года жизни из разных стран вполне объяснимо закономерностями развития психической сферы, когда в первые месяцы доминируют относительно простые и универсальные и в целом более биологические способы проявления психической деятельности [12]. Например, в исследовании непальских детей в возрасте 6–11 месяцев полученные баллы также были близки к нормам США — различия были выявлены только по коммуникативным шкалам [14]. Тем не менее в ряде исследований у детей первого года жизни различия наблюдались по большему количеству шкал, которые усиливались с увеличением возраста детей [18; 20]. Во многом расхождения с оригинальными нормами были ожидаемы с учетом неизбежной трансформации методики при переносе в другую культурную и языковую среду. В некоторых случаях это можно объяснить изучением смещенных и относительно небольших выборок, в которых была высока доля детей с задержкой развития или клиническими патологиями, а также, например, представителей социально неблагополучных слоев населения с низким уровнем образования [15]. В настоящем исследовании лучшие показатели НПР отчасти могли быть следствием того, что обследованные дети не имели отклонений здоровья и их родители представляли преимущественно образованное городское население. В то время как оригинальная выборка охватывала представителей всех социальных слоев и регионов США и включала 10% детей

с различными клиническими диагнозами, что не могло не сказаться на среднем уровне НПР.

Относительно низкие показатели развития экспрессивной речи на фоне в целом высокого НПР у российских детей старше года могли быть обусловлены особенностями русского языка, например его более сложной фонетической и лексико-грамматической структурой, а также национальными особенностями коммуникации взрослых и детей. Похожие предположения были сделаны в исследовании коммуникативного развития детей в датской популяции [13]. С другой стороны, выявленные особенности развития экспрессивной речи могли быть частной особенностью относительно небольшой и смещенной выборки детей, поэтому экстраполировать эти результаты на всю популяцию следует с осторожностью. Также возможно, что Бэйли-III недостаточно полно оценивает языковые особенности высококонтекстных культур (к которой относится и российская), так как оригинальная методика создавалась для низкоконтекстной англоязычной культурной среды, что могло повлиять на валидность оценки.

В целом популяционная вариабельность показателей НПР российских типично развивающихся детей по большинству шкал находилась в диапазоне норм для популяции США (7–13 баллов). Что, несмотря на влияние социальных и культурных особенностей, позволяет выявить схожесть в закономерностях развития детей первых трех лет жизни. При обследовании детей, изначально включенных в исследование как здоровые или “типично развивающиеся” на основании клинических и антропометрических показателей, методика убедительно подтвердила их нормальное нервно-психическое развитие. При этом ввиду отсутствия российских норм были использованы нормы США, которые применимы лишь для приблизительной оценки при исследовании для других популяций.

Также были изучены дифференциальные способности Бэйли-III для оценки различий НПР у мальчиков и девочек ввиду противоречивости уже имеющихся результатов исследований для разных стран. В результате различия были выявлены только по шкале рецептивной коммуникации для части возрастных срезов, вероятно из-за нелинейности развития этого навыка. В целом известно, что овладение речью у мальчиков происходит относительно более низкими темпами [4]. Результаты обследования детей в высококонтекстных культурах, таких как Вьетнам и Китай, также, как и результаты детей России, показали более низкие баллы по речевым шкалам у мальчиков [11; 21; 16]. При этом

в странах с низкоконтекстной культурой, например таких, как США, Кения или Южная Африка, данных особенностей при использовании методики Бэйли-III не было выявлено [6; 15; 16]. Вероятно, сложности овладения навыками речи могут зависеть от контекстуального типа культуры, которые проявляются наиболее выражено для мальчиков ввиду уже имеющихся половых особенностей речевого развития.

Выявленные особенности развития детей следует с осторожностью экстраполировать на всю российскую популяцию, принимая во внимание пилотный характер исследования и ограниченную репрезентативность изучаемой выборки. Тем не менее настоящее исследование показывает важность адаптации зарубежных психометрических инструментов с учетом локальных языковых и культурных особенностей, а также важность разработки национальных возрастных норм НПР детей. В целом для уточнения выявленных закономерностей и широкого прикладного использования такого психометрического инструмента, как шкалы Бэйли-III, необходимы дальнейшие исследования на более крупных многоцентровых выборках.

ВЫВОДЫ

1. Русскоязычная версия Бэйли-III оценивает типично развивающихся детей по большинству шкал как детей с нормальным развитием в соответствии с оригинальными нормами, что говорит о высоком кросс-культурном психометрическом потенциале этого инструмента.

2. За исключением особенностей рецептивной речи в нескольких возрастных стратах, исследование не выявило значимых различий НПР между здоровыми мальчиками и девочками.

3. Бэйли-III недостаточно полно учитывает языковые особенности при оценке НПР детей из стран с высококонтекстной культурой, что необходимо учитывать при интерпретации оценок речевого развития.

Благодарности. Авторы выражают признательность научным сотрудникам лаборатории мозга и нейрокогнитивного развития УрФУ: Бакушкиной Н.В., Сулеймановой Е.В., Туктаревой И.В., Калашниковой З.С., Новосад Н.В., которые проводили обследование детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Заваденко А.Н., Медведев М.И., Дегтярева М.Г.* Оценка нервно-психического развития детей различного гестационного возраста с неонатальными судорогами // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2018. Т. 118. № 11. С. 35–42.
2. *Косякова О.В., Беспалова О.Н.* Профилактика и терапия угрожающих преждевременных родов при многоплодии // Журнал акушерства и женских болезней. 2019. Т. 68. № 4. С. 55–70.
3. *Шифман Б.* Влияние дополнительного приема йода во время беременности на раннее развитие нервной системы ребенка, клинические результаты: итоги прерванного рандомизированного плацебо-контролируемого исследования // Актуальная эндокринология. 2016. № 1. С. 64–79.
4. *Adani S., Cepanec M.* Sex differences in early communication development: behavioral and neurobiological indicators of more vulnerable communication system development in boys // Croatian Medical Journal. 2019. V. 60. № 2. P. 141–149.
5. *Balasundaram P, Avulakunta I.D.* Bayley Scales of Infant and Toddler Development // StatPearls Publishing. 2021. PMID: 33620792.
6. *Ballot D.E., Ramdin T., Rakotsoane D. et al.* Use of the Bayley scales of infant and toddler development, to assess developmental outcome in infants and young children in an urban setting in South Africa // International Scholarly Research Notices, 2017. Iss. 1631760.
7. *Bayley N.* Bayley scales of infant and toddler development, third edition: Technical manual. San Antonio, TX: Harcourt, 2006.
8. *Chinta S., Walker K., Halliday R. et al.* A comparison of the performance of healthy Australian 3-year-olds with the standardised norms of the Bayley Scales of Infant and Toddler Development (version-III) // Archives of Disease in Childhood. 2014. V. 99. № 7. P. 621–624.
9. *Del Rosario C., Slevin M., Molloy E.J. et al.* How to use the Bayley scales of infant and toddler development // Archives of Disease in Childhood-Education and Practice. 2021. V. 106. № 2. P. 108–112.
10. *Godamunne P.K.S., Liyanage P.L.C.K., Wimaladhar-masooriya N. et al.* Psychometric properties of the cognitive and motor scales of the Bayley Scales of infant development among Sri Lankan children // 12th Annual Research Symposium, University of Kelaniya, 2011. URL: <http://repository.kln.ac.lk/handle/123456789/2472>
11. *Hua J., Li Y., Ye K., Ma Y. et al.* The reliability and validity of Bayley-III cognitive scale in China's male and female children // Early Human Development. 2019. № 129. P. 71–78.
12. *Humphreys K.L., Zeannah C.H., Scheeringa M.S.* Infant development: The first 3 years of life // Psychiatry. 2015. № 1. P. 134–158.
13. *Krogh M.T., Væver M.S., Harder S., Køppe S.* Cultural differences in infant development during the first year:

- A study of Danish infants assessed by the Bayley-III and compared to the American norms // *European Journal of Developmental Psychology*. 2012. V. 9. № 6. P. 730–736.
14. *Manandhar S.R., Dulal S., Manandhar D.S. et al.* Acceptability and reliability of the Bayley scales of infant development III cognitive and motor scales among children in Makwanpur // *Journal of Nepal Health Research Council*. 2016. V. 14. № 1 (32). P. 47–50.
 15. *McHenry M.S., Oyungu E., Yang Z. et al.* Cultural adaptation of the Bayley scales of infant and toddler development, for use in Kenyan children aged 18–36 months: a psychometric study // *Research in Developmental Disabilities*. 2021. № 110. Iss. 103837.
 16. *McKay-Semmler K.L.* High-and low-context cultures // *The International encyclopedia of intercultural communication*. 2017. P. 1–5.
 17. *McLester-Davis L.W.Y., Shankar A., Kataria L.A. et al.* Validity, reliability, and transcultural adaptations of the Bayley Scales of Infant and Toddler Development (BSID-III-NL) for children in Suriname // *Early Human Development*. 2021. № 160. Iss. 105416.
 18. *Ranjitkar S., Kvestad I., Strand T.A. et al.* Acceptability and reliability of the bayley scales of infant and toddler development-III among children in Bhaktapur, Nepal // *Frontiers in Psychology*. 2018. № 9. Iss. 1265.
 19. *Salah El-Din E.M., Monir Z.M., Shehata M.A.* A comparison of the performance of normal middle social class Egyptian infants and toddlers with the reference norms of the Bayley Scales- (Bayley III): A pilot study // *Plos One*. 2021. V. 16. № 12. Iss. e0260138.
 20. *Steenis L.J.P., Verhoeven M., Hessen D.J., van Baar A.L.* Performance of Dutch children on the Bayley III: A comparison study of US and Dutch norms // *PLoS One*. 2015. V. 10. № 8. Iss. e0132871.
 21. *Sun L. et al.* Bayley III in Vietnamese children: lessons for cross-cultural. 2019. V. 4.
 22. *Torras-Mana M., Gómez-Morales A., González-Gimeno I. et al.* Assessment of cognition and language in the early diagnosis of autism spectrum disorder: usefulness of the Bayley Scales of infant and toddler development // *Journal of Intellectual Disability Research*. 2016. V. 60. № 5. P. 502–511.
 23. *Vierhaus M., Lohaus A., Kolling T. et al.* The development of 3-to 9-month-old infants in two cultural contexts: Bayley longitudinal results for Cameroonian and German infants // *European Journal of Developmental Psychology*. 2011. V. 8. № 3. P. 349–366.
 24. *Weiss L.G., Oakland T., Aylward G.P.* (Eds). *Bayley-III clinical use and interpretation*. Amsterdam: Academic Press, 2010.
 25. *Yu Y.T., Hsieh W.S., Hsu C.H. et al.* A psychometric study of the Bayley Scales of Infant and Toddler Development-3rd Edition for term and preterm Taiwanese infants // *Research in Developmental Disabilities*. 2013. V. 34. № 11. P. 3875–3883.

A COMPARISON OF RUSSIAN INFANTS AND TODDLERS WITH THE REFERENCE NORMS OF THE BAYLEY SCALES OF INFANT AND TODDLER DEVELOPMENT-III²

P. A. Pavlova^{1,2,*}, D. M. Maksimov^{2,3,}, D. A. Chegodaev^{2,***}, S. Y. Kiselev^{2,****}**

¹"Sirius University of Science";

354349, Krasnodar Region, Federal Territory "Sirius", Township Sirius, Olimpiyskiy ave., 1, Russia.

²Ural Federal University Named after the first President of Russia B.N. Yeltsin;

620000, Yekaterinburg, pr. Lenin, 51, Russian Federation.

³Urals State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation;

620014, Yekaterinburg, str. Repina, 3, Russian Federation.

*Postgraduate Student, Department of Clinical Psychology and Psychophysiology, Junior Researcher.

E-mail: polinaalexpavlova@gmail.com

**PhD, Associate Professor, Researcher.

E-mail: kafsemmed@gmail.com

***Junior Researcher.

E-mail: neuromediator@mail.ru

****PhD, Associate Professor, Head of the Laboratory for Brain and Neurocognitive Development.

E-mail: s.j.kiselev@urfu.ru

Received 07.04.2022

² Funding: The work is supported by the Sirius University.

Abstract. Bayley Scales of Infant and Toddler Development — Third Edition (Bayley-III) is globally recognized method for the assessment of a child development. The using of Bayley-III in Russia is limited due to the lack of adaptation. In this study we used Bayley-III in the series of child development assessments of 109 healthy Russian children from 4 months to 3 years (273 measurements in total). In the first year of life neuropsychic development of the Russian children was very close to the norms established for the US population except for the slightly higher score on cognitive scale. After the first year of life, Russian children constantly demonstrated higher scores on all scales (cognitive, receptive communication, fine and gross motor) compared to the US norms. except for the similar/lower scores on expressive communication. The revealed features of children's development should be carefully extrapolated to the entire Russian population, taking into account the pilot nature of the study and the limited representativeness of the studied sample. Nevertheless, the present study shows the importance of local adaptation of foreign psychometric instruments, taking into account local linguistic and cultural characteristics, as well as the importance of developing national age norms for the neuropsychic development of children. In general, further studies on larger multicenter samples are needed to clarify the identified patterns and the widespread application of such a psychometric tool as the Bayley-III scales.

Keywords: Bayley-III scales, assessment of neuropsychic development, typically developing children, psychometric study.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the researchers of the UrFU Laboratory of Brain and Neurocognitive Development: Bakushkina N.V., Suleymanova E.V., Tuktareva I.V., Kalashnikova Z.S., Novosad N.V., who conducted a survey of children.

REFERENCES

1. *Zavadenko A.N., Medvedev M.I., Degtyareva M.G.* Assessment of neurodevelopment in children of different gestational age with neonatal seizures. *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*. 2018. V. 118. № 11. P. 35–42. (In Russian)
2. *Kosyakova O.V., Bespalova O.N.* Prevention and therapy of threatened preterm birth in multiple pregnancy. *Journal of Obstetrics and Women's Diseases*. 2019. V. 68. № 4. P. 55–70. (In Russian)
3. *Shifman B.* The effect of iodine supplementation in pregnancy on early childhood neurodevelopment and clinical outcomes: results of an aborted randomised placebo-controlled trial. *Aktual'naya endokrinologiya (Actual Endocrinology)*. 2016. № 1. P. 64–79. (In Russian)
4. *Adani S., Cepanec M.* Sex differences in early communication development: behavioral and neurobiological indicators of more vulnerable communication system development in boys. *Croatian medical journal*. 2019. V. 60. № 2. P. 141–149.
5. *Balasundaram P., Avulakunta I.D.* Bayley Scales Of Infant and Toddler Development. StatPearls Publishing. 2021. PMID: 33620792.
6. *Ballot D.E., Ramdin T., Rakotsoane D. et al.* Use of the Bayley scales of infant and toddler development, to assess developmental outcome in infants and young children in an urban setting in South Africa // *International Scholarly Research Notices*, 2017. Issue 1631760.
7. *Bayley N.* Bayley scales of infant and toddler development, third edition: Technical manual. San Antonio, TX: Harcourt. 2006.
8. *Chinta S., Walker K., Halliday R. et al.* A comparison of the performance of healthy Australian 3-year-olds with the standardised norms of the Bayley Scales of Infant and Toddler Development (version III). *Archives of disease in childhood*. 2014. V. 99. № 7. P. 621–624.
9. *Del Rosario C., Slevin M., Molloy, E.J. et al.* How to use the Bayley scales of infant and toddler development. *Archives of Disease in Childhood-Education and Practice*. 2021. V. 106. № 2. P. 108–112.
10. *Godamunne P.K.S., Liyanage P.L.C.K., Wimaladhar-masooriya N. et al.* Psychometric properties of the cognitive and motor scales of the Bayley Scales of infant development among Sri Lankan children. 12th Annual Research Symposium, University of Kelaniya, 2011. URL: <http://repository.kln.ac.lk/handle/123456789/2472>
11. *Hua J., Li Y., Ye K., Ma Y. et al.* The reliability and validity of Bayley-III cognitive scale in China's male and female children. *Early Human Development*. 2019. № 129. P. 71–78. DOI: 10.1016/j.earlhumdev.2019.01.017
12. *Humphreys K.L., Zeanah C.H., Scheeringa M.S.* Infant development: The first 3 years of life. *Psychiatry*. 2015. № 1. P. 134–158.
13. *Krogh M.T., Væver M.S., Harder S., Køppe S.* Cultural differences in infant development during the first year: A study of Danish infants assessed by the Bayley-III and compared to the American norms. *European Journal of Developmental Psychology*. 2012. V. 9. № 6. P. 730–736.
14. *Manandhar S.R., Dulal S., Manandhar D.S. et al.* Acceptability and reliability of the Bayley scales of infant development III cognitive and motor scales among children in Makwanpur. *Journal of Nepal Health Research Council*. 2016. V. 14. № 1 (32). P. 47–50.
15. *McHenry M.S., Oyungu E., Yang Z. et al.* Cultural adaptation of the Bayley scales of infant and toddler development, for use in Kenyan children aged 18–36 months:

- a psychometric study. *Research in Developmental Disabilities*. 2021. № 110.
16. *McKay-Semmler K.L.* High-and low-context cultures. *The International encyclopedia of intercultural communication*. 2017. P. 1–5.
 17. *McLester-Davis L.W.Y., Shankar A., Kataria L.A. et al.* Validity, reliability, and transcultural adaptations of the Bayley Scales of Infant and Toddler Development (BSID-III-NL) for children in Suriname. *Early Human Development*. 2021. № 160. Issue 105416.
 18. *Ranjitkar S., Kvestad I., Strand T.A. et al.* Acceptability and reliability of the bayley scales of infant and toddler development-III among children in Bhaktapur, Nepal. *Frontiers in Psychology*. 2018. № 9. Issue 1265.
 19. *Salah El-Din E.M., Monir Z.M., Shehata M.A.* A comparison of the performance of normal middle social class Egyptian infants and toddlers with the reference norms of the Bayley Scales- (Bayley III): A pilot study. *Plos One*. 2021. V. 16. № 12. Issue e0260138.
 20. *Steenis L.J.P., Verhoeven M., Hessen D.J., van Baar A.L.* Performance of Dutch children on the Bayley III: A comparison study of US and Dutch norms. *PLoS One*. 2015. V. 10. № 8. Issue e0132871.
 21. *Sun L. et al.* Bayley III in Vietnamese children: lessons for cross-cultural. 2019. V. 4.
 22. *Torras-Mana M., Gómez-Morales A., González-Gimeno I. et al.* Assessment of cognition and language in the early diagnosis of autism spectrum disorder: usefulness of the Bayley Scales of infant and toddler development. *Journal of Intellectual Disability Research*. 2016. V. 60. № 5. P. 502–511.
 23. *Vierhaus M., Lohaus A., Kolling T. et al.* The development of 3-to 9-month-old infants in two cultural contexts: Bayley longitudinal results for Cameroonian and German infants. *European Journal of Developmental Psychology*. 2011. V. 8. № 3. P. 349–366.
 24. *Weiss L.G., Oakland T., Aylward G.P.* (Eds). *Bayley-III clinical use and interpretation*. Amsterdam: Academic Press, 2010.
 25. *Yu Y.T., Hsieh W.S., Hsu C.H. et al.* A psychometric study of the Bayley Scales of Infant and Toddler Development-3rd Edition for term and preterm Taiwanese infants. *Research in Developmental Disabilities*. 2013. V. 34. № 11. P. 3875–3883.

УДК 159.923.5

СОМАТИЗАЦИЯ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСТРЕСС И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ У СЕЛЬСКИХ И ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ

© 2022 г. А. А. Золотарева^{1,2,*}, О. В. Смирникова^{3,**}, Ю. С. Витко^{1,***}

¹Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”;
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Россия.

²Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет);
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76, Россия.

³Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова;
119991, Москва, ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2, Россия.

*Кандидат психологических наук, доцент департамента психологии НИУ ВШЭ;
зав. лабораторией психосоматической медицины научно-образовательного
Российско-китайского центра системной патологии Южно-Уральского государственного
университета (национального исследовательского университета).

E-mail: alena.a.zolotareva@gmail.com

**Кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и медицинской психологии.

E-mail: smirnikova_o_v@staff.sechenov.ru

*** Стажер-исследователь департамента психологии.

E-mail: uliyvitko18@gmail.com

Поступила 11.04.2022

Аннотация. Целью настоящего исследования стало изучение симптомов тревоги, депрессии и соматизации как потенциальных факторов риска низкого качества жизни у сельских и городских жителей России. В исследовании приняли участие 319 жителей сельских ($N = 158$) и городских ($N = 161$) местностей, заполнивших шкалы для оценки соматизации, тревоги, депрессии и качества жизни, связанного со здоровьем. Результаты исследования показали, что городские жители испытывают более частые и интенсивные соматические (53.4% vs. 37.3%), тревожные (38.5% vs. 17.1%) и депрессивные (50.3% vs. 19.6%) симптомы, чем сельские жители. При этом как городские, так и сельские жители в равной степени жалуются на физическое (68.9% vs. 63.3%), но не психическое здоровье (18.1% vs. 17.7%). У сельских жителей связь между качеством жизни и психосоматическим статусом носит более сложный характер, чем в среде жителей городских местностей, поскольку зависит от большего количества потенциальных факторов риска. Данные закономерности нуждаются в дальнейших эмпирических испытаниях, после чего могут быть использованы для разработки программ медицинской и психологической помощи населению России.

Ключевые слова: соматизация, психологический дистресс, качество жизни, сельские жители, городские жители, психосоматическая медицина, Россия.

DOI: 10.31857/S020595920023648-8

Урбанизация является серьезным фактором риска для физического и психического здоровья населения, поскольку городские жители чаще сталкиваются со стрессовыми обстоятельствами, ведут менее подвижный образ жизни и потребляют менее здоровую пищу, чем жители сельских местностей [25]. Экологические исследования подтверждают, что урбанизация тесно связана с ростом психических расстройств [33], метаболических [9], онкологических [27], инфекционных [6], сердечно-сосудистых заболеваний [38], заболеваний органов дыхания [22] и желудочно-кишечного тракта [13].

Данные закономерности свидетельствуют в пользу того, что объективно жители сельских местностей обладают более крепким физическим и психическим здоровьем, чем жители маленьких и больших городов.

Для самооценки здоровья исследователи нередко используют единственный вопрос: “В целом как вы оцениваете состояние своего здоровья?” [36]. С помощью этого вопроса было обнаружено, что у городских жителей самооценка здоровья выше, чем у жителей сельских местностей, при том что самооценка

здоровья городских жителей была наиболее тесно связана с социальной поддержкой и физическим здоровьем, а самооценка здоровья сельских жителей — с экономическим благополучием [7]. Общим фактором низкой самооценки здоровья как для сельских, так и для городских жителей стал рост одиночества и хронических заболеваний в поздней взрослости [32].

В психологических исследованиях самооценка здоровья основана на субъективном восприятии соматического и психологического здоровья [28]. Соматическое здоровье понимается как свобода от соматического дистресса, т.е. соматизации со свойственными ей переживаниями специфических соматических симптомов в виде болей и дискомфорта в различных частях тела. Психологическое здоровье понимается как свобода от психологического дистресса, преимущественно тревоги и депрессии как наиболее распространенных симптомов.

Сравнительные исследования психологического здоровья сельских и городских жителей показывают противоречивые закономерности: в одном исследовании городские жители Китая имеют более высокие показатели тревоги и депрессии, чем жители китайских сельских местностей [37]; в другом исследовании, напротив, городские жители Нигерии имеют более низкие показатели психологического дистресса, чем жители нигерийских сельских местностей [24]. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что психологический дискомфорт сельских и городских жителей во многом зависит от экономических и социокультурных факторов жизни в конкретных странах. Так, австралийские исследователи обнаружили, что жители сельских районов на 26% реже сообщали о том, что обращались за психологической помощью, чем жители мегаполисов, причем эта разница была связана не со стигматизацией, а с тяжестью психологического дистресса и социально-демографическими факторами [4].

В то же время соматическое здоровье практически не изучено в контексте различий между сельскими и городскими жителями. Единственное сравнительное исследование соматизации, проведенное в 1989 г. в Америке, показало, что городские жители испытывают большую соматическую нагрузку, чем жители сельских местностей, причем дополнительными факторами риска выступили возраст от 45 до 64 лет, низкий уровень образования и семейный статус, связанный с разлукой, разводом или вдовством [31].

Мы можем полагать, что соматический дистресс, также как и психологический, связан с урбанизацией и ее экономическими и социокультурными

последствиями. В период пандемии COVID-19 изучение соматической и психологической нагрузки населения было особенно актуально, поскольку, с одной стороны, известно, что во многих странах мира наблюдался резкий рост соматизации и психологического дистресса, связанных с пандемией [35]; с другой стороны, также известно то, что сельским жителям труднее получать квалифицированную медицинскую и психологическую помощь, чем городским, что говорит о необходимости скрининговых и мониторинговых исследований соматического и психологического здоровья жителей сельских местностей [11].

Наконец, соматическое и психологическое благополучие во многом определяет качество жизни, связанное со здоровьем, как меру субъективной оценки человеком собственного физического и психического здоровья. В клинических исследованиях с участием пациентов с различными физическими и психическими заболеваниями было показано, что симптомы тревоги, депрессии и соматизации снижают качество жизни и угрожают психологическому благополучию [8; 20; 21]. При попытке оценить различия в показателях качества жизни между сельскими и городскими жителями исследователи из разных стран обнаружили противоположные тенденции: в Бразилии о более высоком качестве жизни сообщают сельские жители [26], в Турции городские жители более высоко оценивают свое качество жизни [23], а в Польше сельские и городские жители не отличаются друг от друга в субъективном восприятии качества жизни, связанного со здоровьем [29].

Целью настоящего исследования является изучение соматизации, психологического дистресса и качества жизни у сельских и городских жителей России¹. С учетом противоречивых сведений о распространенности симптомов тревоги, депрессии, соматизации и общей картины качества жизни у сельских и городских жителей настоящее исследование носит поисковый характер и решает следующие задачи: а) оценка распространенности симптомов тревоги, депрессии и соматизации у сельских и городских жителей России; б) определение

¹ Термин “качество жизни” (англ. quality of life) является междисциплинарным и активно используется в медицине, психологии, экономике, социологии и других науках о человеке, при этом нередко в медицинских и психологических исследованиях он подразумевает качество жизни, связанное со здоровьем (англ. health-related quality of life). В отличие от соматического и психологического дистресса, констатирующих факт психосоматических и психопатологических симптомов, качество жизни определяется субъективным восприятием человека роли этих симптомов в его повседневном физическом и психическом функционировании [2].

процентного соотношения среди сельских и городских жителей России, указывающих на низкое качество жизни в отношении его физических и психических компонентов; в) изучение симптомов тревоги, депрессии и соматизации как потенциальных факторов риска низкого качества жизни у сельских и городских жителей России.

МЕТОДИКА

Участники и процедура. В общей сложности в исследовании приняли участие 319 жителей России. Среди них было 158 жителей сельских местностей (63 мужчины и 95 женщин в возрасте от 17 до 90 лет) и 161 житель городских местностей (36 мужчин и 125 женщин в возрасте от 18 до 62 лет). В исследовании приняли участие жители г. Москвы, г. Омска и г. Нижнего Тагила, а также жители сельских местностей Омской, Белгородской и Владимирской областей.

Инструменты. Все участники исследования заполнили анкету, состоящую из следующих диагностических инструментов.

1. *Шкала соматических симптомов (Somatic Symptom Scale-8, SSS-8) Б. Гурка в адаптации А.А. Золотаревой* оценивает соматизацию как склонность человека испытывать психологический дискомфорт посредством телесных симптомов [1]. Меткой отсечения для клинически значимого уровня соматизации служит показатель ≥ 12 [10]. В настоящем исследовании SSS-8 была психометрически обоснована с помощью показателей внутренней надежности ($\alpha = 0.874$) и факторной валидности (Satorra—Bentler $\chi^2(20) = 68.006, p < 0.001$; $TLI = 0.933$; $CFI = 0.952$; $RMSEA = 0.087$ [90% CI от 0.065 до 0.110]).

2. *Опросник здоровья пациента (Patient Health Questionnaire-9, PHQ-9) К. Кроенке в переводе и апробации А.А. Золотаревой* измеряет тяжесть депрессивной симптоматики [17]. Меткой отсечения для клинически значимого уровня депрессии служит показатель ≥ 10 [19]. В настоящем исследовании PHQ-9 была психометрически обоснована с помощью показателей внутренней надежности ($\alpha = 0.909$) и факторной валидности (Satorra—Bentler $\chi^2(26) = 109.370, p < 0.001$; $TLI = 0.926$; $CFI = 0.946$; $RMSEA = 0.100$ [90% CI от 0.081 до 0.120]).

3. *Шкала генерализованного тревожного расстройства-7 (Generalized Anxiety Disorder-7, GAD-7) Р. Спитцера в переводе и апробации А.А. Золотаревой* диагностирует тяжесть тревожной симптоматики [30]. Меткой отсечения для клинически

значимого уровня тревоги служит показатель ≥ 10 [15]. В настоящем исследовании GAD-7 была психометрически обоснована с помощью показателей внутренней надежности ($\alpha = 0.932$) и факторной валидности (Satorra—Bentler $\chi^2(14) = 36.790, p < 0.001$; $TLI = 0.980$; $CFI = 0.986$; $RMSEA = 0.072$ [90% CI от 0.044 до 0.100]).

4. *Опросник качества жизни (Short Form Survey-12, SF-12)* является краткой версией SF-36, разработанной Дж. Вейром и адаптированной Международным центром исследования качества жизни Санкт-Петербурга [3]. Меткой отсечения для низкой оценки физического компонента качества жизни служит показатель < 50 , для низкой оценки психического компонента качества жизни — показатель < 42 [34]. В настоящем исследовании SF-12 был психометрически обоснован с помощью показателей внутренней надежности (физический компонент: $\alpha = 0.764$; психический компонент: $\alpha = 0.776$) и факторной валидности (Satorra—Bentler $\chi^2(40) = 135.234, p < 0.001$; $TLI = 0.899$; $CFI = 0.939$; $RMSEA = 0.087$ [90% CI от 0.071 до 0.103]).

Анализ данных. Для анализа данных были использованы описательная статистика, критерий χ^2 Пирсона, множественный регрессионный анализ с модерацией. Для оценки психометрической состоятельности использованных диагностических инструментов были использованы коэффициент α Кронбаха и конфирматорный факторный анализ. Диагностический инструмент считается психометрически обоснованным при показателе внутренней надежности, превышающем значение 0.7 для α Кронбаха [16], и соответствии факторной структуры исходной модели (индекс Тьюкера—Льюиса $TLI \geq 0.9$, сравнительный индекс соответствия $CFI \geq 0.9$, квадратный корень среднеквадратической ошибки аппроксимации $RMSEA \leq 0.1$) [12]. Все процедуры были выполнены в статистических пакетах SPSS 27.0 и AMOS.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Соматизация и психологический дистресс. Согласно меткам отсечения для SSS-8, GAD-7 и PHQ-9, о клинически значимой соматизации сообщали 37.3% сельских и 53.4% городских жителей ($\chi^2 = 8.310, p = 0.004$), клинически значимую тревогу отмечали 17.1% сельских и 38.5% городских жителей ($\chi^2 = 18.190, p < 0.001$), клинически значимая депрессия была зафиксирована у 19.6% сельских и 50.3% городских жителей ($\chi^2 = 32.962, p < 0.001$).

Сельские жители сообщали о более выраженных проблемах с желудочно-кишечным трактом

($t = 3.256, p = 0.001, d = 0.365$), головных болях ($t = 2.782, p = 0.006, d = 0.312$), чувстве усталости или недостатке энергии ($t = 7.522, p < 0.001, d = 0.842$), проблемах со сном ($t = 3.103, p = 0.002, d = 0.347$). Различия в жалобах на боль в спине ($t = 1.600, p = 0.110, d = 0.179$), боли в руках, ногах или суставах ($t = 1.196, p = 0.233, d = 0.134$), боль в груди или одышку ($t = 1.568, p = 0.118, d = 0.176$), головокружение ($t = 1.940, p = 0.053, d = 0.217$) оказались статистически незначимыми. На рис. 1 представлено схематическое изображение различий в жалобах на соматические симптомы у сельских и городских жителей.

Качество жизни и его факторы риска. В соответствии с метками отсечения для SF-12, низкие показатели физического компонента качества жизни были у 63.3% сельских и 68.9% городских жителей ($\chi^2 = 1.138, p = 0.286$), а низкие показатели психического компонента качества жизни отмечали 17.7% сельских и 18.1% городских жителей ($\chi^2 = 0.005, p = 0.946$).

Факторы риска низкого качества жизни у сельских и городских жителей были оценены с помощью серии регрессионных анализов. Так, у сельских жителей факторами риска низкого физического компонента качества жизни стали симптомы депрессии и соматизации ($\Delta R^2 = 0.634, F_{(3,154)} = 91.512, p < 0.001$). Эти факторы показали прямой эффект взаимодействия ($\Delta R^2 = 0.651, F_{(4,153)} = 74.192, p < 0.001$). Факторами риска низкого психического компонента качества жизни у сельских жителей стали симптомы тревоги и депрессии ($\Delta R^2 = 0.532, F_{(3,154)} = 60.430, p < 0.001$). При оценке взаимодействия этих факторов также был

обнаружен прямой эффект взаимодействия ($\Delta R^2 = 0.560, F_{(4,153)} = 50.972, p < 0.001$). У городских жителей единственным фактором риска низкого физического компонента качества жизни стали симптомы соматизации ($\Delta R^2 = 0.332, F_{(3,157)} = 27.545, p < 0.001$), а единственным фактором риска низкого психического качества жизни — симптомы депрессии ($\Delta R^2 = 0.236, F_{(3,157)} = 17.493, p < 0.001$). В табл. 1 представлены результаты регрессионных анализов.

Симптомы депрессии и соматизации имеют прямой эффект взаимодействия на физический компонент качества жизни у сельских жителей, т.е. при одновременном росте депрессивных и соматических симптомов показатели физического компонента качества жизни снижаются сильнее, чем при независимом росте этих симптомов (рис. 2). Аналогичные прямые эффекты взаимодействия обнаруживают симптомы тревоги и депрессии, которые при одновременном росте сильнее снижают показатели психического компонента качества жизни, чем при независимом росте депрессивной и тревожной симптоматики (рис. 3).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Результаты настоящего исследования позволяют сделать три основных вывода, касающихся психологического и соматического здоровья сельских и городских жителей России.

Первый вывод состоит в том, что соматизация и психологический дистресс широко распространены у сельских и городских жителей России. Соматические симптомы отмечали 37.3% сельских

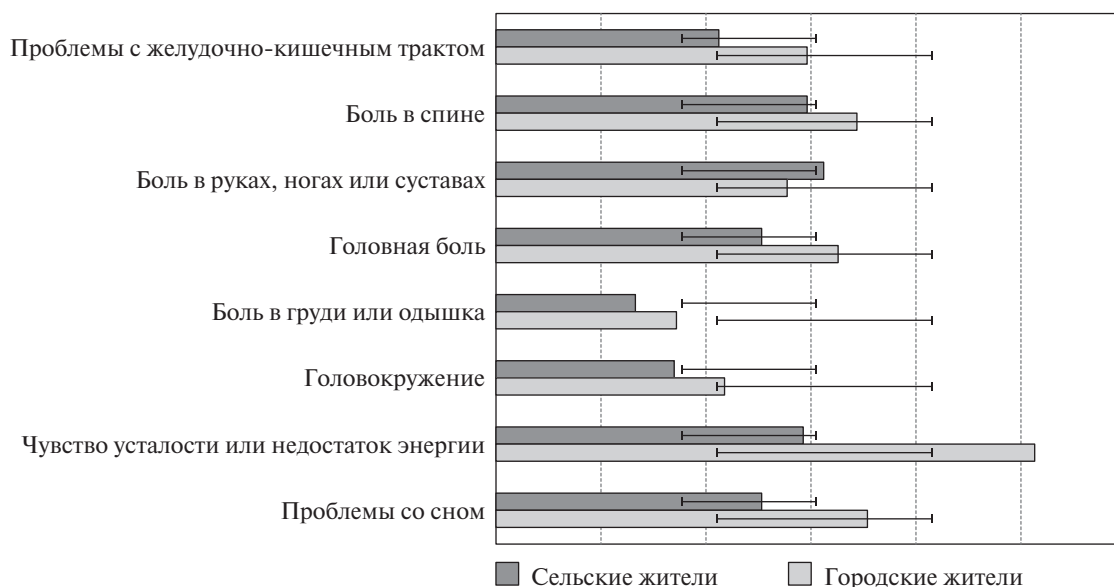
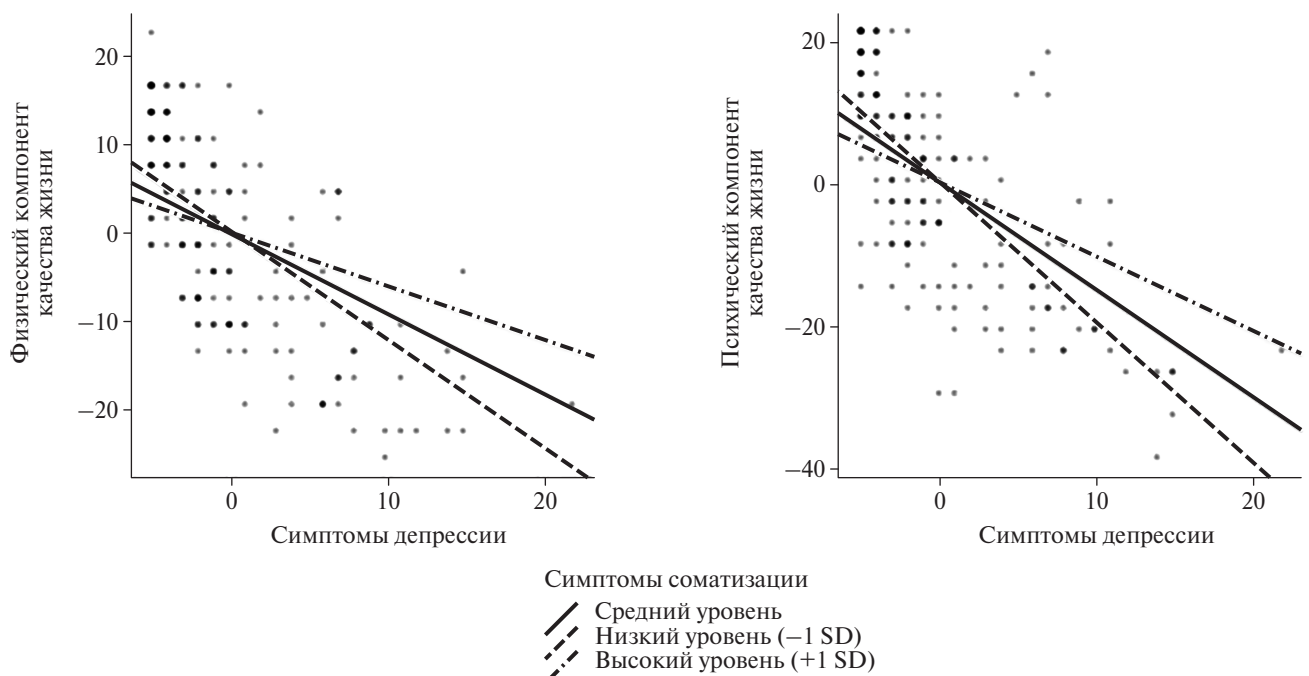

Рис. 1. Соматические симптомы у сельских и городских жителей России

Таблица 1. Факторы риска низкого качества жизни у сельских и городских жителей

Факторы риска	<i>B</i>	<i>SE</i>	β	<i>t</i>	<i>p</i>
<i>Факторы риска низкого физического компонента качества жизни у сельских жителей</i>					
Шаг 1					
Симптомы тревоги	-0.050	0.086	-0.050	-0.583	0.560
Симптомы депрессии	-0.277	0.091	-0.277	-3.037	0.003
Симптомы соматизации	-0.521	0.085	-0.521	-6.135	<0.001
Шаг 2					
Симптомы тревоги	-0.075	0.085	-0.075	-0.882	0.379
Симптомы депрессии	-0.376	0.095	-0.376	-3.950	<0.001
Симптомы соматизации	-0.500	0.083	-0.500	-6.022	<0.001
Симптомы депрессии × симптомы соматизации	0.142	0.048	0.173	2.938	0.004
<i>Факторы риска низкого психического компонента качества жизни у сельских жителей</i>					
Шаг 1					
Симптомы тревоги	-0.286	0.097	-0.286	-2.940	0.004
Симптомы депрессии	-0.370	0.103	-0.370	-3.596	<0.001
Симптомы соматизации	-0.131	0.096	-0.131	-1.369	0.173
Шаг 2					
Симптомы тревоги	-0.384	0.099	-0.384	-3.885	<0.001
Симптомы депрессии	-0.517	0.109	-0.517	-4.735	<0.001
Симптомы соматизации	-0.040	0.097	-0.040	-0.410	0.683
Симптомы тревоги × симптомы депрессии	0.161	0.049	0.241	3.305	0.001
<i>Факторы риска низкого физического компонента качества жизни у городских жителей</i>					
Симптомы тревоги	-0.034	0.117	-0.034	-0.291	0.771
Симптомы депрессии	-0.071	0.128	-0.071	-0.555	0.580
Симптомы соматизации	-0.501	0.114	-0.501	-4.400	<0.001
<i>Факторы риска низкого психического компонента качества жизни у городских жителей</i>					
Симптомы тревоги	0.043	0.125	0.043	0.347	0.729
Симптомы депрессии	-0.405	0.137	-0.405	-2.948	0.004
Симптомы соматизации	-0.153	0.122	-0.153	-1.256	0.211

Рис. 2. Эффекты взаимодействия симптомов депрессии и соматизации на физический компонент качества жизни у сельских жителей

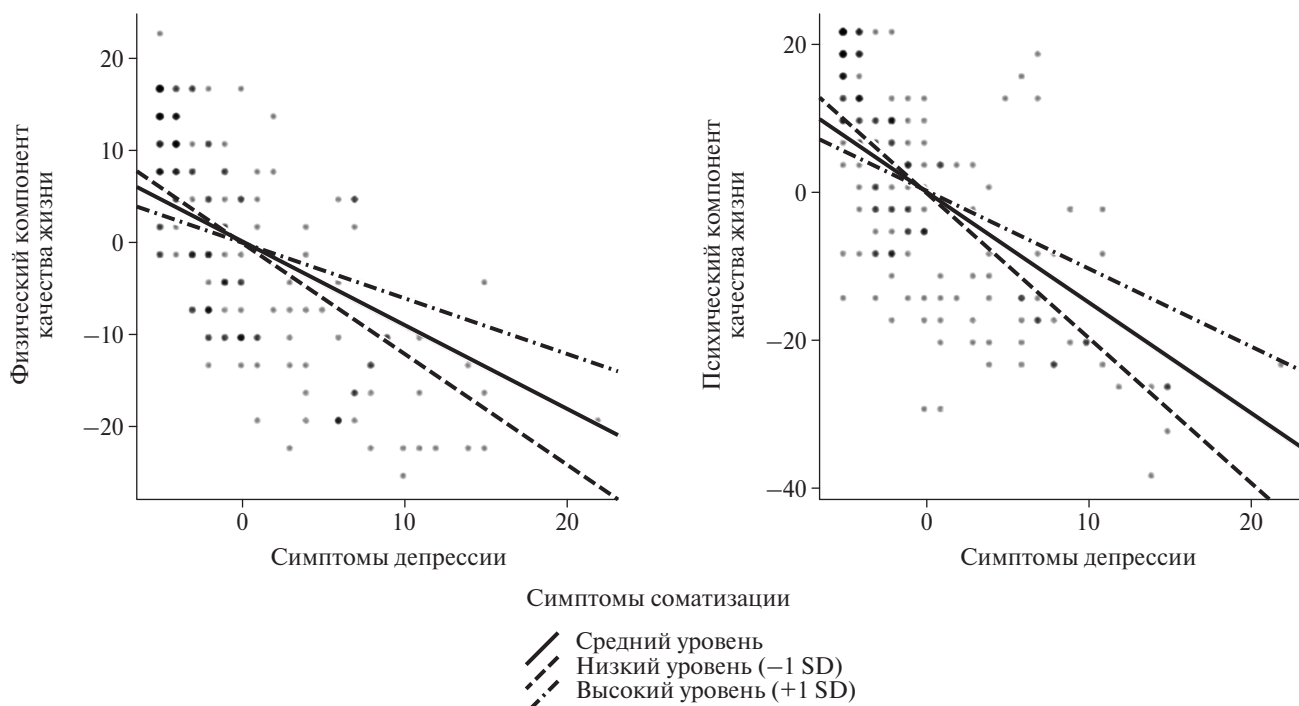

Рис. 3. Эффекты взаимодействия симптомов тревоги и депрессии на психический компонент качества жизни у сельских жителей и 53.4% городских жителей, тревожные симптомы — 17.1% сельских и 38.5% городских жителей, депрессивные симптомы — 19.6% сельских и 50.3% городских жителей. При этом соматические, тревожные и депрессивные симптомы были сильнее выражены у сельских жителей по сравнению с россиянами, проживающими в городских местностях. Данные закономерности полностью соответствуют более ранним выводам исследователей о прямой связи между урбанизацией и рисками для физического и психического здоровья городских жителей [5].

Второй вывод относится к тому, что как сельские, так и городские жители России в большей степени жалуются на физический, а не психический компонент качества жизни. Низкие показатели физического компонента качества жизни были обнаружены у 63.3% сельских и 68.9% городских жителей, а низкие показатели психического компонента качества жизни — у 17.7% сельских и 18.1% городских жителей. Отсутствие различий в субъективной оценке качества жизни между сельскими и городскими жителями ранее было подтверждено польскими исследователями [29], но опровергнуто их турецкими [23] и бразильскими [26] коллегами, что может быть связано с эмпирическими и этическими аспектами концепции качества жизни [14].

Третий вывод заключается в том, что соматизация и психологический дистресс по-разному

связаны с качеством жизни у сельских и городских жителей России. У сельских жителей факторами низкого физического компонента качества жизни являются симптомы депрессии и соматизации, а низкого психического компонента качества жизни — симптомы тревоги и депрессии. У городских жителей факторами низкого физического компонента качества жизни являются соматические симптомы, а низкого психического компонента качества жизни — депрессивные симптомы. Данные закономерности свидетельствуют в пользу того, что у сельских жителей связь между качеством жизни и психосоматическим статусом носит более сложный характер, чем в среде жителей городских местностей.

Настоящее исследование открывает перспективы, связанные как с поиском причин и последствий высокого уровня соматизации и психопатологизации россиян, так и с изучением различий в связи между качеством жизни и психосоматическим статусом у сельских и городских жителей России.

Высокая распространенность соматических, тревожных и депрессивных симптомов может быть обусловлена тем, что настоящее исследование было проведено в период пандемии COVID-19. Китайские исследователи обнаружили, что в период пандемии COVID-19 городские жители сообщали о больших симптомах тревоги и депрессии, чем сельские жители, причем эти различия были

опосредованы более высоким уровнем осведомленности о пандемии, в том числе о симптомах коронавирусной инфекции, ее лечении и прогнозах, способах заражения и профилактических мероприятиях [37]. В будущих исследованиях соматизации и психопатологизации российского общества необходимо учитывать эффекты пандемии COVID-19 и связанные с ними последствия физического, психологического и социоэкономического характера.

Различия в связи между качеством жизни и психосоматическим статусом определяют не только научный, но и практический потенциал будущих исследований. Современные специалисты утверждают, что дискуссия о роли урбанизации в ухудшении физического и психического здоровья нужна для социальной поддержки групп риска и развития здоровьесберегающей инфраструктуры городских учреждений [18]. Эта дискуссия также может стать дополнительным источником информации для разработки программ медицинской и психологической помощи населению.

ВЫВОДЫ

1. Городские жители (53.4%) испытывают более частые и интенсивные соматические симптомы, чем сельские жители (37.3%). В частности, городские жители чаще сообщают о проблемах с желудочно-кишечным трактом, головной боли, чувстве усталости или недостатке энергии, проблемах со сном.

2. Городские жители также чаще испытывают тревожные (38.5%) и депрессивные (50.3%) симптомы, чем сельские жители (17.1 и 19.6% соответственно).

3. При оценке качества жизни городские жители в большей степени жалуются на физическое (68.9%), чем на психическое (18.1%) здоровье. Аналогичная картина наблюдается у сельских жителей, среди которых большинство низко оценивают физическое (63.3%), но не психическое (17.7%) здоровье.

4. У сельских жителей связь между качеством жизни и психосоматическим статусом носит более сложный характер, чем в среде жителей городских местностей.

5. Результаты настоящего исследования нуждаются в дальнейших эмпирических испытаниях, после чего могут быть использованы для разработки программ медицинской и психологической помощи населению России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Золотарева А.А. Факторная структура русскоязычной версии шкалы соматических симптомов (Somatic Symptom Scale-8, SSS-8) // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 3. С. 8–20. DOI: 0.17759/cpp.2022300302
2. Лебедева А.А. Теоретические подходы и методологические проблемы изучения качества жизни в науках о человеке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 3–19.
3. Новик А.А., Ионова Т.И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
4. Batterham P.J., Kazan D., Banfield M., Brown K. Differences in mental health service use between urban and rural areas of Australia // Australian Psychologist. 2020. V. 55. № 4. P. 327–335. DOI: 10.1111/ap.12449
5. Chen J., Chen S., Landry P., Davis D. How Dynamics of Urbanization Affect Physical and Mental Health in Urban China // The China Quarterly. 2014. V. 220. P. 988–1011. DOI: 10.1017/S0305741014001465
6. Connolly C., Keil R., Ali S.H. Extended urbanisation and the spatialities of infectious disease: demographic change, infrastructure and governance // Urban Studies. 2021. V. 58. № 2. P. 245–263. DOI: 10.1177/0042098020910873
7. Duboz P., Boëtsch G., Gueye L., Macia E. Self-rated health in Senegal: a comparison between urban and rural areas // PLoS One. 2017. V. 12. № 9. e0184416. DOI: 10.1371/journal.pone.0184416
8. García-Campayo J., Ayuso-Mateos J.L., Caballero L., Romera I., Aragonés E., Rodríguez-Artalejo F., Quail D., Gilaberte I. Relationship of somatic symptoms with depression severity, quality of life, and health resources utilization in patients with major depressive disorder seeking primary health care in Spain // The Primary Care Companion to The Journal of Clinical Psychiatry. 2008. V. 10. № 5. P. 355–362. DOI: 10.4088/pcc.v10n0502
9. Gassasse Z., Smith D., Finer S., Gallo V. Association between urbanisation and type 2 diabetes: an ecological study // BMJ Global Health. 2017. V. 2. e000473. DOI: 10.1136/bmjgh-2017-000473
10. Gierk B., Kohlmann S., Kroenke K., Spangenberg L., Zenger M., Brähler E., Löwe B. The Somatic Symptom Scale-8 (SSS-8): a brief measure of somatic symptom burden // JAMA Internal Medicine. 2014. V. 174. № 3. P. 399–407. DOI: 10.1001/jamainternmed.2013.12179
11. Guo B., Xie X., Wu Q., Zhang X., Cheng H., Tao S., Quan H. Inequality in the health services utilization in rural and urban China. A horizontal inequality analysis // Medicine. 2020. V. 99. № 2. E18625. DOI: 10.1097/MD.00000000000018625
12. Hu L.T., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: conventional criteria versus

- new alternatives // *Structural Equation Modeling*. 1999. V. 6. № 1. P. 1–55. DOI: 10.1080/10705519909540118
13. *Hui L.* Quantifying the effects of aging and urbanization on major gastrointestinal diseases to guide preventative strategies // *BMC Gastroenterology*. 2018. V. 18. P. 145. DOI: 10.1186/s12876-018-0872-1
14. *Jenaro C., Verdugo M.A., Caballo C., Balboni G., Lachapelle Y., Otrebski W., Schalock R.L.* Cross-cultural study of person-centred quality of life domains and indicators: a replication // *Journal of Intellectual Disability Research*. 2005. V. 49. № 10. P. 734–739. DOI: 10.1111/j.1365-2788.2005.00742.x
15. *Johnson S.U., Ulvenes P.G., Øktedalen T., Hoffart A.* Psychometric properties of the General Anxiety Disorder 7-item (GAD-7) scale in a heterogeneous psychiatric sample // *Frontiers in Psychology*. 2019. V. 10. P. 1713. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01713
16. *Kline P.* *Handbook of Psychological Testing*. 2nd ed. L.: Routledge, 1999.
17. *Kroenke K., Spitzer R.L., Williams J.B.W.* The PHQ-9. Validity of a brief depression severity measure // *Journal of General Internal Medicine*. 2001. V. 16. № 9. P. 606–613. DOI: 10.1046/j.1525-1497.2001.016009606.x
18. *Kuddus M.A., Tynan E., McBryde E.* Urbanization: a problem for the rich and the poor? // *Public Health Reviews*. 2020. V. 41. P. 1. DOI: 10.1186/s40985-019-0116-0
19. *Levis B., Sun Y., He C., Wu Y., Krishnan A., Bhandari P.M., Neupane D., Imran M., Brehaut E., Negeri Z., Fischer F.H., Benedetti A., Thombs B.D.* Depression Screening Data (DEPRESSD) PHQ Collaboration. Accuracy of the PHQ-2 alone and in combination with the PHQ-9 for screening to detect major depression: systematic review and meta-analysis // *JAMA*. 2020. V. 323. № 22. P. 2290–2300. DOI: 10.1001/jama.2020.6504
20. *Liao S.-C., Ma H.-M., Lin Y.-L., Huang W.-L.* Functioning and quality of life in patients with somatic symptom disorder: the association with comorbid depression // *Comprehensive Psychiatry*. 2019. V. 90. P. 88–94. DOI: 10.1016/j.comppsy.2019.02.004
21. *Mahrer N.E., Montaña Z., Gold J.I.* Relations between anxiety sensitivity, somatization, and health-related quality of life in children with chronic pain // *Journal of Pediatric Psychology*. 2012. V. 37. № 7. P. 808–816. DOI: 10.1093/jpepsy/jss054
22. *Miele C.H., Jaganath D., Miranda J.J., Bernabe-Ortiz A., Gilman R.H., Johnson C.M., Diette G.B., Wise R.A., Checkley W.* CRONICAS Cohort Study Group. Urbanization and daily exposure to biomass fuel smoke both contribute to chronic bronchitis risk in a population with low prevalence of daily tobacco smoking // *COPD: Journal of Chronic Obstructive Pulmonary Disease*. 2016. V. 13. № 2. P. 186–195. DOI: 10.3109/15412555.2015.1067765
23. *Oguzturk O.* Differences in quality of life in rural and urban populations // *Clinical and Investigative Medicine*. Médecine Clinique et Experimentale. 2008. V. 31. № 6. P. 346–350. DOI: 10.25011/cim.v31i6.4920
24. *Onuh J.C., Mbah P.O., Ajaero C.K., Orjiakor C.T., Igboeli E.E., Ayogu C.K.* Rural-urban appraisal of the prevalence and factors of depression status in South Africa // *Journal of Affective Disorder Reports*. 2021. V. 4. ID 100082. DOI: 10.1016/j.jadr.2021.100082
25. *Pinchoff J., Mills C.W., Balk D.* Urbanization and health: The effects of the built environment on chronic disease risk factors among women in Tanzania // *PLoS One*. 2020. V. 15. № 11. e0241810. DOI: 10.1371/journal.pone.0241810
26. *Ribeiro C.G., Ferretti F.S., Clodoaldo A.* Quality of life based on level of physical activity among elderly residents of urban and rural areas // *Revista Brasileira de Geriatria e Gerontologia*. 2017. V. 20. № 3. P. 330–339. DOI: 10.1590/1981-22562017020.160110
27. *Sepp T., Ujvari B., Ewald P.W., Thomas F., Giraudeau M.* Urban environment and cancer in wildlife: available evidence and future research avenues // *Proceedings of the Royal Society. Biological Sciences*. 2019. V. 286. ID 20182434. DOI: 10.1098/rspb.2018.2434
28. *Shi L., Wu F., Ye L., Zhu G., Lu Z., Liu Y.* Psychometric evaluation of somatic and psychological health report: a sample from Chinese adolescents // *Twin Research and Human Genetics*. 2017. V. 20. № 2. P. 147–149. DOI: 10.1017/thg.2017
29. *Sompolska-Rzechula A., Kurdys-Kujawska A.* Quality of life of rural and urban population in Poland: evaluation and comparison // *European Research Studies Journal*. 2020. V. 23. № 3. P. 645–656. DOI: 10.35808/ersj/1660
30. *Spitzer R.L., Kroenke K., Williams J.B.W., Löwe B.* A brief measure for assessing generalized anxiety disorder: the GAD-7 // *Archives of Internal Medicine*. 2006. V. 166. № 10. P. 1092–1097. DOI: 10.1001/archinte.166.10.1092
31. *Swartz M., Landerman R., Blazer D., George L.* Somatization symptoms in the community: a rural/urban comparison // *Psychosomatics*. 1989. V. 30. № 1. P. 44–53. DOI: 10.1016/S0033-3182(89)72316-1
32. *Tobiasz-Adamczyk B., Zawisza K.* Urban-rural differences in social capital in relation to self-rated health and subjective well-being in older residents of six regions in Poland // *Annals of Agricultural and Environmental Medicine*. 2017. V. 24. № 2. P. 162–170. DOI: 10.26444/aaem/74719
33. *Ventriglio A., Torales J., Castaldelli-Maia J.M., De Berardis D., Bhugra D.* Urbanization and emerging mental health issues // *CNS Spectrums*. 2021. V. 26. № 1. P. 43–50. DOI: 10.1017/S1092852920001236
34. *Ware J., Kosinski M., Keller S.* *SF-12: how to score the SF-12 physical and mental summary scales*. 2nd ed. Boston, MA: The Health Institute, New England Medical Center, 1995.
35. *Willis C., Chalder T.* Concern for COVID-19 cough, fever and impact on mental health. What about risk of Somatic Symptom Disorder? // *Journal of Mental Health*.

2021. V. 30. № 5. P. 551–555. DOI: 10.1080/09638237.2021.1875418
36. Wuorela M., Lavonius S., Salminen M., Vahlberg T., Viitanen M., Viikari L. Self-rated health and objective health status as predictors of all-cause mortality among older people: a prospective study with a 5-, 10-, and 27-year follow-up // *BMC Geriatrics*. 2020. V. 20. P. 120. DOI: 10.1186/s12877-020-01516-9
37. Zhang J., Zhu L., Li S., Huang J., Ye Z., Wei Q., Du C. Rural-urban disparities in knowledge, behaviors, and mental health during COVID-19 pandemic: a community-based cross-sectional survey // *Medicine*. 2021. V. 100. № 13. E25207. DOI: 10.1097/MD.00000000000025207
38. Zhang N. Urban-rural disparities in cardiovascular disease risks among middle-aged and older Chinese: two decades of urbanisation // *Ageing and Society*. 2020. V. 40. P. 1405–1427. DOI: 10.1017/S0144686X18001794

SOMATIZATION, PSYCHOLOGICAL DISTRESS, AND QUALITY OF LIFE IN RURAL AND URBAN RUSSIANS

A. A. Zolotareva^{1,2,*}, O. V. Smirnikova^{3,**}, J. S. Vitko^{1,***}

¹HSE University;

101000, Moscow, 20, Myasnitskaya str., Russia.

²South Ural State University (National Research University);

454080, Lenin av., 76, Chelyabinsk, Russia.

³I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University);

119991, Moscow, Trubetskaya str., 8, p. 2, Russia.

*PhD in Psychology, Associate Professor, School of Psychology, HSE University;

Head of the Laboratory of Psychosomatic Medicine, Russian-Chinese Education

and Research Center of System Pathology, South Ural State University.

E-mail: alena.a.zolotareva@gmail.com

**PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Pedagogy and Medical Psychology.

E-mail: smirnikova_o_v@staff.sechenov.ru

***Research Assistant, School of Psychology.

E-mail: uliyvitko18@gmail.com

Received 11.04.2022

Abstract. The aim of this study was to examine symptoms of anxiety, depression, and somatization as potential risk factors for poor quality of life among rural and urban Russians. The participants were 319 rural ($N = 158$) and urban ($N = 161$) residents who completed measures assessing somatization, anxiety, depression, and health-related quality of life. Results showed that urban residents experienced more frequent and intense somatization (53.4% vs. 37.3%), anxiety (38.5% vs. 17.1%), and depressive symptoms (50.3% vs. 19.6%) than did rural residents. Both urban and rural residents complained equally about physical health (68.9% vs. 63.3%), but not mental health (18.1% vs. 17.7%). The relationship between quality of life and psychosomatic status is more complex among rural residents than among urban residents, as it depends on more potential risk factors. In conclusion, these patterns need further empirical testing, after which they can be used to develop medical and psychological assistance programs for the Russian population.

Keywords: somatization, psychological distress, quality of life, rural residents, urban residents, psychosomatic medicine, Russia

REFERENCES

1. Zolotareva A.A. Faktornaja struktura russkojazyčnoj versii shkaly somaticheskix simptomov (Somatic Symptom Scale-8, SSS-8). Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija. 2022. V. 30. № 3. P. 8–20. DOI: 0.17759/cpp.2022300302 (In Russian).
2. Lebedeva A.A. Teoreticheskie podhody i metodologicheskie problemy izuchenija kachestva zhizni v naukah o cheloveke. Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2012. V. 9. № 2. P. 3–19. (In Russian).
3. Novik A.A., Ionova T.I. Rukovodstvo po issledovaniju kachestva zhizni v medicine. Moscow: OLMA-PRESS, 2002. (In Russian).

4. *Batterham P.J., Kazan D., Banfield M., Brown K.* Differences in mental health service use between urban and rural areas of Australia. *Australian Psychologist*. 2020. V. 55. № 4. P. 327–335. DOI: 10.1111/ap.12449
5. *Chen J., Chen S., Landry P., Davis D.* How Dynamics of Urbanization Affect Physical and Mental Health in Urban China. *The China Quarterly*. 2014. V. 220. P. 988–1011. DOI: 10.1017/S0305741014001465
6. *Connolly C., Keil R., Ali S.H.* Extended urbanisation and the spatialities of infectious disease: demographic change, infrastructure and governance. *Urban Studies*. 2021. V. 58. № 2. P. 245–263. DOI: 10.1177/0042098020910873
7. *Duboz P., Boëtsch G., Gueye L., Macia E.* Self-rated health in Senegal: a comparison between urban and rural areas. *PLoS One*. 2017. V. 12. № 9. e0184416. DOI: 10.1371/journal.pone.0184416
8. *García-Campayo J., Ayuso-Mateos J.L., Caballero L., Romera I., Aragonés E., Rodríguez-Artalejo F., Quail D., Gilaberte I.* Relationship of somatic symptoms with depression severity, quality of life, and health resources utilization in patients with major depressive disorder seeking primary health care in Spain. *The Primary Care Companion to The Journal of Clinical Psychiatry*. 2008. V. 10. № 5. P. 355–362. DOI: 10.4088/pcc.v10n0502
9. *Gassasse Z., Smith D., Finer S., Gallo V.* Association between urbanisation and type 2 diabetes: an ecological study. *BMJ Global Health*. 2017. V. 2. e000473. DOI: 10.1136/bmjgh-2017-000473
10. *Gierk B., Kohlmann S., Kroenke K., Spangenberg L., Zenger M., Brähler E., Löwe B.* The Somatic Symptom Scale-8 (SSS-8): a brief measure of somatic symptom burden. *JAMA Internal Medicine*. 2014. V. 174. № 3. P. 399–407. DOI: 10.1001/jamainternmed.2013.12179
11. *Guo B., Xie X., Wu Q., Zhang X., Cheng H., Tao S., Quan H.* Inequality in the health services utilization in rural and urban China. A horizontal inequality analysis. *Medicine*. 2020. V. 99. № 2. E18625. DOI: 10.1097/MD.00000000000018625
12. *Hu L.T., Bentler P.M.* Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling*. 1999. V. 6. № 1. P. 1–55. DOI: 10.1080/10705519909540118
13. *Hui L.* Quantifying the effects of aging and urbanization on major gastrointestinal diseases to guide preventative strategies. *BMC Gastroenterology*. 2018. V. 18. P. 145. DOI: 10.1186/s12876-018-0872-1
14. *Jenaro C., Verdugo M.A., Caballo C., Balboni G., Lachapelle Y., Otrebski W., Schalock R.L.* Cross-cultural study of person-centred quality of life domains and indicators: a replication. *Journal of Intellectual Disability Research*. 2005. V. 49. № 10. P. 734–739. DOI: 10.1111/j.1365-2788.2005.00742.x
15. *Johnson S.U., Ulvenes P.G., Øktedalen T., Hoffart A.* Psychometric properties of the General Anxiety Disorder 7-item (GAD-7) scale in a heterogeneous psychiatric sample. *Frontiers in Psychology*. 2019. V. 10. P. 1713. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01713
16. *Kline P.* *Handbook of Psychological Testing*. 2nd ed. London: Routledge, 1999.
17. *Kroenke K., Spitzer R.L., Williams J.B.W.* The PHQ-9. Validity of a brief depression severity measure. *Journal of General Internal Medicine*. 2001. V. 16. № 9. P. 606–613. DOI: 10.1046/j.1525-1497.2001.016009606.x
18. *Kuddus M.A., Tynan E., McBryde E.* Urbanization: a problem for the rich and the poor? *Public Health Reviews*. 2020. V. 41. P. 1. DOI: 10.1186/s40985-019-0116-0
19. *Levis B., Sun Y., He C., Wu Y., Krishnan A., Bhandari P.M., Neupane D., Imran M., Brehaut E., Negeri Z., Fischer F.H., Benedetti A., Thoms B.D.* Depression Screening Data (DEPRESSD) PHQ Collaboration. Accuracy of the PHQ-2 alone and in combination with the PHQ-9 for screening to detect major depression: systematic review and meta-analysis. *JAMA*. 2020. V. 323. № 22. P. 2290–2300. DOI: 10.1001/jama.2020.6504
20. *Liao S.-C., Ma H.-M., Lin Y.-L., Huang W.-L.* Functioning and quality of life in patients with somatic symptom disorder: the association with comorbid depression. *Comprehensive Psychiatry*. 2019. V. 90. P. 88–94. DOI: 10.1016/j.comppsy.2019.02.004
21. *Mahrer N.E., Montañó Z., Gold J.I.* Relations between anxiety sensitivity, somatization, and health-related quality of life in children with chronic pain. *Journal of Pediatric Psychology*. 2012. V. 37. № 7. P. 808–816. DOI: 10.1093/jpepsy/jss054
22. *Miele C.H., Jaganath D., Miranda J.J., Bernabe-Ortiz A., Gilman R.H., Johnson C.M., Diette G.B., Wise R.A., Checkley W.* CRONICAS Cohort Study Group. Urbanization and daily exposure to biomass fuel smoke both contribute to chronic bronchitis risk in a population with low prevalence of daily tobacco smoking. *COPD: Journal of Chronic Obstructive Pulmonary Disease*. 2016. V. 13. № 2. P. 186–195. DOI: 10.3109/15412555.2015.1067765
23. *Oguzturk O.* Differences in quality of life in rural and urban populations. *Clinical and Investigative Medicine. Médecine Clinique et Experimentale*. 2008. V. 31. № 6. P. 346–350. DOI: 10.25011/cim.v31i6.4920
24. *Onuh J.C., Mbah P.O., Ajaero C.K., Orjiakor C.T., Igboeli E.E., Ayogu C.K.* Rural-urban appraisal of the prevalence and factors of depression status in South Africa. *Journal of Affective Disorder Reports*. 2021. V. 4. ID 100082. DOI: 10.1016/j.jadr.2021.100082
25. *Pinchoff J., Mills C.W., Balk D.* Urbanization and health: The effects of the built environment on chronic disease risk factors among women in Tanzania. *PLoS ONE*. 2020. V. 15. № 11. e0241810. DOI: 10.1371/journal.pone.0241810
26. *Ribeiro C.G., Ferretti F.S., Clodoaldo A.* Quality of life based on level of physical activity among elderly residents of urban and rural areas. *Revista Brasileira de Geriatria*

- e Gerontologia. 2017. V. 20. № 3. P. 330–339. DOI: 10.1590/1981-22562017020.160110
27. *Sepp T., Ujvari B., Ewald P.W., Thomas F., Giraudeau M.* Urban environment and cancer in wildlife: available evidence and future research avenues. Proceedings of the Royal Society. Biological Sciences. 2019. V. 286. ID 20182434. DOI: 10.1098/rspb.2018.2434
 28. *Shi L., Wu F., Ye L., Zhu G., Lu Z., Liu Y.* Psychometric evaluation of somatic and psychological health report: a sample from Chinese adolescents. Twin Research and Human Genetics. 2017. V. 20. № 2. P. 147–149. DOI: 10.1017/thg.2017
 29. *Sompolska-Rzechula A., Kurdys-Kujawska A.* Quality of life of rural and urban population in Poland: evaluation and comparison. European Research Studies Journal. 2020. V. 23. № 3. P. 645–656. DOI: 10.35808/ersj/1660
 30. *Spitzer R.L., Kroenke K., Williams J.B.W., Löwe B.* A brief measure for assessing generalized anxiety disorder: the GAD-7. Archives of Internal Medicine. 2006. V. 166. № 10. P. 1092–1097. DOI: 10.1001/archinte.166.10.1092.
 31. *Swartz M., Landerman R., Blazer D., George L.* Somatization symptoms in the community: a rural/urban comparison. Psychosomatics. 1989. V. 30. № 1. P. 44–53. DOI: 10.1016/S0033-3182(89)72316-1
 32. *Tobiasz-Adamczyk B., Zawisza K.* Urban-rural differences in social capital in relation to self-rated health and subjective well-being in older residents of six regions in Poland. Annals of Agricultural and Environmental Medicine. 2017. V. 24. № 2. P. 162–170. DOI: 10.26444/aaem/74719
 33. *Ventriglio A., Torales J., Castaldelli-Maia J.M., De Berardis D., Bhugra D.* Urbanization and emerging mental health issues. CNS Spectrums. 2021. V. 26. № 1. P. 43–50. DOI: 10.1017/S1092852920001236
 34. *Ware J., Kosinski M., Keller S.* SF-12: how to score the SF-12 physical and mental summary scales. 2nd ed. Boston, MA: The Health Institute, New England Medical Center, 1995.
 35. *Willis C., Chalder T.* Concern for COVID-19 cough, fever and impact on mental health. What about risk of Somatic Symptom Disorder? Journal of Mental Health. 2021. V. 30. № 5. P. 551–555. DOI: 10.1080/09638237.2021.1875418
 36. *Wuorela M., Lavonius S., Salminen M., Vahlberg T., Viitanen M., Viikari L.* Self-rated health and objective health status as predictors of all-cause mortality among older people: a prospective study with a 5-, 10-, and 27-year follow-up. BMC Geriatrics. 2020. V. 20. P. 120. DOI: 10.1186/s12877-020-01516-9
 37. *Zhang J., Zhu L., Li S., Huang J., Ye Z., Wei Q., Du C.* Rural-urban disparities in knowledge, behaviors, and mental health during COVID-19 pandemic: a community-based cross-sectional survey. Medicine. 2021. V. 100. № 13. E25207. DOI: 10.1097/MD.00000000000025207
 38. *Zhang N.* Urban-rural disparities in cardiovascular disease risks among middle-aged and older Chinese: two decades of urbanization. Ageing and Society. 2020. V. 40. P. 1405–1427. DOI: 10.1017/S0144686X18001794

УДК 159.9.019

ЦИТИРУЕМОСТЬ “ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА” В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЕДУЩИХ МИРОВЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ

© 2022 г. А. Н. Моргун^{1,*}, Ю. Н. Олейник^{2,**}, А. Л. Журавлев^{3,***}

¹ФГАОУ ВО Российский национальный исследовательский медицинский университет
им. Н.И. Пирогова Минздрава России;

117997, г. Москва, ул. Островитянова, д. 1, Россия.

²АНО ВО “Московский гуманитарный университет”;

111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5, Россия.

³Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Кандидат психологических наук, доцент кафедры организации профессионального образования и образовательных технологий факультета дополнительного профессионального образования.

E-mail: an_morgun@mail.ru

**Кандидат психологических наук, заведующий кафедрой общей, социальной психологии и истории психологии.

E-mail: yurii03@mail.ru

***Академик РАН, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель Института психологии РАН.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Поступила 12.09.2022

Аннотация. В статье анализируются ключевые наукометрические показатели, связанные с цитируемостью ведущего отечественного отраслевого периодического издания — “Психологического журнала”: импакт-фактор издания, средняя цитируемость статей по тематическим направлениям, индекс Хирша и др. Выявляется отраслевая структура цитируемости “Психологического журнала”, а также география цитируемости публикаций издания. Рассматривается публикационная продуктивность и цитируемость тематических направлений, поддерживаемых журналом в международном информационном пространстве ведущих мировых научных изданий. Делается вывод о наиболее востребованных (цитируемых) научных направлениях “Психологического журнала”, подчеркивается его междисциплинарный статус.

Ключевые слова: “Психологический журнал”, наукометрия, библиометрия, цитируемость, импакт-фактор, научные тематические направления.

DOI: 10.31857/S020595920023650-1

ВВЕДЕНИЕ

Научные периодические издания исторически являются основными информационными площадками научной коммуникации. При этом авторитет издания складывается из многих факторов, среди которых традиционно выделяются следующие: авторский корпус, учреждения, чьи авторы публикуются в издании, проблематика, рассматриваемая в исследованиях, ее решения, а также ведомственная принадлежность издательства. Такова конвенциональная характеристика влиятельности журнала, основанная на экспертном суждении.

В настоящее время конвенциональный подход к оценке деятельности журнала дополняет подход с использованием формальных показателей научной результативности, основанный на библиометрических и наукометрических показателях. Отметим, что подход с использованием формальных критериев является именно дополняющим традиционный экспертный и представляет собой инструментальный, позволяющий структурировать большой объем информации, полученной в том числе для целей качественной интерпретации развития научных отраслей, направлений, тем исследования, оценки мировых научных трендов.

Востребованность формального подхода к оценке научных периодических изданий обусловлена также их включенностью в общемировой поток научной информации, представленный на сегодняшний день колоссальным объемом периодических, единовременных научных изданий.

Ключевым показателем эффективности при формальной оценке публикационной активности является цитируемость публикаций. Цитируемость публикаций журнала, в свою очередь, выражает меру востребованности научной информации, размещаемой журналом и, соответственно, определяет меру его научного качества. В настоящее время различные информационные системы, осуществляющие мониторинг (индексирование) ссылок между публикациями, позволяют формировать рейтинги научных изданий по критерию их цитируемости. Ввиду наличия жестких критериев для включения журналов в индексирование в рамках этих информационных систем, а также отслеживания публикационной активности журналов, вошедших в индексацию в текущем временном режиме, эти системы служат, в свою очередь, критерием достоверности и надежности научной информации, попадающей под индексирование.

Цель настоящего исследования — изучение и анализ функционирования отраслевого научного журнала на основе показателей его цитируемости в международном информационном пространстве научных изданий. Исследование проводилось на примере “Психологического журнала” — одного из старейших периодических научных изданий по психологии в нашей стране.

МЕТОДИКА

В нашем исследовании при рассмотрении цитируемости “Психологического журнала” рассматривались ссылки на журнал из изданий, охваченных пространством информационной системы Web of Science, индексирующей на момент проведения около 20 тыс. научных периодических изданий.

Как отмечалось в нашей работе [6], одной из наиболее сложных задач наукометрических исследований является задача формирования эмпирической базы исследования, а именно опора на репрезентативный массив источников, в полной мере представляющий исследуемый объект: научное направление, тему, отрасль и др. В отношении научного периодического издания эта проблема не кажется такой острой — эмпирическое пространство исследования четко ограничено определенным корпусом публикаций, выпущенных

изданием за исследуемый период. Однако опыт исследования показывает, что не любая информационная система содержит сведения о научном периодическом издании в исчерпывающей полноте. С другой стороны, необходимость учета ссылок на исследуемый массив публикаций в наукометрическом исследовании не позволяет формировать эмпирическую базу исследования вне информационных систем, индексирующих публикации. Таким образом, наукометрическое исследование научного периодического издания в эмпирическом аспекте ограничено представленностью публикаций в той или иной информационной системе, степенью полноты корпуса.

Как ни странно, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) не предоставляет возможности полного и всестороннего исследования публикационной активности “Психологического журнала”. За весь период существования издания с 1980 г. “Психологическим журналом” был выпущен 41 том², или 246 номеров, с более чем 4500 публикаций. В РИНЦ на указанный момент времени было представлено не более 2500 публикаций, хотя присутствует полный перечень томов и номеров. Некоторые номера до 2000 г. представлены 2–3 публикациями. Вызывает множество вопросов такая избирательность в выборе публикации для размещения в РИНЦ. Исходя из этого РИНЦ не позволяет представить даже приблизительную картину публикационной активности журнала ни в наукометрическом, ни в библиометрическом аспектах.

Международная наукометрическая база Scopus также не предоставляет возможности полномасштабного наукометрического и библиометрического исследования анализируемого издания: в данной базе “Психологический журнал” представлен публикациями 1984 г., и с 1996 г. по настоящее время, но также избирательно. В общей сложности Scopus индексирует (на конец 2020 г.) всего 1635 публикаций “Психологического журнала”.

В сравнении с указанными информационными системами (индексами) международная информационная платформа Web of Science (WoS) дает наиболее полную картину: на платформе представлены все номера “Психологического журнала” со всеми публикациями за все годы, но с ограничением глубины архива до 1983 г. включительно. Таким образом, информационные потери включают в себя публикации 1980–1982 гг. Кроме того, международная информационная платформа WoS в формировании наукометрических показателей

² На 1 февраля 2021 г.

учитывает ссылки только из источников, индексируемых платформой³. Основной массив изданий, входящих в индексацию WoS, — англоязычные журналы и книжные серии. В этой связи рассмотрение наукометрических показателей “Психологического журнала” в международном информационном научном пространстве наряду с англоязычными профильными изданиями потребовало бы использования взвешенных показателей, которых в отношении разноязычных изданий на сегодняшний момент нет. Поэтому наукометрические показатели, используемые в данном исследовании, будут применяться для сравнения параметров внутри издания.

“Психологический журнал” ранее уже был в фокусе научного рассмотрения. Исследованию представленности различных научных тематик в “Психологическом журнале” посвящен ряд работ [1–4]. Однако анализ цитируемости журнала в международном информационном пространстве научных изданий проводится впервые.

Для проведения исследования был сформирован поисковый запрос “PSIKHOLOGICHESKII ZHURNAL” в информационной платформе Web of Science Core Collection в разделе “Источники”, в результате которого был получен массив общим количеством 4015 публикаций⁴, вышедших в “Психологическом журнале” за период с 1983 по 2020 г. включительно и проиндексированных платформой.

В исследовании использовались следующие наукометрические показатели: импакт-фактор; количество публикаций; суммарное цитирование; среднее цитирование; индекс Хирша. Подробное описание используемых методов представлено нами в отдельной публикации [5].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Динамика цитируемости “Психологического журнала” за рассматриваемый период (1983–2020 гг.) показывает линейный прирост цитирования публикаций журнала в информационном пространстве WoS за последние 20 лет (рис. 1). При этом обращает на себя внимание тот факт, что после 1997 г. журнал стал публиковать меньше работ в номере: до 1996 г. в среднем выходило 21–23 публикации в номере, после 1997 г. — 16–18 пуб-

ликаций в номере, в течение последних пяти лет журнал выпускает 13–14 публикаций в номере.

Среднее число цитирований публикаций “Психологического журнала” за весь рассматриваемый период составляет 1.45 на одну публикацию. Одним из основных конкурентных показателей публикационной активности периодического издания является его импакт-фактор. Текущий импакт-фактор “Психологического журнала” (за 2020 г.) в рейтинге ведущих мировых научных журналов (Journal Citation Reports) составляет 0.548. Журнал занимает 132-е место из 140 журналов, индексируемых в категории “Psychology, Multidisciplinary” информационной платформы WoS. Из восьми отечественных журналов, входящих в индексацию WoS в указанной категории, “Психологический журнал” — единственный, для которого на момент 2020 г. рассчитывается показатель влияния (импакт-фактор). На рис. 2 представлена динамика изменения импакт-фактора “Психологического журнала” за период с 2001 по 2020 г.

Значительный прирост показателя импакт-фактора с 2017 г. объясняется включением в индексацию на платформе WoS российских журналов, в основном и обеспечивающих цитируемость “Психологического журнала” в международном информационном пространстве, охватываемом WoS. Так, в частности, на конец 2021 г. в WoS индексируется 14 журналов, входящих в индексацию по психологическим категориям, 12 из них включены в индексацию после 2015 г.

Обращает на себя внимание нулевой показатель импакт-фактора в 2014 г., свидетельствующий об отсутствии цитирования публикаций журнала из иных, чем сам “Психологический журнал”, источников. Так как до 2015 г. цитируемость “Психологического журнала” в информационном пространстве WoS обеспечивалась в основном иностранными изданиями, то отсутствие цитирований в 2014 г. актуальных на тот момент публикаций обнаруживает связь этого факта с геополитическими событиями в мире и нашей стране, происшедшими в 2014 г. Кстати, аналогичная картина наблюдается и в отношении журнала “Вопросы психологии” и других отечественных журналов⁵, входящих в индексацию WoS.

⁵ Резкое снижение цитируемости в 2014 г. наблюдается в следующих отечественных изданиях из информационного пространства Web of Science: “Терапевтический архив”, “Кардиология”, “Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова”, “Журнал общей биологии”, “Социологические исследования” и др. Примечательно, что указанное наблюдение коснулось только тех отечественных журналов, чьи издательства локализованы в Российской Федерации.

³ На момент исследования таких источников было не более 20 тыс. периодических изданий.

⁴ На момент февраля 2021 г. Полученный массив включал в себя публикации с 1983 по 2020 г. включительно.

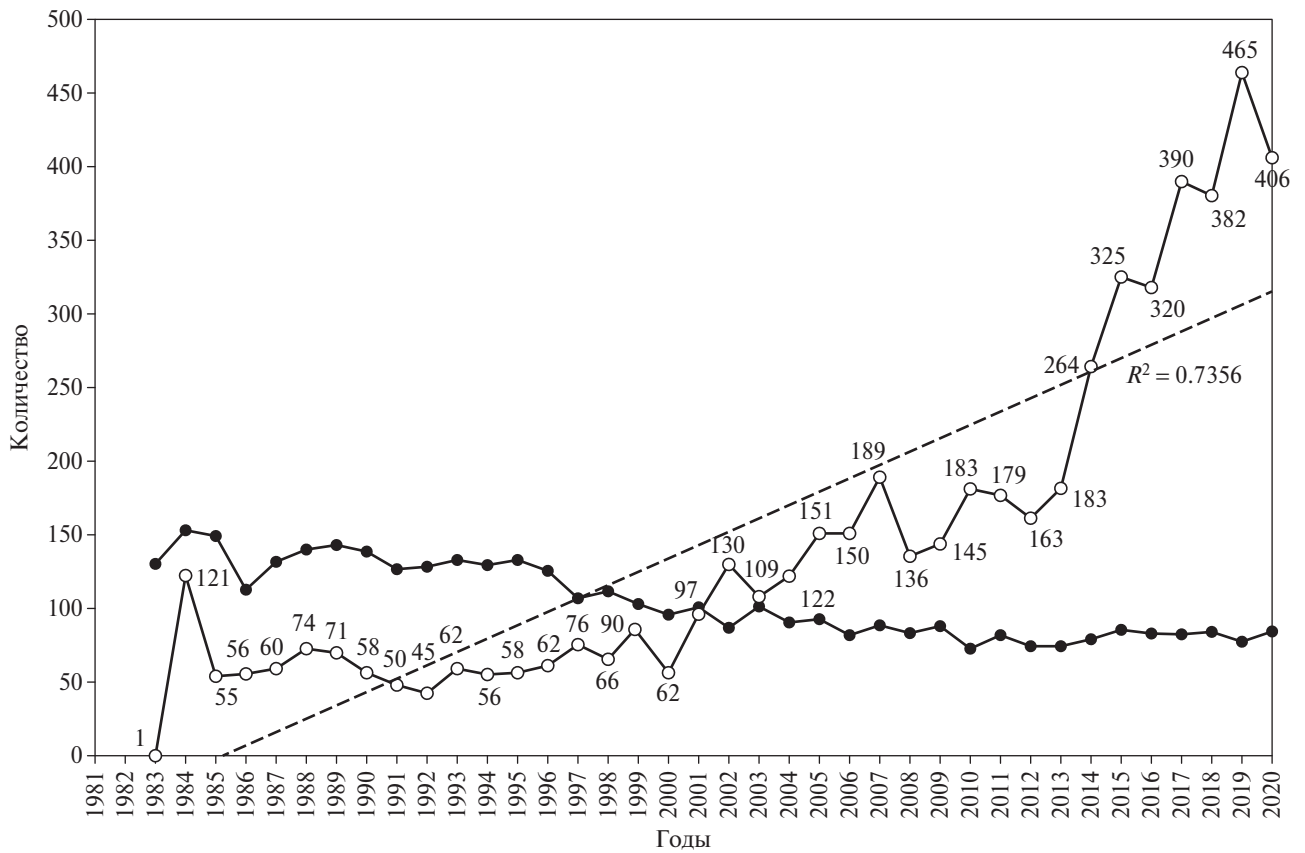

Рис. 1. Диаграмма публикационной продуктивности/цитируемости “Психологического журнала” за период с 1983 по 2020 г. Линия диаграммы с черным маркером — количество публикаций в год; линия диаграммы с белым маркером — количество цитирований, полученных более ранними публикациями в указанном году. Пунктирная линия — линия тренда

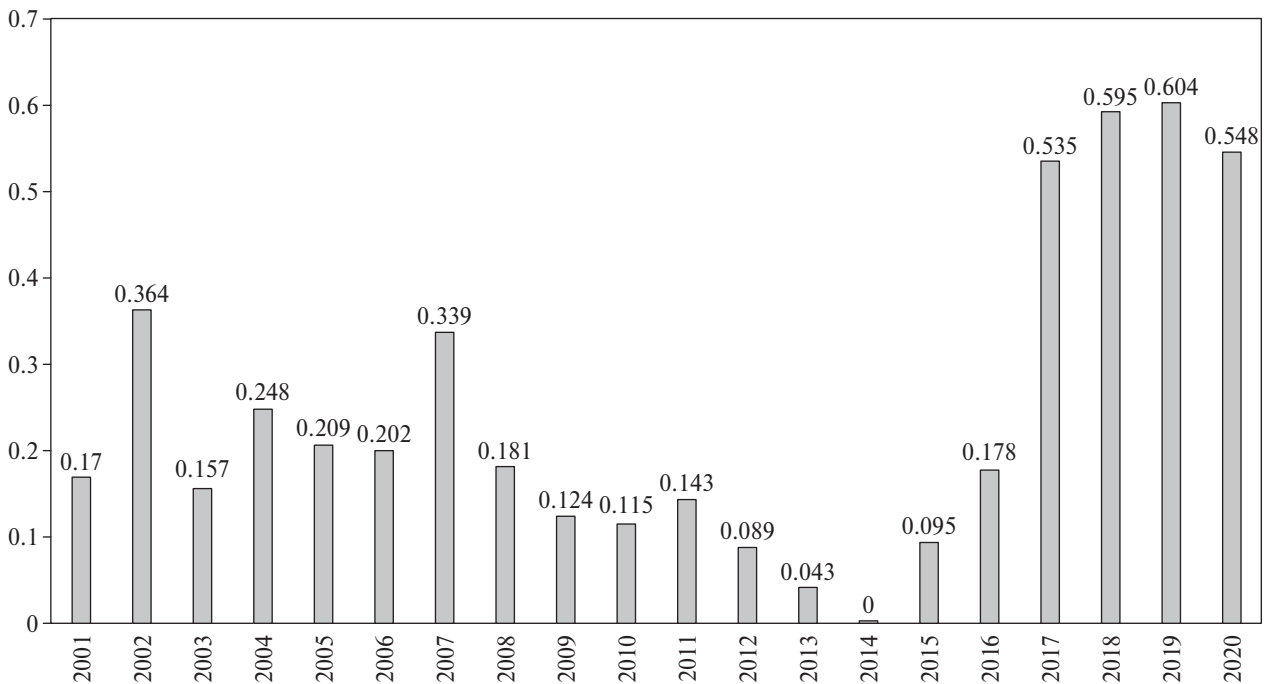

Рис. 2. Динамика импакт-фактора “Психологического журнала” с 2001 по 2020 г. На материале информационной платформы Web of Science

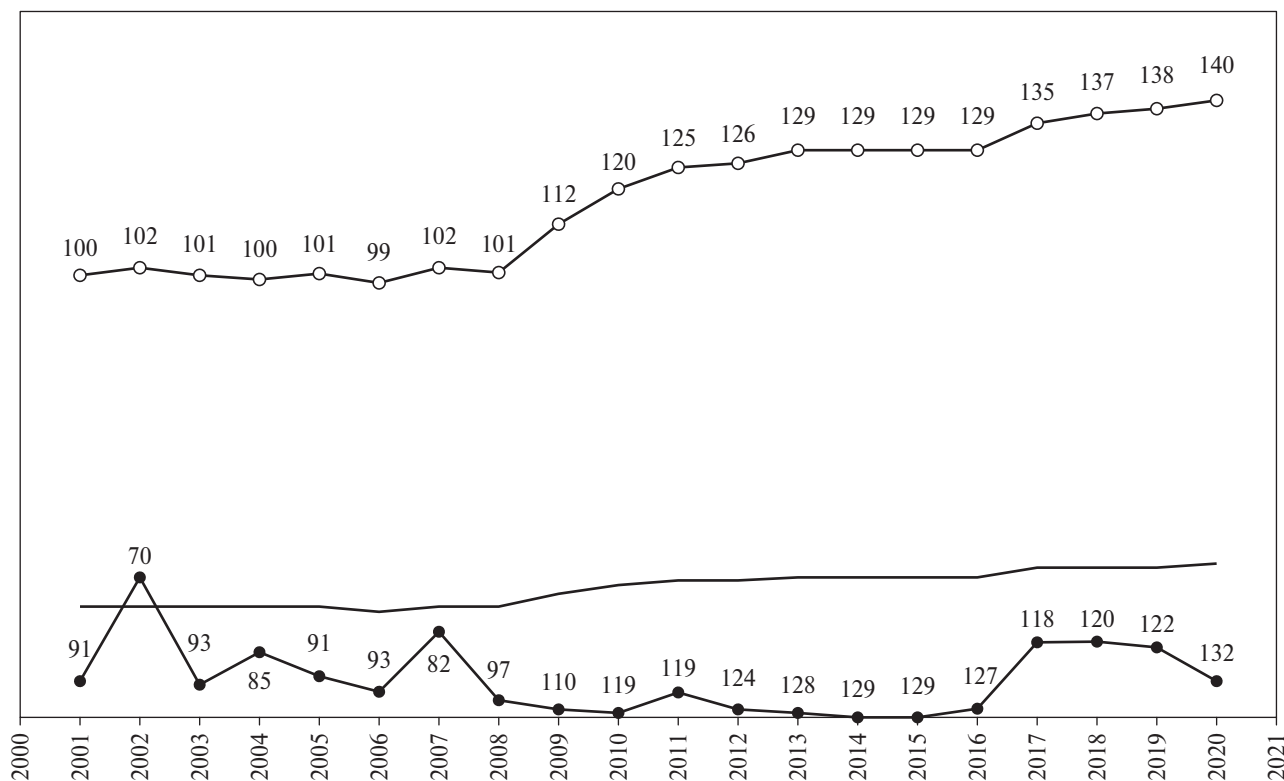

Рис. 3. Динамика ранга “Психологического журнала” в категории “Psychology, Multidisciplinary” информационной платформы Web of Science с 2001 по 2020 г. Нижний график — ранг журнала в категории; верхний график — количество журналов в категории. Средняя линия — граница третьего (Q3) и четвертого (Q4) квантиля

На рис. 3 представлена ранговая позиция “Психологического журнала” в категории “Psychology, Multidisciplinary” информационной платформы WoS. Данная позиция журнала на платформе во многом обусловлена языковой принадлежностью издания. Журнал находится в когорте периодических изданий, выходящих на иных, кроме английского, языках. Замыкают ранжированный список категории журналы из Японии, Турции, Франции, Колумбии, Чехии и Мексики, позиционирующиеся как мультиязычные, но фактически публикующие материалы на своем национальном языке. Очевидна связь языка, на котором публикуется научная информация с ее доступностью для читателя и, как следствие, востребованностью (выраженной в цитируемости) в мировом научном информационном пространстве. Прослеживается также связь ранга журнала с присутствием в индексации информационной платформы отечественных изданий с 2015 г. Присутствие в 2002 г. “Психологического журнала” в третьей по значимости четверти периодических изданий в категории “Psychology, Multidisciplinary” связано не с высокой цитируемостью отдельных публикаций 2000–2001 гг., а, напротив, с цитированием большего количества публикаций указанного периода.

Публикации “Психологического журнала” за весь рассматриваемый период процитированы 4527 раз⁶, 1089 из них являются ссылками из самого же “Психологического журнала”, т.е. приходится на долю самоцитирования, составляющую 24%. Еще 3438 ссылок получены из 2107 публикаций других изданий. Диаграмма на рис. 4 демонстрирует доленое распределение научных областей (категорий WoS), к которым принадлежат издания, цитирующие публикации “Психологического журнала”.

Высокая доля цитирующих статьи “Психологического журнала” изданий из таких научных областей, как психология (68%), поведенческие науки (32%), образование (исследования в области образования) (13%), социальные науки (5%), психиатрия (3%), социология (3%), является ожидаемой в силу их предметной близости. Вместе с тем обращает на себя внимание и высокая доля изданий, воспроизводящих результаты научных исследований, опубликованные в “Психологическом журнале”, из таких научных областей, как нейронауки и неврология (9%), технологические исследования (7%), физиология (6%), экономика и бизнес (4%), компьютерные науки (4%), а также инженерия,

⁶ По состоянию на 10 декабря 2021 г.

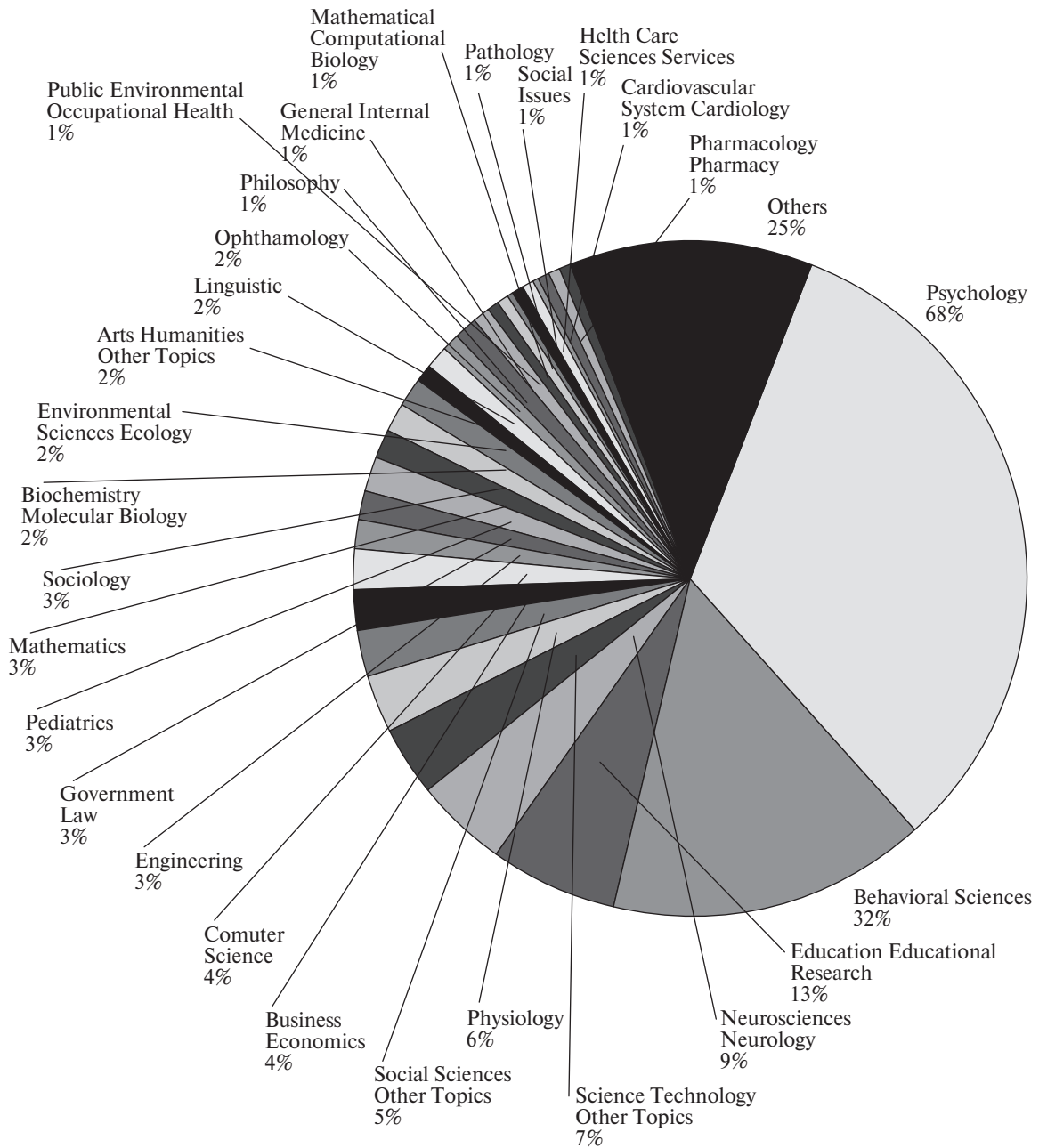

Рис. 4. Диаграмма распределения долей научных областей, цитирующих «Психологический журнал» публикаций в информационном пространстве Web of Science (1975–2021 гг.). В диаграмму вынесены научные области, издания в которых имеют долю ссылок на «Психологический журнал», составляющую 1% и более. Области, имеющие долю менее 1%, сгруппированы в сектор «Others» («Другие»)

государственное правотворчество, педиатрия, математика (по 3%).

Также обращает на себя внимание неожиданно малая доля цитирования работ «Психологического журнала» в философских изданиях (1%), традиционно имеющих общие поля научного интереса в области методологии, теории познания и др. с психологическими.

Таким образом, можно констатировать один, далеко не очевидный без данного наукометрического

исследования факт, что психологические публикации журнала практически не цитируются представителями философии. И это несмотря на то, что связи психологии и философии всегда были достаточно тесными: многие исследователи даже рассматривали философию как «материнскую» науку для психологии. Однако сегодня связи между ними, вероятно, существенно ослабли, и это можно связать с тем, что проблема разработки философских оснований психологии (а это и есть

Рис. 5. География цитирования работ “Психологического журнала” в публикациях, размещенных в иностранных изданиях. Величина окружности соответствует количеству цитирующих публикаций

основная зона пересечения психологии и философии) находится на периферии внимания исследователей.

Отмечено, что 75% ссылок получено “Психологическим журналом” из публикаций, чьи авторы аффилированы отечественными учреждениями (учреждения РФ и СССР). 8% ссылок получено от авторов, работающих в учреждениях стран бывшего СССР⁷, 17% — от авторов иностранных учреждений. Тем самым подтверждается факт существенного разрыва научных связей и коммуникации между российской психологией и психологией стран — бывших республик СССР. Можно также отметить, что публикации “Психологического журнала” (судя по цитируемости) востребованы в первую очередь российскими учеными — журнал действительно является одним из ведущих российских психологических журналов, однако перспективной линией его дальнейшего развития (в том числе повышения востребованности) видится ориентация журнала и на, как минимум, научное пространство Содружества Независимых Государств.

На рис. 5 представлена география цитирования работ “Психологического журнала” в публикациях иностранных изданий. Совокупно “Психологический журнал” был процитирован в 331 пуб-

ликация, размещенной в европейских изданиях (более всего в Англии — 33 цитирующие публикации, Германии — 32, Нидерландах — 17, Испании — 13). Также работы “Психологического журнала” были процитированы в 94 публикациях изданий Северной Америки (США — 82 цитирующие публикации, Канады — 11, Кубы — 1) и в 9 публикациях изданий Южной Америки (Бразилии — 4 цитирующие публикации, Аргентины — 3, Чили — 1, Перу — 1). Также работы, размещенные в “Психологическом журнале”, были отмечены цитированием в 75 публикациях азиатских изданий (в основном Китая — 23 цитирующих публикаций; а также в 29 публикациях изданий из стран — бывших республик СССР азиатского региона), в 17 публикациях изданий Австралии и Океании (Австралия — 13 и Новая Зеландия — 4 цитирующих публикации), а также в 3 публикациях африканских изданий (Южно-Африканская Республика — 2, Нигерия — 1).

Приведенные данные свидетельствуют о необходимости специальной работы по укреплению связей “Психологического журнала” с психологическими сообществами азиатского региона. Как возможный вариант — организация тесного взаимодействия с психологическими центрами Китайской Народной Республики, например, по переводу журнала на китайский язык и включению его

⁷ Данные ссылки получены после 1991 г.

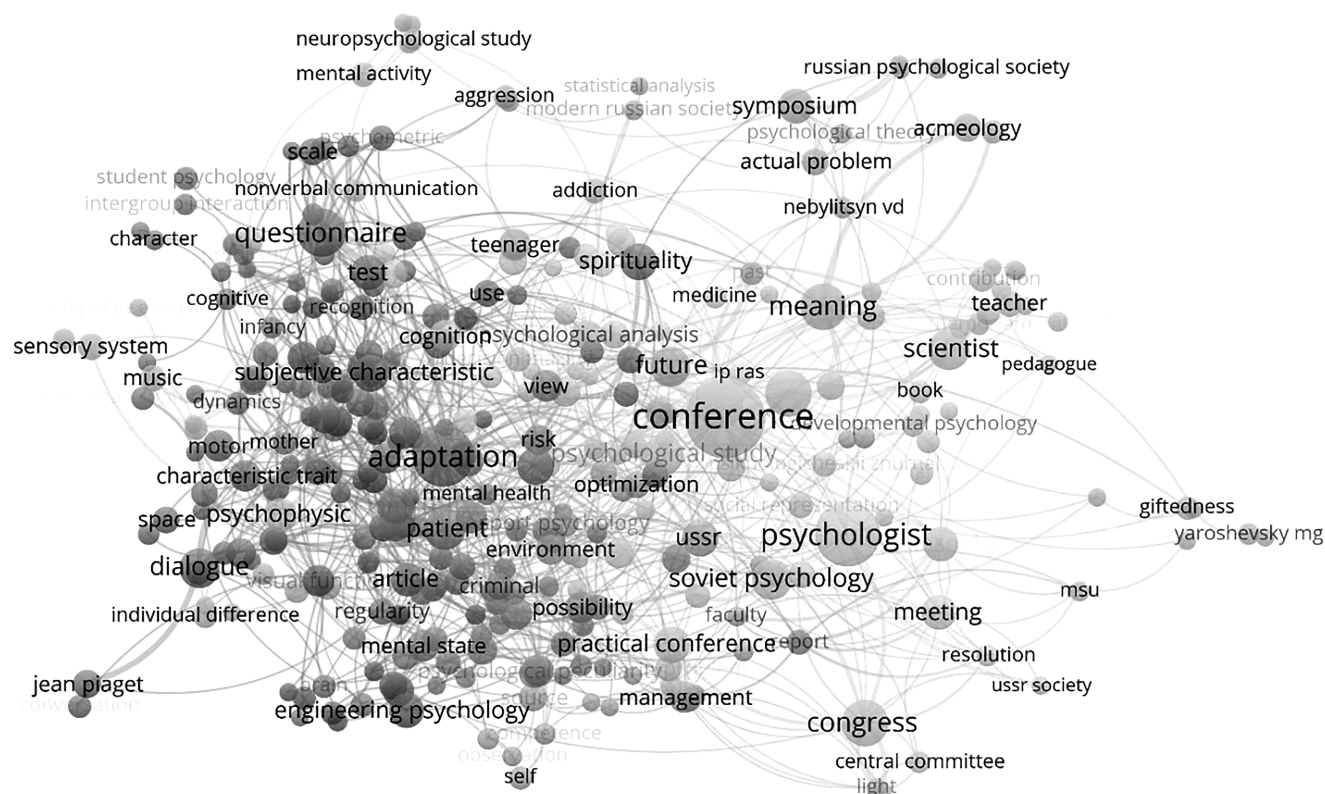

Рис. 6. Карта кластеров терминов названий публикаций “Психологического журнала”. Величина элемента выражает количество случаев встречаемости термина в названии публикации

в соответствующие национальные библиографические базы.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПУБЛИКАЦИЙ “ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА”

Для выявления тематических направлений, доминирующих в информационном пространстве “Психологического журнала”, т.е. поддерживаемых изданием, а также их цитируемости в международном научном информационном пространстве был проведен кластерный анализ терминов по основанию их совместной встречаемости в названиях публикаций.

В исследовании использовался метод библиометрического картирования, реализованный посредством общедоступного программного обеспечения VOSviewer 1.6.17 [7]⁸, а также метод экспертной оценки.

Всего обнаруживается 6623 специализированных термина в названиях публикаций. Анализ терминологических аналогов позволил сформировать тезаурус

из 4745 терминов. Для выявления тематических направлений был установлен порог встречаемости терминов в названиях публикаций количеством не менее пяти. Данное ограничение выявляет 555 терминов в названиях публикаций. Последующая оценка релевантности терминов выявляет 333 (60%) термина, наиболее соответствующих специфике анализируемого массива публикаций. При этом из анализа также были исключены термины, входящие в тезаурус “по определению” тематики рассматриваемых публикаций (например, такие как: “psychology”, “problem”, “anniversary”, “development”, “personality”, “study”, “theory” и др.). Таким образом, было дифференцировано 18 относительно устойчивых тематических направлений, впоследствии объединяемых в группы научных отраслей, поддерживаемых “Психологическим журналом” (рис. 6). В рамках настоящего исследования данные тематические направления приняты в качестве устойчивых и объединяют в себя около 50% (2210 публикаций) всего публикационного массива “Психологического журнала” с 1983 по 2020 г. Оставшиеся публикации представляют собой более мелкие массивы с терминами, повторяющимися в количестве ниже порогового, принятого в данном исследовании, и, таким образом, со значительно меньшим количеством публикаций в кластере.

⁸ URL: <https://www.vosviewer.com/> (дата обращения: декабрь 2021 г.).

Некоторые из рассматриваемых кластеров были дифференцированы внутри себя ввиду тематической разнородности публикаций, но объединяемых по сходному термину в один кластер. Так, например, кластер 1 включает в себя публикации, посвященные адаптации психодиагностических методик на отечественной выборке, а также работы по психологической адаптации (мигрантов, обучающихся, участников боевых действий и др.). Очевидно, что разнородные работы были объединены в один кластер посредством термина “адаптация” (“adaptation”). Также данный кластер включает в себя работы по проблемам умственного развития и творческой активности и работы по психологии взаимодействия человека с компьютером. Данные тематические направления вошли в кластер посредством единства терминов с тематическим направлением по психодиагностике посредством работ по исследованию умственного развития и творческой активности, а также в связи с работами по методам компьютерной психодиагностики.

В приложении представлены наименования тематических направлений (кластеров терминов в названиях публикаций), термины, формирующие соответствующие направления, а также некоторые наукометрические показатели, характеризующие выявленные тематические направления.

Массив с наибольшим количеством публикаций представлен работами по результатам экспериментальных исследований познавательных процессов (памяти, мышления и речи) (*индекс 3* таблицы) — 191 публикация со средним цитированием публикации в международном информационном пространстве ведущих мировых научных журналов — 1.4 и индексом Хирша 7. Кластер не дифференцируется внутри себя, т.е. представлен терминами одной тематики и ограничен в основном работами с 1980-х по 2000-е годы.

Вторым по количеству публикаций является кластер, дифференцирующийся на несколько массивов: массив *1a*, представленный работами по психодиагностике, психометрике и адаптации психодиагностического инструментария, — 166 публикаций периода 1990–2000-х годов с индексом Хирша 9 и средним цитированием публикации 2.29 (третье по значению среднего цитирования). На основании терминологического единства массив входит в один кластер с другими массивами: *1б* — “Умственное развитие, творческая активность” — 78 публикаций, средняя цитируемость — 1.28, индекс Хирша — 5; *1в* — “Психологическая адаптация и устойчивость” — 46 публикаций, средняя цитируемость — 1.33, индекс Хирша — 4; *1г* — “Психологические проблемы взаимодействия

с компьютером” — 23 публикации, средняя цитируемость — 1.83, индекс Хирша — 4.

Большой массив публикаций, формирующий кластер (*индекс 12* таблицы), составлен информационными сообщениями о конференциях — 139 публикаций за весь рассматриваемый период (с 1983 по 2020 г.). Публикации мало цитируются: среднее цитирование — 0.12, индекс Хирша — 2.

Существенную долю публикаций представляют работы по исследованию самосознания, самооценки, саморегуляции и саморазвитию (массив с индексом *5б*). Данный массив состоит из 112 публикаций также за весь рассматриваемый период (с 1983 по 2020 г.), с высоким средним цитированием 3.01 и индексом Хирша 9. Данный массив образует общий кластер с массивом *5a* — “Психология управления” (47 публикаций, среднее цитирование — 1.06, индекс Хирша — 3).

Также существенный массив публикаций составляют работы по медицинской психологии, психологии здоровья (*кластер б*) — 109 публикаций с 1987 по 2005 г. со средним цитированием 1.41 и индексом Хирша 6.

Такое же количество публикаций (109) содержит *кластер 9*, включающий в себя работы по исследованию психологии российского (советского) общества во внешнеполитическом пространстве. Более ранние работы (с 1986 по 1991 г.) связаны с исследованием советского общества и касаются проблем политической напряженности. Более поздние работы 1990–2000-х годов связаны с проблемами психологии развития российского общества. Среднее цитирование публикаций кластера — 1.29, индекс Хирша — 6.

Кластер со 106 публикациями представлен работами по психологии семьи, материнства, а также психологии гендерных различий (*кластер 4*) периода с 1985 по 2020 г. с небольшими перерывами. Работы кластера демонстрируют высокую среднюю цитируемость — 2.08 и высокий индекс Хирша — 7.

Еще один массив, представленный количеством публикаций более 100, — *14a*, — массив работ по психологии образования (обучения) — 101 публикация со средним цитированием 1.46 и индексом Хирша 5. Данный массив образует общий кластер с массивом *14б* — «Рецензии на книги, исследования публикационной активности, “Психологический журнал”» с общими терминами “академический”, “книга”, “публикация”.

Также следует отметить массивы публикаций (тематические направления) с самыми высокими показателями средней цитируемости, но не самым

большим количеством работ: массив *11a* “Психология российского общества” (2004–2020 гг.) — 27 публикаций со средней цитируемостью 3.67 (индекс Хирша — 5); *кластер 16* “Психосемантика” (1984–2018 гг. с перерывами) — 44 публикации со средним цитированием 2.3 (индекс Хирша — 5); *кластер 7* “Психология человека в чрезвычайных и критических ситуациях/ПТСР” (1994–2008 гг.) — 89 публикаций со средним цитированием 2.29 (индекс Хирша — 7); массив *18б* “Психология нравственности” (1985–2020 гг. с перерывами) — 47 публикаций со средним цитированием 2.02 (индекс Хирша — 5). Можно предположить, что публикации, включенные в указанные массивы и тематические направления, репрезентируют собой проблемы, наиболее интересующие исследователей, публикующихся в журналах, индексируемых платформой WoS.

Обратим внимание и на тот факт, что статьи по истории психологии лишь очень условно и не очевидно выделяются в отдельный массив данных (массивы *15a* и *15б*), а статьи по исторической психологии вообще не представлены в виде отдельного направления или самостоятельного массива, т.е., по сути, “растворены” в других массивах и кластерах. Мы связываем это с тем, что в этих областях психологии отсутствует развернутая, четкая и специфическая терминология, а если она и есть, то не находит отражение в названиях публикаций. Поэтому при кластеризации историко-психологические публикации (значительная часть из которых посвящена отдельным персоналиям ученых) попадают в другие массивы, не кристаллизуясь в самостоятельный кластер.

На основании величины интегрального показателя продуктивности/востребованности (индекс Хирша) выделяются следующие тематические направления со значением 5 и выше (в скобках указано значение показателя индекса Хирша): “Самосознание, самооценка, саморегуляция, саморазвитие” (9), “Психодиагностика, психометрика, адаптация диагностического инструментария” (9), “Психология семьи и материнства/психология гендерных различий” (7), “Психология человека в чрезвычайных и критических ситуациях/ПТСР” (7), “Экспериментальные исследования познавательных процессов: память, мышление, речь” (7), “Когнитивная психология” (6), “Медицинская психология, психология здоровья” (6), “Российское общество в международном политическом пространстве” (6), “Когнитивная нейропсихология” (5), “Психология воли и эмоций” (5), “Психология нравственности” (5), “Психология российского общества” (5), “Психология образования

(обучения)” (5), “Психосемантика” (5), “Психология общения” (5), “Умственное развитие, творческая активность” (5). Именно эти направления “Психологического журнала” следует рассматривать как наиболее востребованные в ведущих мировых научных изданиях.

ВЫВОДЫ

1. “Психологический журнал”, являясь отечественным отраслевым периодическим изданием в международном информационном пространстве ведущих мировых научных периодических изданий, индексируемых платформой Web of Science в категории “Psychology, Multidisciplinary” и имеющих рассчитанный показатель влиятельности (импакт-фактор), является в указанной категории единственным российским периодическим изданием.

2. Текущий показатель импакт-фактора “Психологического журнала” составляет 0.548 (на 12 апреля 2022 г. известен показатель импакт-фактора за 2020 г.), что позволяет занимать изданию 132-е место из 140 в рейтинге периодических изданий в категории “Psychology, Multidisciplinary” информационной платформы Web of Science. Журнал локализуется в 4-м квартиле категории в одной когорте с периодическими изданиями неанглоязычных стран, публикующих результаты научных исследований на национальных языках.

3. За последние шесть лет показатель импакт-фактора журнала демонстрирует существенный рост. Самый высокий показатель последних шести лет был достигнут в 2019 г. — 0.604.

4. Динамика цитируемости “Психологического журнала” за рассматриваемый период (1983–2020 гг.) показывает линейный прирост цитирования публикаций журнала в информационном пространстве Web of Science за последние 20 лет, и особенно с 2015 г.

5. В связи с включением в индексирование платформы Web of Science с 2015 г. многих отечественных научных психологических периодических изданий существенный прирост цитирования “Психологического журнала” следует связывать именно с данными изданиями.

6. Структура отраслевого цитирования “Психологического журнала” в международном информационном пространстве ведущих мировых научных периодических изданий демонстрирует предметную близость изданий, ссылающихся на работы “Психологического журнала”. Наибольшую долю ссылок “Психологический журнал” получает

из изданий, входящих в категории “Psychology” (68%), “Behavioral Sciences” (32%), “Education, Educational Research” (13%) “Social Sciences” (5%), “Psychiatry” и “Sociology” (по 3%).

7. Существенную долю цитирования “Психологический журнал” получает от изданий из таких научных областей, как “Neurosciences, Neurology” (9%), “Science Technology” (7%), “Physiology” (6%), “Business, Economics” (4%), “Computer Science” (4%), “Engineering”, “Government Law”, “Pediatrics”, “Mathematics” (по 3%). Это свидетельствует о том, что, являясь специализированным психологическим изданием, журнал фактически выполняет междисциплинарные функции в научной коммуникации. Мультидисциплинарный статус “Психологического журнала” подтверждает и анализ тематических научных направлений, поддерживаемых журналом.

8. География цитирования публикаций “Психологического журнала” включает все континенты и большинство государств с наиболее развитой наукой. Наибольшее количество цитирований издание получает из публикаций в европейских источниках (331 публикация, более всего из Англии, Германии, Нидерландов и Испании). Североамериканские издания процитировали работы “Психологического журнала” в 94 публикациях, Южноамериканские — в 9. Также ссылаются на работы “Психологического журнала” 75 публикаций в азиатских изданиях, 17 — в изданиях Австралии и Океании и 3 — в изданиях Африки.

9. Самыми крупными тематическими направлениями журнала являются: психология познавательных процессов, в совокупности более 400 публикаций; психология российского (советского) общества — около 200 публикаций; психодиагностика — 166 публикаций; психология самосознания — 112 публикаций; медицинская психология и психология здоровья — 109 публикаций; психология труда и инженерная психология — более 100 публикаций.

10. Наибольшую среднюю цитируемость в международном информационном пространстве имеют публикации “Психологического журнала”, посвященные психологии российского общества, — 3.67; работы по психологии самосознания — 3.01; психодиагностике — 2.49; психосемантике — 2.3; психологии человека в чрезвычайных и критических ситуациях — 2.29; когнитивной нейропсихологии — 2.1; психологии семьи и материнства — 2.08 и психологии нравственности — 2.02.

11. Основываясь на значении показателя индекса Хирша, можно сделать вывод о следующих

наиболее востребованных в международном информационном пространстве ведущих мировых научных журналов научных направлениях, поддерживаемых “Психологическим журналом”: психодиагностика — индекс Хирша 9; психология самосознания — 9; экспериментальные исследования познавательных процессов — 7; психология семьи и материнства — 7; психология человека в чрезвычайных и критических ситуациях — 7; медицинская психология и психология здоровья — 6; психология российского общества — 6; когнитивная психология — 6.

12. Материалы, публикуемые в “Психологическом журнале”, востребованы не только научными дисциплинами в смежных и близких к психологии предметных областях, но и достаточно самостоятельных и неочевидно пересекающихся с психологической наукой. Тем самым можно констатировать обоснованность прогноза Б.Г. Ананьева о том, что человекознание с его ключевой дисциплинарной областью психологией станет ведущей областью знания в XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виленская Г.А.* Исследования психологии интернета в “Психологическом журнале”: некоторые итоги и перспективы // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 4. С. 5–14.
2. *Зуев К.Б.* Основные тенденции изучения семьи в психологии позднесоветского периода (на примере публикаций в “Психологическом журнале” с 1980 по 1990 годы) // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2016. № 6. С. 58–67.
3. *Клецина И.С.* Гендерная проблематика в публикациях журналов “Вопросы психологии” и “Психологический журнал” // Вопросы психологии. 2012. № 1. С. 83–91.
4. *Сергиенко Е.А.* Динамика проблематики психологии развития в публикациях “Психологического журнала” // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 3. С. 5–21.
5. *Моргун А.Н., Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л.* Институциональные факторы развития отечественной истории психологии (на материале РИНЦ) // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 111–121.
6. *Моргун А.Н.* Международное (мировое) историко-психологическое отраслевое сообщество: наукометрический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 178–214.
7. *Van Eck N.J., Waltman L.* Software survey: VOSviewer, a computer program for bibliometric mapping // Scientometrics. 2010. V. 84. № 2. P. 523–538.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тематические направления публикаций “Психологического журнала”, дифференцированные на основании встречаемости терминов в названии работ, с их некоторыми наукометрическими показателями. На материале информационной платформы Web of Science

Индекс	Тематическое направление	Годы публикаций	Количество публикаций	Средняя цитируемость публикаций с данными терминами в названии	Индекс Хирша
1а	Психодиагностика, психометрика, адаптация диагностического инструментария	Конец 1990–2000-е	166	2.49	9
1б	Умственное развитие, творческая активность	1983–2003, 2008–2014	78	1.28	5
1в	Психологическая адаптация и устойчивость	Конец 1990–2000-е	46	1.33	4
1г	Психологические проблемы взаимодействия с компьютером	1985–1999	23	1.83	4
2а	Психология воли и эмоций	1983–2020	86	1.79	5
2б	Инженерная психология	1983–2001	72	0.81	4
2в	Человек на промышленном предприятии	1983–1995	30	0.83	2
3	Экспериментальные исследования познавательных процессов: память, мышление, речь.	1980-е, 1990-е, 2000-е	191	1.4	7
4	Психология семьи и материнства/ психология гендерных различий	1985, 1987–1988, 1990–2021	106	2.08	7
5а	Психология управления	1983–2000, 2002–2015	47	1.06	3
5б	Самосознание, самооценка, саморегуляция, саморазвитие	1983–2020	112	3.01	9
6	Медицинская психология, психология здоровья, психическое здоровье	1987–2005	109	1.41	6
7	Психология человека в чрезвычайных и критических ситуациях/ ПТСР	1994–2008	89	2.29	7
8а	Когнитивная нейропсихология	1983–2002, 2005, 2008, 2011–2018	39	2.1	5
8б	Когнитивная психология	1984–2020	82	1.95	6
8в	Психология визуального восприятия	1983–2010	18	0.67	2
9	Российское (советское) общество во внешнеполитическом пространстве	1986–2000	109	1.29	6
10	Психология в политическом контексте (ранние)/психология массового сознания, политическая психология (поздние)	1984–2000/2000–2008	55	0.87	4
11а	Психология российского общества	2004–2020	27	3.67	5
11б	Деятельность Российского психологического общества (Психологического общества СССР)	1983–1991, 1995–1996, 2012	21	0	0
11в	Информационные сообщения о симпозиумах и конгрессах	1983–2019	59	0	0
12	Информационные сообщения о конференциях	1983–2020	139	0.12	2
13а	Психология общения	1983–2020	60	1.28	5

Индекс	Тематическое направление	Годы публикаций	Количество публикаций	Средняя цитируемость публикаций с данными терминами в названии	Индекс Хирша
13б	Психология интеллекта	1987–2013	21	1.57	3
13в	Нейропсихологические исследования	1983–1988, 1996–2004, 2008–2018	19	0.95	3
13г	Психофизические исследования	1983–1993, 1996–1999, 2005, 2008	24	1.04	3
14а	Психология образования (обучения)	1983–2000, 2003–2004, 2008–2018	101	1.46	5
14б	Рецензии на книги, исследования публикационной активности, “Психологический журнал”	1984–1996, 199–2006, 2011–2019	35	0.37	2
15а	Личность ученого в психологии (история психологии), мемориалы	1985, 1988–1997, 1999–2006, 2008–2020	83	0.59	3
15б	Психология научной деятельности	1985–1995, 2002–2011, 2014–2019	20	1.1	3
16	Психосемантика	1984–1988, 1991–1998, 2000_2206, 2009–2018	44	2.3	5
17	Психология индивидуальных различий	1983, 1989–1998, 2004, 2008, 2018, 2021	11	1.82	2
18а	Деятельность Института психологии РАН	1985–1986, 1991–1997, 2001–2013, 2016–2021	41	0.46	3
18б	Психология нравственности	1985, 1988, 1992–1999, 2004–2021	47	2.02	5

CITATION OF THE “PSYCHOLOGICAL JOURNAL” IN THE INFORMATION SPACE OF THE WORLD’S LEADING SCIENTIFIC EDITIONS

A. N. Morgun^{1,*}, Yu. N. Oleinik^{2,**}, A. L. Zhuravlev^{3,***}

¹*Pirogov Russian National Research Medical University Ministry of Health of Russia;
117997, Moscow, Ostrovityanova str., 1, Russia.*

²*ANO VO “Moscow University for the Humanities”;
111395, Moscow, Yunosti str., 5, Russia.*

³*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, build. 1, Russia.*

^{*}*PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Organization of Professional Education
and Educational Technologies, Faculty of Continuing Professional Education.*

E-mail: an_morgun@mail.ru

^{**}*PhD (Psychology), Head of the Department of General, Social Psychology and the History of Psychology.*

E-mail: yurii03@mail.ru

^{***}*Academician of the Russian Academy of Sciences, ScD (Psychology), Professor, Scientific Adviser
of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.*

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Received 12.09.2022

Abstract. The article analyzes the key scientometric indicators associated with the citation of the leading domestic industry periodical — “Psychological Journal”: the impact factor of the publication, the average citation of articles in thematic areas, the Hirsch index and others. The sectoral structure of citation of the “Psychological Journal”, as well as the geography of citation of publications of the journal, is revealed. The publication productivity and citation of the thematic areas supported by the journal in the international information space of the world’s leading scientific publications are considered. The conclusion is made about the most demanded (cited) scientific directions of the “Psychological Journal”; its interdisciplinary status is emphasized.

Keywords: “Psychological Journal”, scientometrics, bibliometrics, citation, impact factor, scientific thematic areas.

REFERENCES

1. *Vilenskaya G.A.* Issledovaniya psikhologii interneta v “Psikhologicheskom zhurnale”: nekotorye itogi i perspektivy. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2019. V. 40. № 4. P. 5–14. (In Russian)
2. *Zuev K.B.* Osnovnye tendentsii izucheniya sem’i v psikhologii pozdnesovetskogo perioda (na primere publikacij v “Psikhologicheskom zhurnale” s 1980 po 1990 gody). *Sem’ya i lichnost’*: problemy vzaimodejstviya. 2016. № 6. P. 58–67. (In Russian)
3. *Klecina I.S.* Gendernaya problematika v publikacijah zhurnalov “Voprosy psikhologii” i “Psikhologicheskij zhurnal”. *Voprosy psikhologii*. 2012. № 1. P. 83–91. (In Russian)
4. *Sergienko E.A.* Dinamika problematiki psikhologii razvitiya v publikacijah “Psikhologicheskogo zhurnala”. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2019. V. 40. № 3. P. 5–21. (In Russian)
5. *Morgun A.N., Olejnik Yu.N., Zhuravlev A.L.* Institucional’nye faktory razvitiya otechestvennoj istorii psikhologii (na materiale RINC). *Psikhologicheskii zhurnal*. 2021. V. 42. № 1. P. 111–121. (In Russian)
6. *Morgun A.N.* Mezhdunarodnoe (mirovoe) istoriko-psikhologicheskoe otraslevoe soobshchestvo: naukometricheskij analiz. Institut psikhologii Rossijskoj akademii nauk. *Social’naya i ekonomicheskaya psihologiya*. 2022. V. 7. № 1 (25). P. 178–214. (In Russian)
7. *Van Eck N.J., Waltman L.* Software survey: VOSviewer, a computer program for bibliometric mapping // *Scientometrics*. 2010. V. 84. № 2. P. 523–538.

УДК 159.9

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПСИХОЛОГИИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

© 2022 г. Л. Н. Собчик

*Доктор психологических наук, член Московской психотерапевтической академии,
член-корреспондент Международной Академии информатизации.
125367, Москва, Врачебный пр-д., д. 8, к. 2, Россия.
E-mail: luniso@yandex.ru*

Поступила 20.10.2022

Аннотация. В связи с темпами развития и усложняющихся технологий производственных процессов, а также все возрастающими нагрузками на психику человека выявление личностных особенностей играет все большую роль в повседневной жизни страны. В результате многолетнего изучения личности автором создана теория ведущих тенденций как теоретический поход в психологии индивидуальности. В рамках этой теории индивидуально-личностный стиль проявляется в свойствах темперамента, продолжается в чертах характера и создает определенный эмоционально-поведенческий фон сформированной социализированной личности, т.е. и на вершинном уровне своего развития. На разных уровнях развития (темперамент, характер, личность) структура личности представляется как проявления полярно соотносимых противоположных эмоциональных характеристик, взаимосвязанных с мотивационной направленностью, стилем межличностного поведения и типом мышления. Усложняющаяся структура противопоставляемых полярных свойств на всех этих уровнях содержит основную стилевую (индивидуальную) окраску, т.е. ведущую индивидуально-личностную тенденцию, которая остается определяющей, несмотря увеличивающийся к высшему уровню контроль самосознания. На практике личностные особенности отражаются в количественных показателях психодиагностической многомерной модели, которая строится на данных обследования несколькими уточняющими и дополняющими методиками, как вербальными, так и проективными (невербальными). Применение методов психологической диагностики дает целостный портрет личности и позволяет использовать методы математического анализа, что значительно повышает надежность и достоверность используемых методик. Цифровые показатели психологической автоматизированной экспертной системы, состоящей из комплекса специально подобранных компьютеризированных методик, отражают многомерную психодиагностическую модель личности на базе теории ведущих тенденций.

Ключевые слова: личность, индивидуальность, типология, эмоции, мотивация, отношение, тип мышления, ведущие тенденции, самосознание.

DOI: 10.31857/S020595920023651-2

Вызовы современности в виде социальных перемен и технологического прогресса требуют все большей умственной и эмоциональной отдачи от человека. Темпы и сложность инновационного развития предъявляют дополнительные требования к тому, что принято называть “человеческим фактором”, и оказывают влияние на многие традиционные формы существования главных общественных институтов — трудовой занятости, семьи, общения, что может затруднять социально-психологическую адаптацию. В связи с этим психология конкретного человека как субъекта деятельности в социальных и производственных процессах все больше требует внимания психолога в его повседневной работе.

В отечественной психологии номотетическое направление дало множество работ, которые посвящены изучению общих закономерностей психической деятельности человека. С позиций этого направления вполне ясной представляется картина “вершины личности, которая имеет культурно-историческую основу” (Л.С. Выготский). Однако она не включает в себя глубинно-влеченческие и эмоционально-динамические характеристики, которые оказывают влияние на личность. В работе психолога с конкретными людьми необходим идеографический (Г. Олпорт), индивидуально-личностный подход. Такие крупные ученые, как И.М. Сеченов, Л.С. Выготский [2], С.Л. Рубинштейн [8], Б.Г. Ананьев [1], понимали важную роль врожденной predisposition и физиологических процессов,

лежащих в основе человеческого организма, в формировании деятельности мозга человека.

Однако в советской психологии связью личностных свойств с врожденными особенностями нередко пренебрегали, утверждая, что личность формируется исключительно под влиянием социального фактора (в частности, теми социальными отношениями, которые возможны лишь при коммунистическом государственном укладе). Постановление ЦК ВКП(б) от 04.07.1936 о педологических извращениях в системе Наркомпроса резко пресекло исследования, связанные с развитием дифференциальной психологии, и заклеямило психодиагностику как лженауку наряду с генетикой и кибернетикой. Многолетний запрет на дифференциальную психологию (вплоть до указа об отмене этого постановления в марте 1989 г.) привел к тому, что ранние разработки в этой области советских ученых утекли на Запад, и лишь после оттепели 1960-х годов методики стали возвращаться на свою родину, но уже как зарубежные тесты. Изучая их, пришлось заняться их реадaptацией к отечественной популяции и модификации.

Поскольку психология индивидуальности до последнего времени крайне мало освещалась в нашей литературе, у автора возникла необходимость осветить подробно и аргументированно роль индивидуальных свойств в формировании личности, оказывающих определенное влияние даже на ее “вершинные” (по Выготскому) уровни. Это значит, что биологический фактор, определяющий индивидуальные черты, преломляется определенным образом не только в эмоциональной окраске переживаний человека, но и в его социальных установках.

Так, основные различия между мужчиной и женщиной заключаются в генетически обусловленных особенностях одного из мозговых образований — гипофиза, благодаря которому в определенные возрастные периоды начинается или заканчивается функционирование гормональных желез, ответственных за формирование не только половой физиологии, но и психических особенностей. Нейрогуморальные процессы, в частности преобладание в кровотоке адреналина или норадреналина, влияют на проявление таких свойств, как трусость или храбрость (Франкенхойзер [5]). Многие показатели, связанные с содержанием в организме определенных веществ, коррелируют с разными эмоциональными состояниями человека, которые закрепляются как черты характера или индивидуально-личностные особенности. Это убедительно доказывают многочисленные работы известных ученых, в том числе Ю.М. Губачева [4], К. Изарда [5], Д. Томкинсона и других исследователей.

В начале XIX в. с развитием экспериментальных научных исследований (В. Вундт, Ж. Пиаже [18], Г. Россолимо, К. Юнг, Г. Роршах) психология выделилась в самостоятельное научное направление, в котором таким биологическим факторам, как индивидуальные различия, половая принадлежность и возрастные особенности, придается важное значение и ученых начинает занимать проблема преморбиды и predisпозиции.

Еще в 1930-е годы Л.С. Выготский и С.Л. Рубинштейн [9], вопреки распространенным в отечественной психологии тенденциям к нивелировке индивидуальных свойств с избыточным (если не абсолютным) акцентом внимания на модели социальной желательной личности, указывали на значимость врожденных, переданных по наследству от родителей и прародителей особенностей в формировании личности. Воздействие средовых явлений на психику человека рассматривалось ими не как пассивный процесс, а как субъективно-предпочтительный, избирательный, во многом неосознаваемый выбор.

Роль биологического фактора в развитии личности подтверждают многочисленные работы известных психофизиологов — Б.М. Теплова [17], В.Д. Небылицына [7], Э.А. Голубевой [3], В.М. Русалова [10] и др. В их трудах находит свое развитие идея о значимости врожденных свойств центральной нервной системы — человеческого мозга и его физиологических особенностей — для формирования интеллектуальных и творческих способностей.

Известный психолог Б.Г. Ананьев [1] рассматривал личность как понятие целостное, включающее в себя единство биологических и социальных факторов, отмечая также, что взаимодействие биологического и социального начала в формировании личности не только проявляется в первые дни и годы существования человека, но продолжается всю его жизнь.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ РАЗНЫХ АВТОРОВ

Изучение теоретических подходов в трактовке понятия “личность” показало, что большинство авторов берут за основу какой-либо один, по мнению каждого из них, главный фактор (фрустрированную потребность, мотивационную направленность, эмоциональный тип реагирования, ценностную ориентацию, нарушенные отношения, деятельность, семейные отношения, самооценку и др.). Исследуя тезаурус, в рамках которого ученые излагали свой подход к описанию личностных свойств,

можно отметить, что они вкладывали неодинаковый смысл в одни и те же термины. Г. Мюррей, например, сосредоточил свое внимание на катексированных потребностях.

К. Юнг подробно описал интроверсию и экстраверсию — важнейшие психологические характеристики индивидуального типа реагирования, продолжающиеся в социальных формах человеческого бытия.

Другие известные ученые (Э. Кречмер, Дж. Кеттелл, Г. Айзенк) описывают личность как совокупность черт характера, сопоставляя при этом нейротизм со стабильностью. Наши наблюдения показывают, что фактор стабильности не может восприниматься как заостренная черта, его место в структуре личностных свойств должно быть в центре схемы, на которой иллюстрируются разнонаправленные тенденции, т.е. как показатель уравновешенности разнонаправленных свойств.

Серьезный переворот в умах людей (и не только психологов) произошел под влиянием работ известного во всем мире врача-психотерапевта и знаменитого психолога Зигмунда Фрейда. Он привлек внимание человечества к тем переживаниям и мотивам поведения, которые протекают на бессознательном уровне и тесно связаны с инстинктивной жизнью человека, его неосознанными влечениями. В то же время Г. Салливен, А. Адлер, К. Роджерс, Э. Фромм, К. Хорни рассматривают индивидуально-личностный паттерн как процесс взаимодействия врожденных свойств и социального окружения. Модель самореализации личности по К. Роджерсу определяется типом воздействия окружающей среды на те свойства личности, за которыми стоит определенный конституционально обусловленный паттерн. Г. Салливен построил свою концепцию личности, опираясь на две ядерные характеристики человеческой психики — стремление к удовлетворению своих потребностей и стремление к безопасности. Э. Фромм весьма подробно описал структуру позитивных (конструктивных) и негативных (деструктивных) типов поведения, опираясь на социальные стороны личностной самореализации, которые произрастают из черт характера.

Сами по себе перечисленные теоретические подходы интересны, но они, как справедливо отмечает С. Мадди [6], “не описывают типы личности с какой бы то ни было систематичностью, а там, где эта систематика намечается, она не проявляется как сквозная характеристика на всех уровнях личностного самосознания”. Их данные разнятся в связи с отсутствием как единой, “общепризнанной” типологии индивидуально-личностных

свойств, так и сколько-нибудь последовательной теоретической концепции. Кроме того, бросается в глаза неравномерность выбора способов измерения личностных свойств, касающихся то эмоциональных, то поведенческих, то социальных сторон проявления личности, что затрудняет сравнительный анализ результатов проведенных исследований.

В противовес этому разработанный автором статьи подход четко структурирован, а роль ведущих индивидуально-типологических свойств показана как сквозная характеристика, пронизывающая все уровни личности, начиная с первичных проявлений и до ее вершин.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ ВЕДУЩИХ ТЕНДЕНЦИЙ

В основании авторской теории ведущих тенденций заложена парадигма П.К. Анохина преемственности разных уровней любой сложной системы, когда каждый нижележащий ее уровень имплицитно содержит в себе зачатки того, что на последующем уровне разветвляется в многообразие свойств более высокого порядка. Отсюда сквозной стрелен (снизу вверх), идущий от врожденных свойств, отраженных в сильных и слабых свойствах высшей нервной деятельности. На следующем этапе развития психики (на более высоком уровне) структура как слабого, так и сильного типа ВНД усложняется, к ним присоединяются устойчивость (ригидность) и подвижность (пластичность) нервнo-психических процессов.

На уровне, который относится к свойствам характера, автором выявлено восемь индивидуально-личностных свойств — тревожность и эмотивность как дериватные свойства, базирующиеся на подвижности нервных процессов; агрессивность и спонтанность (характеристики сильного типа); интроверсия и педантичность как усложненный паттерн ригидного типа; сензитивность и интроверсия в рамках слабого типа [13].

У каждого человека из этих восьми основных свойств одно или несколько выявляются как преобладающие, наиболее выраженные *тенденции, которые сохраняются на протяжении всей жизни как основные характеристики его индивидуально-личностного паттерна*. В детском возрасте они еще недостаточно устойчивы, в подростковый период могут заостряться, они становятся наиболее контролируемым сознанием во взрослой жизни, а в период обратного развития (медицинский термин для пожилых людей) отражают снижение активности

и заострение эмоциональной неустойчивости (у женщин) или нарастание ригидности (у мужчин) [15].

Одним из фундаментальных положений автора в разработке теоретического подхода к пониманию личностной индивидуальности — структура свойств личности, основанная на ортогональном соотношении противоположных (разнонаправленных) характеристик. В этом проявляется подход к пониманию структуры личности с позиций диалектики (единство и борьба противоположностей), а отличие в толковании умеренных проявлений того или иного свойства в сравнении с его выраженностью (заострением) отражается опора на переход количества в качество. В норме (при умеренных показателях по шкалам методик) полярные свойства уравнивают друг друга и создают стабильность, но при избыточной выраженности некоторых из них выявляются акцентированные свойства личности. Помня высказывание по поводу акцентуантов К. Леонгарда, автор может подтвердить, что это “далеко не худшая половина человечества”, и скорее готов включать их в широкий коридор нормы, чем относить к какой-то степени патологии (тогда речь идет уже о психопатических паттернах личности с выраженными трудностями социальной адаптации).

Таким образом, если представить образ целостной личности в виде некоего дерева (рис. 1), то корни “дерева личности” — это генетическая предрасположенность; стволовая часть представляет собой

в начальной его части врожденный темперамент; средняя часть ствола — характер как результат взаимодействия темперамента и окружающей среды, определяемый степенью выраженности индивидуально-личностных свойств; верхняя часть дерева личности (лиственная крона) — сформировавшаяся личность, контролирующая непосредственные проявления характера, у которой ведущие тенденции ограничивают выбор направлений в сфере социальной активности, а также влияют на иерархию ценностей. Таким образом, врожденные особенности — это база для формирования той индивидуальной избирательности, благодаря которой из широчайшего спектра впечатлений об окружающем мире каждый человек в свойственном ему стиле осваивает информацию, акцентируя свое внимание на одних явлениях и пренебрегая другими.

ВЕДУЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ ЛИЧНОСТИ

“Ведущая тенденция” — это главная, устойчивая характеристика и основное индивидуально-типологическое свойство, которое проявляется на разных этапах формирования личности как индивидуальный стиль, определяя эмоциональный тип переживания, мотивацию, особенности отношения к себе и к окружающим, а также тип мышления. Понятие “ведущая тенденция” более емкое и динамичное, чем “черта”, “свойство”, “особенность”: оно объединяет все эти понятия и определяет их индивидуальную (стилевую) окраску, которая

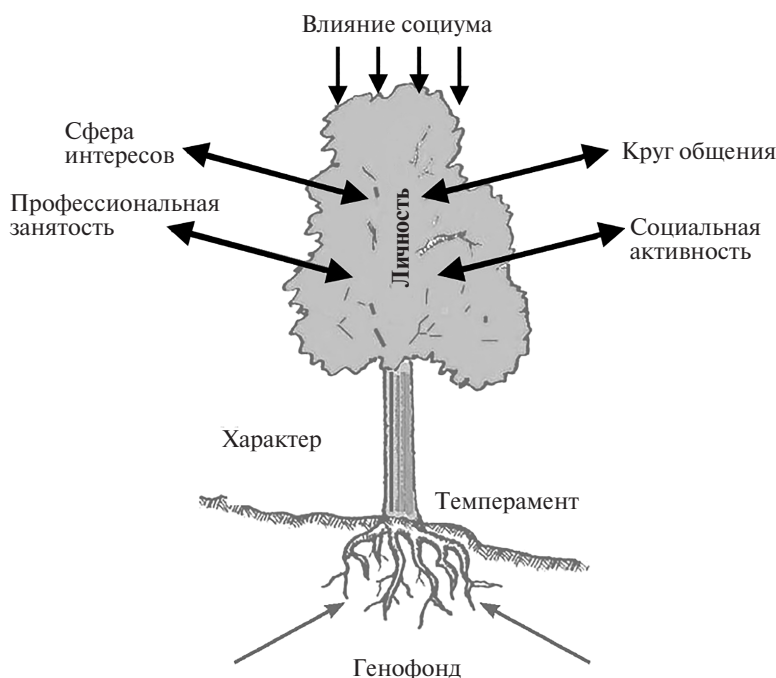

Рис. 1. Дерево личности, в котором индивидуальные особенности по мере развития продолжают отражать ведущую тенденцию снизу, от корней до вершины

проявляется в разные периоды жизни и на разных уровнях развития.

Генетически обусловленный сильный или слабый тип ВВД (И.П. Павлов) в процессе прижизненного развития и под влиянием окружающей среды усложняется четырьмя типами нервно-психической активности — сильный (возбудимый и подвижный) тип, слабый (тормозимый и ригидный). Эти исследования отражены в работах психофизиологов Э.А. Голубева [3], В.М. Русалов [10]. Дальнейшее развитие психических процессов, выявленное лонгитюдным изучением репрезентативных групп разных поколений методом психодиагностики, проявляется в виде восьми индивидуально-типологических свойств (сензитивность, тревожность, эмотивность, спонтанность, агрессивность, педантичность, интроверсия, экстраверсия).

Разумеется, схема (рис. 2) отражает соотношения типов ВВД с развивающимися личностными свойствами в случае наиболее четкого и чистого преобладания того или иного типа, что редко можно увидеть в реальности, чаще встречаются сочетания и смешанные варианты.

Приведенные индивидуально-личностные типы реагирования представляют собой базисные свойства личности, включающие в себя мотивационную направленность, эмоциональный тип реагирования на внешние воздействия, когнитивный стиль, тип межличностного отношения. Они выявляются индивидуально-типологическим опросником ИТДО [13] уже в детстве и остаются достаточно устойчивыми на протяжении всей жизни человека

(Стандартизированный многофакторной исследование личности, СМИЛ [15]) с колебаниями ведущих психодиагностических показателей в пределах *индивидуально очерченного диапазона изменчивости*. Этот же паттерн личности продолжается и в преклонном возрасте, не исключая характерные для пожилого возраста изменения.

Таким образом, ведущая тенденция — это дефиниция, определяющая вертикаль древа личности, которая включает в себя врожденные, генетически переданные психофизиологические особенности (как базу для формирования характера), далее — характерологические особенности в виде восьми индивидуально-типологических свойств и, в заключение, как самая верхняя конструкция — индивидуальные особенности зрелой личности, контролируемой самосознанием. Но и здесь очевиден индивидуально-личностный стиль, которым окрашивается избирательность выбора вида деятельности, круга общения, выбора увлечений.

ТИПОЛОГИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ СВОЙСТВ

Выделенная автором статьи типология индивидуально-личностных свойств представлена семью вариантами, для каждого из которых характерна определенная ведущая тенденция с наиболее четко выраженным эмоциональным радикалом.

Сензитивность — это повышенная чувствительность к воздействию окружения, выражающаяся склонностью к рефлексии, глубиной переживаний,

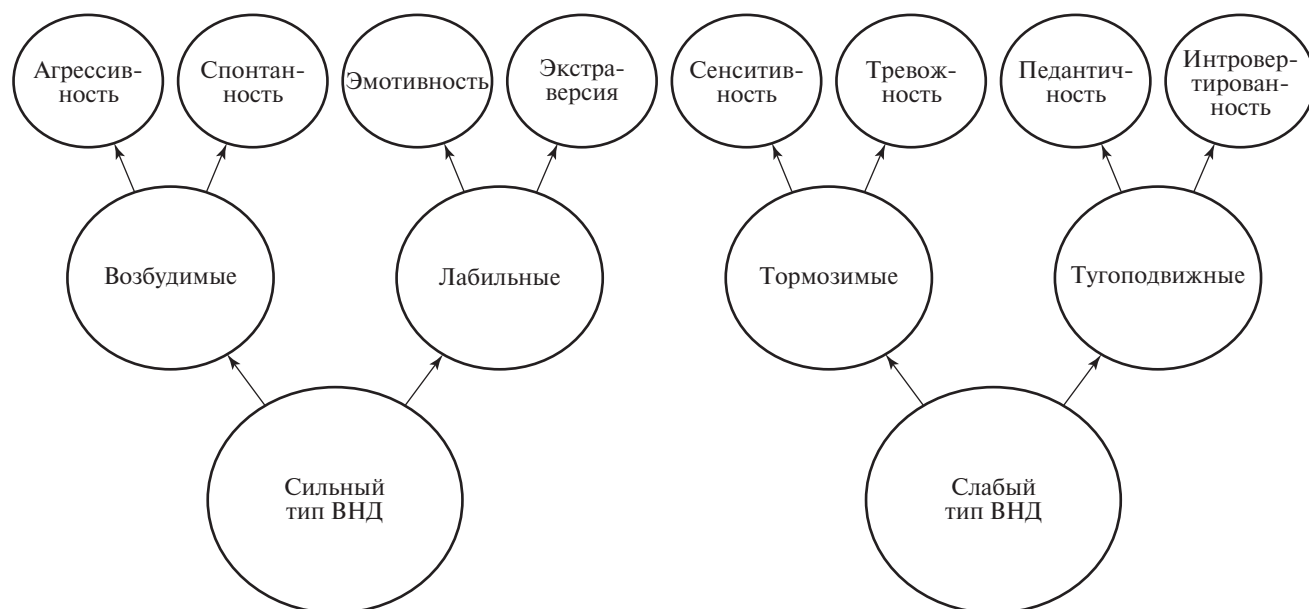

Рис. 2. Соотношение индивидуально-личностных свойств с особенностями нервной системы и типом высшей нервной деятельности

пессимистической оценкой собственных перспектив, стремлением к самосовершенствованию и идеалам. При этом отмечаются преобладание мотивации избегания неуспеха, вербальный тип мышления, конформный стиль поведения в коллективе. Наиболее значимой является аффилиативная потребность, проявляющаяся преданностью в любви и дружбе; отсутствует стремление к лидерству, в ситуации депримированности возникает склонность к драматизации проблем, депрессивным реакциям.

Тревожность — эмоциональная особенность, проявляющаяся как реакция на меняющиеся средовые факторы и ситуации. Умеренная тревожность проявляется нормальной осторожностью, ответственностью и исполнительностью, толерантностью к окружающим. Повышенная тревожность характерна для неуверенных в себе личностей, щепетильных в вопросах морали, суеверных, с повышенным чувством ответственности и преданных в сотрудничестве и дружбе, с гуманной направленностью профессиональных интересов. При максимальной выраженности этого свойства выявляются избыточная осторожность в принятии решений, озабоченность собственными неудачами, комплекс неполноценности, крайняя нерешительность.

Спонтанность как свойство личности характеризуется непосредственностью в самореализации, высокой поисковой активностью, избеганием режимных форм деятельности, подчиняемого статуса, наблюдаются потребность в самостоятельности, тенденция к лидированию, независимость суждений. При значительной выраженности спонтанности к упомянутым характеристикам добавляются избыточная раскрепощенность поведения, импульсивность высказываний, предприимчивость, иногда граничащая с риском, неконформность установок, пренебрежение к общепринятой морали. Преобладают мотивация достижения цели, интуитивный тип мышления, стремление к лидированию в отношениях с окружающими.

Агрессивность проявляется активным самоутверждением, упорством в отстаивании своих интересов, прагматичностью потребностей, преобладанием мотивации достижения; если это качество выражено избыточно, то — склонностью к импульсивным реакциям, наступательностью при самореализации с выраженной враждебностью, приводящей к конфликтам.

Ригидность (недантичность). Для личностей данного типа свойственна инертность установок, настойчивость, субъективизм, повышенное стремление к отстаиванию своих взглядов и принципов, соревновательность, критичность в отношении иных мнений. Преобладает формально-логический

системный стиль мышления. Такие люди успешны в интеллектуальной деятельности, связанной с числами, формулами, конкретностью. При избыточной выраженности этого свойства отмечаются скептицизм, недоверчивость, подозрительность, повышенное чувство соперничества, зависти и ревности, склонность к конфликтам, стремление любой ценой отстаивать свой приоритет, стремление к точности и справедливости перерастает в выраженное упрямство.

Интровертированность — личностное свойство, соответствующее левополушарному типу реагирования, которое в зависимости от степени выраженности проявляется избирательностью в общении, обращенностью в мир субъективных представлений и переживаний, тенденцией к уходу в мир иллюзий, фантазий и субъективных идеальных ценностей. Для интровертов характерны абстрактно-аналитический стиль мышления, преобладание мотивации избегания риска. Им свойственно стремление к видам профессиональной занятости “кабинетного стиля”, к ограничению круга непосредственных контактов и избеганию конфронтации с окружением.

Экстравертированность присуща правополушарному типу реагирования, представлена прямой противоположностью интровертированности и наблюдается как выраженная общительность, открытость явлениям окружающей жизни, подвижность, любовь к общественным мероприятиям, к танцам, к застолию, к самодеятельности, к путешествиям и езде на скоростном транспорте любого вида. Избыточная выраженность экстраверсии проявляется назойливой и неразборчивой общительностью, поверхностными, но обильными привязанностями. В настроении преобладают оптимизм и уверенность в успехе, мышление без опоры на опыт, завышенная самооценка, неумение подчиняться дисциплине, эмоциональная незрелость.

Эмотивность (эмоциональная лабильность) проявляется яркостью эмоциональных реакций, изменчивостью настроения, артистичностью, умением перевоплощаться в разные социальные роли, сентиментальностью, стремлением к эмоциональной вовлеченности, наглядно-образным типом мышления. Для избыточной эмотивности характерны выраженная изменчивость настроения, экзальтация в высказываниях и поведении, противоречивость мотивации, склонность к трансформации эмоциональных реакций в соматические расстройства, акцентуация по истероидному типу.

Эти восемь основных личностных свойств легли в основу методики, которая вошла в практику

психодиагностического исследования как индивидуально-типологический опросник — ИТО.

Внутренний круг схемы на рис. 3 соответствует нормативному разбросу унифицированных количественных показателей психодиагностических методик, которые приведены в единую общую шкалу (от 0 в центре схемы, до 4 — средненормативный показатель, 7 баллов — заметная черта характера, 9 — избыточно проявляющееся свойство) и измеряют степень выраженности того или иного признака: внутренний круг отражает сбалансированность личностных свойств нормы, средний — умеренную выраженность как черты характера, а наружный — акцентуированные, избыточно выраженные черты.

Индивидуальный стиль межличностного поведения также находится в прямой зависимости от типа реагирования, в основе которого лежит та или иная ведущая тенденция. На рис. 4 параметры, обозначенные курсивом, показывают характерные для соседствующих типов личности варианты межличностных отношений, проявляющихся в коллективном взаимодействии, в деловых контактах.

МОТИВАЦИЯ

Под мотивацией в рамках теории ведущих тенденций подразумевается побудительная сила, лежащая в основе устремлений и действий индивида. Мотивация не конкретизируется предметно, но сдвиг мотива на цель (А.Н. Леонтьев) понимается как вариант развития потребностного подхода. Мотивация может быть образно представлена не только как осознанное стремление

к реализации главной, ведущей потребности, но и как сила и направленность активности индивида, уходящая своими корнями в неосознаваемое влечение. Поэтому в рамках построения *психодиагностической модели личности* оказалось уместным наряду с вербальными методиками — индивидуально-типологический опросник (ИТО), вербальный фрустрационный тест (ВФТ), стандартизированный метод исследования личности (СМИЛ, модифицированный тест ММРІ), диагностика межличностных отношений (адаптированная интерперсональная диагностика Т. Лири) применение проективных тестов — Метод цветочных выборов (модифицированный тест М. Люшера), метод портретных выборов (модифицированный тест восьми влечений Сонди). Мотивация достижения успеха в личностном профиле отражаются показателями спонтанности, ригидности, лидерства, независимости, соперничества, общительности. Преобладание мотивации избегания неуспеха сопровождается повышенными показателями по шкалам сензитивности, тревожности и интроверсии в индивидуально-личностном тесте (ИТО), в модифицированном тесте ММРІ [19; 20] — стандартизированном исследовании личности СМИЛ [16], в повышенных баллах по 5-му, 6-му и 7-му октантам в диагностике межличностных отношений ДМО [12] и в интрапунитивных реакциях в вербальном фрустрационном тесте (ВФТ), а также выбор на первые позиции ахроматических и смешанных цветов, мазохистические тенденции и заниженная самооценка в методике портретных выборов (модификация теста Сонди [11]).

Рис. 3. Индивидуально-типологические свойства в их ортогональном соотношении — как тенденции, проявляющиеся на разных уровнях развития личности

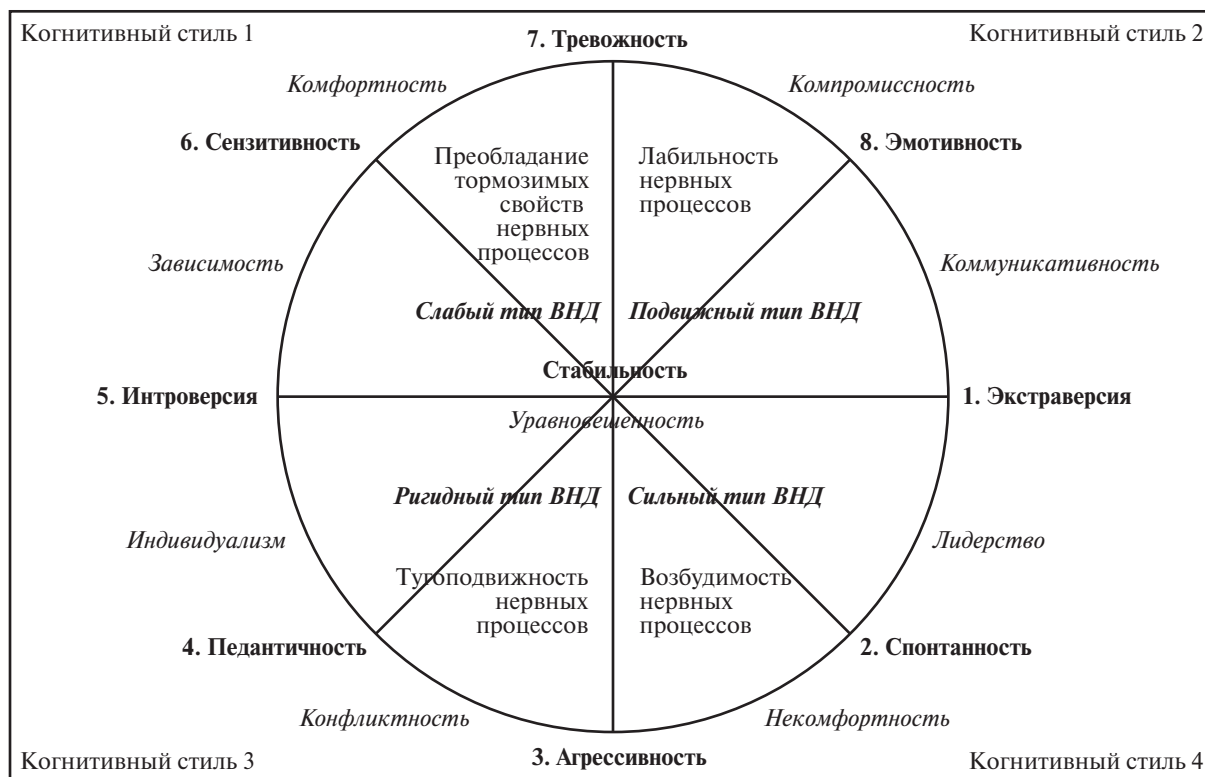
КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ

Когнитивный стиль определяется типом восприятия, переработки и воспроизведения информации, который находится в тесной зависимости от ведущих индивидуально-типологических тенденций [9]. Педантичные личности, формирующиеся в условиях ригидных свойств нервной системы, отличаются формально-логическим, прагматическим мышлением с преобладанием способностей в области цифр, четких схем, конкретных формул и конструкций.

Индивидуально-личностный паттерн эмотивного типа отличается преобладанием наглядно-образного, чувственного, художественного восприятия. У тревожно-интровертных гипостеников преимущественно развит вербальный (словесный) тип мышления и проявляются способности в сфере постижения смысла и обобщения словесной информации. Активные спонтанные личности отличаются целостным интуитивным мышлением, опережающим опыт и обеспечивающим достаточно высокую прогностическую функцию мышления. Социально активные коммуникабельные экстраверты отличаются преобладанием

правополушарных характеристик: освоение новой информации им дается легче через разговорное общение. Среди них эмоционально лабильные и тревожные личности с компромиссным стилем социального поведения отличаются художественным, наглядно-образным типом восприятия, склонностью к опоре на цельно-чувственные образы. Близкие к этой группе спонтанно-стеничные личности больше стремятся к двигательной, а не мыслительной активности. Изучение индивидуального стиля когнитивной деятельности показало достоверные связи (R от 0.56 до 0.82) показателей шкал личностных профилей опросника ИТО и теста СМЛ с типами мышления, выявленными психофизиологическим исследованием межполушарной асимметрии путем сопоставления пупилломоторных реакций и психодиагностических показателей [14].

В совокупности все эти категории — эмоциональные особенности, мотивация, тип мышления и стиль межличностного поведения — составляют индивидуально-типологическую базу, на которой в процессе взаимодействия с окружающей средой и формируются разные типы личности. Вдобавок

Когнитивный стиль:

Левополушарный:

1. Абстрактно-аналитический (вербальный)

3. Формально-логический (числовой)

Мотивация достижения — 1, 2, 3, 4

Правополушарный:

2. Чувственный (наглядно-образный)

4. Интуитивный

Мотивация избегания неуспеха — 5, 6, 7, 8

Рис. 4. Типологические индивидуально-личностные особенности, вариант межличностного поведения, мотивационная направленность и когнитивный стиль в соотношении с физиологическими свойствами высшей нервной деятельности и особенностями нервной системы

к ним разные сочетания дают дополнительные личностные паттерны.

ВЫСШИЙ УРОВЕНЬ ЛИЧНОСТИ

Четвертый самый верхний уровень — зрелая социализированная личность, развивающаяся под влиянием среды, культурных традиций своего этноса и мирового опыта личность, подчинившая свои непосредственные проявления и черты характера осознанному Я. Однако и социально направленная активность достигшей высшего уровня развития личность обнаруживает ту индивидуальную избирательность, которая обусловлена типологической принадлежностью, т.е. ведущей (количественно преобладающей) тенденцией. Вид социальной активности и, в частности, спектр разнообразных видов профессиональной деятельности, пристрастий и ценностей имеют ограничения в рамках той predisпозиции, которая обусловлена индивидуально-личностным типом.

По вертикали преобладающее врожденное свойство в качестве доминирующей тенденции насквозь пронизывает все уровни развития личности снизу доверху, а по горизонтали структура личности представляет собой сочетание эмоциональных характеристик (сензитивность, тревожность, эмотивность, экстраверсия, спонтанность, педантичность, интроверсия), соответствующую им мотивацию, стиль межличностного поведения и тип мышления. Если к этому добавить диапазон и колебания личностных свойств в показателях трех-четырёх разных методик в лонгитюдном исследовании, то получится *объемная трехмерная модель личности*.

Формальные показатели, выявляемые в структуре многостороннего психодиагностического исследования, обрисовывают индивидуальный стиль эмоционального реагирования, мотивационной направленности, типа мышления и стиля межличностных отношений обследуемого лица. Это те непосредственные проявления, с помощью которых человек адаптируется в окружающем мире, свойственная ему форма реагирования, проистекающая из истории развития человеческой психики, насчитывающей миллионы лет. Однако необходимо принимать во внимание важнейшую роль *интегративного ядра личности*: это надструктурное образование, формирование которого связано с социализацией личности, управляемой самосознанием.

САМОСОЗНАНИЕ

КАК ИНТЕГРАТИВНОЕ ЯДРО ЛИЧНОСТИ

Самосознание зрелой личности основано на том, что непосредственное поведение контролируется

и соизмеряется соответствием своим нравственным идеалам. Это стержневой, ядерный конструкт структуры личности, обладающий функцией саморегуляции. Осознанное стремление управлять собой, бороться с импульсивными реакциями, с собственными непосредственными проявлениями, разумно использовать привитые навыки, осмысленно руководить своими поступками, вырабатывая стратегию целенаправленного поведения, — все это осуществляется стержневым свойством личности, ядерным конструктом, осознанным Я. Оно включает в себя самооценку, которая в структуре ядра личности отличается тем, что она ориентирована на сложившееся собственное нравственное кредо личности и позволяет понять не просто степень соответствия общепринятой морали (отвечая на вопрос “Кем я хочу казаться”), но и созвучность собственному нравственному идеалу личности (“Каким я должен быть”). Однако критерий нравственности не всегда идеален в прямом понимании этого слова. В процессе социализации у человека сформировались не только позитивные черты, выгодно отличающие его от животных, но и те проявления, которые отличают его не в лучшую сторону: лживость, коварство, предательство, жестокость и пр. В условиях адаптации к социуму человек познает не только высокие критерии высокого предназначения (честность, порядочность, доброта, самоотверженность, альтруизм), но и циничное отношение к тому, как можно добиться желаемой цели наиболее легким путем, пренебрегая интересами других людей, приучиться к изворотливости, к неразборчивости в средствах. Но даже при “плохих” (с точки зрения социума) поступках человек стремится оправдать их с позиций *своего* нравственного идеала, а хорош этот идеал или плох — это его личный опыт и судьба, диктующие свои законы. Для психологов не может быть разграничений людей на “хороших” и “плохих”, так как им приходится изучать личностные особенности преступника, наркомана, алкоголика, суицидента, экстремиста, больного человека. При этом опыт показывает, что даже у преступников, хулиганов и убийц методами психологической диагностики выявляется позитивная самооценка. Изучение психологии преступников (опыт работы в Институте предупреждения преступности и в ГНЦ ССП им. В.П. Сербского) показало, что у злостных хулиганов, грабителей и убийц шкалы, отражающие уровень самооценки, за пределами высокие, а свои агрессивные действия по отношению к другим они полностью оправдывают тем, что окружающий мир жесток и несправедлив, и уверены, что их действия носят характер самозащиты или мести за все

те злключения, которые выпали на их долю (А.Р. Ратинов, Г.Х. Ефремова [8]).

ВЫВОДЫ

Таким образом, личность — это открытая внешнему опыту саморегулирующаяся система, в которой на всех уровнях развития проявляется ведущая тенденция, придающая индивидуальную окраску таким структурным компонентам, как эмоциональный паттерн, мотивационная направленность, стиль мышления и способ общения с окружающими. Личность открыта внешним воздействиям и обладает свойством динамичности, реагируя на влияние среды в пределах индивидуально очерченного диапазона изменчивости, что делает структуру личности адаптивной к меняющимся условиям. Высшие уровни самосознания, социальная направленность и иерархия ценностей индивида не только формируются под влиянием социума, но и зависят от индивидуального тропизма, т.е. той избирательности, которая ограничивает количество степеней выбора пути конкретного человека при самореализации и освоении им многообразия окружающего мира. *Интегративное ядро* определяет зрелость личности и реализуется через самосознание, самооценку и самоконтроль.

Внутриличностная гармония обуславливается уравновешенностью разнонаправленных, полярных друг другу тенденций (единство и борьба противоположностей, переход количества в качество). Выраженная избирательность и мотивационная направленность в определенную сторону, созвучную собственным наклонностям, свойственны лицам с ярко очерченной индивидуальностью. Этнопсихолог и историк Л.Н. Гумилев считал, что пассионарные личности, которым недостаточно удовлетворения эгоистических потребностей, устремленных к иным, надпрагматическим целям, — лишь они способны к незаурядным свершениям и могут двигать этнос к прогрессу и совершенствованию. Духовно богатая личность сама наполняет свою жизнь смыслом. Обнаружить эту духовность можно по признакам, которые свидетельствуют

Таблица. Комплексный подход к уровням самосознания

ИТО	ДМО	Сонди	МЦВ	СМИЛ
Экстраверсия	I	m+ d+	Желтый	9-я
Эмотивная лабильность	VIII	m+ hy+	Фиолетовый	3-я
Тревожность	VII	e+ hy+	Коричневый	7-я + 2-я
Сензитивность	VI	h+ s-	Синий	2-я
Интроверсия	V	h- k-	Серый	0-я+2-я
Педантичность	IV	p- e-	Зеленый	6-я+8-я
Агрессивность	III	e- s+	Черный	6-я+4-я
Спонтанность	II	p+ m-	Красный	4-я

о степени освоения человеком культуры своего этноса и достижений мирового наследия.

ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТИ

Автором настоящей статьи разработана методология многоуровневого, разностороннего изучения личностных свойств в виде *комплексного подхода* (см. таблицу), реализованного как батарея тестов. В отличие от распространенных наборов психодиагностических тестов, которые не имеют теоретического обоснования, разработанная автором статьи методология психодиагностического исследования базируется на основных положениях теории ведущих тенденций. Каждая из входящих в эту батарею методик направлена на изучение определенных личностных подструктур (мотивация, эмоции, тип мышления, стиль межличностного поведения). С их помощью освещаются разные уровни самосознания: 1) субъективная самооценка (индивидуально-типологический опросник (ИТО), метод диагностики межличностных отношений (ДМО); 2) внутренняя картина образа Я — полупроективные тесты, какими являются стандартизированный многофакторный метод исследования личности (СМИЛ) и вербальный фрустрационный тест (ВФТ); 3) неосознаваемые влечения и переживания — проективные, глубинные тесты (Метод цветных выборов, модифицированный тест Люшера МЦВ, Метод портретных выборов (МПВ) — модификация теста Сонди. Путем корреляционного анализа выявлены достоверные связи между сравнимыми по психологической сущности показателями всех используемых тестов: $R = 0.46$ — по ригидности, 0.52 — по лабильности, а по сензитивности, тревожности, агрессивности, спонтанности, экстраверсии и интроверсии R составляет от 0.67 до 0.83 .

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявление индивидуально-личностных особенностей, базирующееся на теоретическом подходе, значительно эффективнее чисто эмпирических

числовых показателей, не создающих целостной картины личностного паттерна. Теория ведущих тенденций дает возможность выявить структуру личностных свойств в разные возрастные периоды человека с учетом гендерных особенностей и ситуационно обусловленных изменений. В свою очередь, психодиагностика как инструмент изучения личностных свойств дает возможность выявить степень выраженности личностных свойств в их индивидуальном разнообразии и сопоставить показатели как внутри каждого теста, так и между данными разных методик. Математическая подоплека тестовых методик позволяет повысить достоверность результатов обследования и тем самым приблизить психологию к категории наук, положения которых подлежат проверке методами математического анализа.

Как показывает опыт лонгитюдных исследований, ведущая тенденция может служить предиктором ситуативно обусловленного дезадаптивного состояния и выявлять зону риска в отношении определенных социально опасных тенденций (криминальные наклонности, суицидальные намерения, затаенная агрессия).

С опорой на положения теории ведущих тенденций в повседневном процессе поиска решений в разнообразных, не похожих друг на друга ситуациях сформировался тот универсальный подход, с помощью которого выстроилась весьма эффективная модель психодиагностического исследования в виде специально подобранной батареи тестовых методик, которая более чем за 30 лет практического применения подтвердила свою надежность и эффективность. Продуманное сочетание нескольких методик, входящих в этот комплекс, значительно повышает их результативность. Достоверность каждого отдельного теста повышается, если значимость его показателей подтверждается близкими по психологическому содержанию показателями других тестов. Однако даже при применении компьютерных программ нельзя исключать участие психолога в диалоге с обследуемым. Исследование личности должно сопровождаться учетом всей сопутствующей ситуации. При этом любая выявленная реакция на ситуацию — это реакция, характерная для определенного типа личности, и поэтому так или иначе указывает на тип личности обследуемого человека.

Методики, входящие в психологическую автоматизированную экспертную систему, подробно описаны в опубликованных практических руководствах и уже более 20 лет успешно применяются психологами в их практической и научно-исследовательской работе, в том числе во многих государственных организациях (МВД, МЧС, Аэрофлот, РЖД, Прокуратура России, ГАЗПРОМ,

Департамент занятости населения, сфера образования и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
2. *Выготский Л.С.* Основные механизмы человеческого поведения. М.: Изд-во БЗО при педагогическом факультете 2-го МГУ, 1930. № 4. С. 48–61.
3. *Голубева Э.А.* Способности и индивидуальность. М.: Прометей, 1993. 306 с.
4. *Губачев Ю.М., Стабровский Е.М.* Клинико-физиологические основы психосоматических соотношений. Л.: Медицина, 1981. 216 с.
5. *Изард К.Е.* Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980. 439 с.
6. *Мадди Сальваторе Р.* Теории личности: сравнительный анализ: Пер. с англ. СПб.: Речь, 2002. 539 с.
7. *Небылицин В.Д.* Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М.: Просвещение, 1976. 384 с.
8. *Панферов В.Н., Микляева А.В.* Принцип целостности в интеграции психологического знания // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 5–14.
9. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М.: Педагогика, 1973; СПб.: Питер, 2002. 720 с.
10. *Русалов В.М.* О взаимоотношении свойств темперамента и эффективности индивидуальной и совместной деятельности // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 6. С. 50–59.
11. *Собчик Л.Н.* Метод портретных выборов. Модификация теста восьми влечений Сонди. М.: Боргес, 2010. 82 с.
12. *Собчик Л.Н.* Практическое руководство: Диагностика межличностных отношений ДМО. М.: Боргес, 2010. 48 с.
13. *Собчик Л.Н.* Практическое руководство: Индивидуально-типологический опросник ИТО. М.: Боргес, 2010. 55 с.
14. *Собчик Л.Н.* Психодиагностика в профориентации и кадровом отборе // VI Всероссийский съезд психологов: Сборник трудов. Челябинск, 2016. С. 128.
15. *Собчик Л.Н.* Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб.: Речь, 2005. 485 с.
16. *Собчик Л.Н.* Стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМИЛ. М.: Боргес, 2003. 250 с.
17. *Теплов Б.М.* Способности и одаренность. М.: МГУ, 1982.
18. *Фресс П., Пиаже Ж.* Экспериментальная психология. М., 1975.
19. *Dahlstrom W.G., Welsh G.S.* An MMPI handbook. Minneapolis, 1960. 601 p.
20. *Hathaway S., Mc Kinley J.* Basic readings of MMPI in psychology and medicine. Minneapolis, 1956.

THEORY AND PRACTICE OF PSYCHOLOGY OF INDIVIDUALITY

L. N. Sobchik

*Doctor of Psychological Sciences, Member of Moscow Psychotherapeutic Academy,
Corresponding Member of the International Academy of Informatization.*

125367, Moscow, Vrachebnyj pass., 8, bldn. 2, Russia.

E-mail: luniso@yandex.ru

Received 20.10.2022

Abstract. Due to the pace of development and increasing complexity of production technologies, as well as with the increasing stress on the human psyche, the identification of personal characteristics plays an increasingly important role in the daily life of the country. As a result of long-term study of personality, the author created the theory of leading tendencies as a theoretical approach in the psychology of individuality. Within the framework of this theory, the individual style of personality is manifested in the properties of temperament, continues in the character traits and creates a certain emotional and behavioral background of the formed socialized personality, that is, at the top level of its development. At the different levels of development (temperament, character, the personality) the structure of the personality is represented as manifestation polarity of the correlated opposite emotional characteristics interconnected with motivational orientation, style of interpersonal behavior and type of thinking. The becoming complicated structure of the opposed polar properties at all these levels contains the main style (individual) coloring that is the leading individual and personal tendency, which remains defining without watching the control of consciousness increasing to the highest level. In practice, personal characteristics are reflected in the quantitative indicators of the psychodiagnostic multidimensional model, which is built on survey data several mutually reinforcing and complementary techniques as verbal and projective (nonverbal). Methods of psychological diagnostics allows you to identify a holistic portrait of the individual and allows you to use the methods of mathematical analysis, which greatly increases the reliability and validity of the methods used. Digital indicators of the psychological automated expert system, consisting of a set of specially selected computerized programs, reflect a multidimensional psychodiagnostic model of personality based on the theory of leading tendencies.

Keywords: personality, typology, emotion, motivation, attitude, leading tendencies, consciousness.

REFERENCES

1. *Anan'ev B.G.* Chelovek kak predmet poznaniya. Saint-Petersburg: Piter, 2001. 288 p. (In Russian)
2. *Vygotskij L.S.* Osnovnye mehanizmy chelovecheskogo povedeniya. Moscow: Izd-vo BZO pri pedagogicheskom fakul'tete 2-go MGU, 1930. № 4. P. 48–61. (In Russian)
3. *Golubeva Je.A.* Sposobnosti i individual'nost'. Moscow: Prometej, 1993. 306 p. (In Russian)
4. *Gubachev Ju.M., Stabrovskij E.M.* Kliniko-fiziologicheskie osnovy psihosomaticheskikh sootnoshenij. Leningrad: Medicina, 1981. 216 p. (In Russian)
5. *Izard K.E.* Jemocii cheloveka. Moscow: Izd-vo MGU, 1980. 439 p. (In Russian)
6. *Maddi Sal'vatore R.* Teorii lichnosti: sravnitel'nyj analiz. Trans. from Engl. Saint-Petersburg: Rech, 2002. 539 p. (In Russian)
7. *Nebylicin V.D.* Psihofiziologicheskie issledovanija individual'nyh razlichij. Moscow: Prosveshhenie, 1976. 384 p. (In Russian)
8. *Panferov V.N., Mikljaeva A.V.* Princip celostnosti v integracii psihologicheskogo znaniya. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 2. P. 5–14. (In Russian)
9. *Rubinshtejn S.L.* Osnovy obshhej psihologii. Moscow: Pedagogika, 1973; Saint-Petersburg: Piter, 2002. 720 p. (In Russian)
10. *Rusalov V.M.* O vzaimootnoshenii svojstv temperamenta i jeffektivnosti individual'noj i sovmestnoj dejatel'nosti. Psikhologicheskii zhurnal. 1982. V. 3. № 6. P. 50–59. (In Russian)
11. *Sobchik L.N.* Metod portretnyh vyborov. Modifikacija testa vos'mi vlechenij Sondi. Moscow: Borges, 2010. 82 p. (In Russian)
12. *Sobchik L.N.* Prakticheskoe rukovodstvo: Diagnostika mezhlchnostnyh otnoshenij DMO. Moscow: Borges, 2010. 48 p. (In Russian)
13. *Sobchik L.N.* Prakticheskoe rukovodstvo: Individual'notipologicheskij oprosnik ITO. Moscow: Borges, 2010. 55 p. (In Russian)
14. *Sobchik L.N.* Psihodiagnostika v proforientacii i kadrovom otbore. VI Vserossijskij s'ezd psihologov. Sbornik trudov. Cheljabinsk, 2016. P. 128. (In Russian)
15. *Sobchik L.N.* Psihologija individual'nosti. Teorija i praktika psihodiagnostiki. Saint-Petersburg: Rech, 2005. 485 p. (In Russian)
16. *Sobchik L.N.* Standartizirovannyj mnogofaktornyj metod issledovanija lichnosti SMIL. Moscow: Borges, 2003. 250 p. (In Russian)
17. *Teplov B.M.* Sposobnosti i odarennost'. Moscow: MGU, 1982. (In Russian)
18. *Fress P., Piazhe Zh.* Jeksperimental'naja psihologija. Moscow, 1975. (In Russian)
19. *Dahlstrom W.G., Welsh G.S.* An MMPI handbook. Minneapolis, 1960. 601 p.
20. *Hathaway S., Mc Kinley J.* Basic readings of MMPI in psychology and medicine. Minneapolis, 1956.

ЖУРАВЛЁВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

22 ноября 2022 г. ушла из жизни Елена Владимировна Журавлёва, заместитель главного редактора “Психологического журнала”, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН.

В течение последних 18 лет она была сердцем журнала, организуя работу редакции и редколлегии для достижения высокого качества публикаций. Благодаря усилиям Елены Владимировны были созданы новые правила “Психологического журнала” (разработанные в 2007 г., с уточнением и развитием их положений в 2015 г.), соответствующие мировым научным стандартам, современному состоянию психологии как научной дисциплины, нормативам организации и проведения исследований, образовательным стандартам по психологическим специальностям.

Цельность характера Елены Владимировны, ее доброта, щедрость и чуткость в отношениях с коллегами, профессиональная компетентность, строгость и честность, трепетное служение делу всей ее жизни способствовали тому, что в постоянно меняющихся обстоятельствах “Психологический журнал” остается средоточием обсуждения “болевых” точек психологии, формируя вектор развития и стандарты теоретических и эмпирических исследований.

Елена Владимировна была счастливым человеком. Она состоялась как ученый-исследователь, как редактор, увлеченно занимаясь именно тем,

что считала важным и актуальным для психологии и психологического сообщества.

Родилась Елена Владимировна в Москве 6 июля 1953 г. Ее отец Фаготов Владимир Иванович с 1941 г. воевал на фронтах Великой отечественной войны и получил в 1945 г. звание Героя Советского Союза, орден Ленина и медаль “Золотая Звезда”. Военную карьеру также выбрал ее младший брат — Фаготов Александр Владимирович, военным был и ее муж — Журавлёв Юрий Вадимович. Мама Елены Владимировны — Вера Михайловна, филолог, преподаватель французского языка, по-видимому, от нее у Елены Владимировны было прекрасное “чувство языка”. У Елены Владимировны есть сын — Вадим и два внука, которыми она очень гордилась.

После окончания средней школы в 1970 г. Елена Владимировна готовилась к поступлению на психологический факультет МГУ и в 1971 г. стала студенткой этого факультета, выбрав для специализации кафедру социальной психологии. Ее дипломная работа была посвящена изучению психологических барьеров межличностной коммуникации. Уже на факультете проявилось желание Елены Владимировны участвовать в распространении научного знания: она стала членом редколлегии факультетской стенгазеты “Психолог”.

В Институт психологии АН СССР Елена Владимировна впервые пришла в 1975 г. для прохождения производственной практики, а через год, после окончания университета, поступила на работу

в сектор социальной психологии института. Елена Владимировна проводила исследования на промышленных предприятиях, изучая общение, психологические барьеры в процессе трудового взаимодействия, социально-психологические аспекты социалистического соревнования в производственных коллективах. Она писала научные статьи, участвовала в конференциях, вела переписку с психологами зарубежных стран.

Вся научно-исследовательская деятельность Елены Владимировны в должности младшего научного сотрудника, научного, а затем и старшего научного сотрудника была связана с лабораторией социальной психологии института (от сектора социальной психологии до лаборатории социальной и экономической психологии). После окончания очной аспирантуры Института психологии АН СССР в 1984 г. Елена Владимировна под руководством Е.В. Шороховой защитила кандидатскую диссертацию «В.И. Ленин о психологии классов и социально-психологических способах воздействия на нее». С началом перестройки она изучала динамику межличностных отношений в группах в экстремальных условиях, поведение в конфликтных ситуациях в зависимости от типа отношения к окружающим, динамику и факторы формирования представлений личности о себе и других в экстремальных условиях жизнедеятельности группы, выступала научным редактором книг и научных отчетов лаборатории. В 90-х годах Елена Владимировна участвовала в исследованиях проблем экономического сознания личности и группы — динамики экономического сознания личности группы в зависимости от их статуса как собственников, психологических причин предпочтения работы на предприятиях различной формы собственности.

С 2004 г. Елена Владимировна Журавлёва — заместитель главного редактора «Психологического журнала».

Елена Владимировна была эффективным организатором работы редакции, решительным и справедливым человеком, от нее исходила теплая забота о членах редколлегии, сотрудниках редакции, авторах и рецензентах журнала. Она смело и обоснованно отклоняла пришедшие в редакцию рукописи, если они не соответствовали принятым в науке нормам проведения исследований. При этом в содружестве с научными редакторами и рецензентами она всячески помогала улучшить качество принятых рукописей. Эта колоссальная работа требовала много времени и сил, поскольку зачастую приходилось проявлять настойчивость,

убеждая авторов рукописи адекватно воспринять обоснованную критику и доработать рукопись, поднимая ее на качественно новый уровень.

Елена Владимировна была заботливой женой и мамой, а затем и доброй бабушкой для двух внуков, с гордостью и теплотой рассказывая о членах своей семьи за традиционными еженедельными чаепитиями в редакции. Когда Елена Владимировна рассказывала о сыне, который на тот момент работал далеко от дома, казалось, что ее безграничная материнская любовь физически защищает и согревает сына через сотни километров. Елена Владимировна была не только теплым и мягким человеком, но и настоящей наставницей, ей можно было позвонить среди ночи и получить поддержку по профессиональным и личным вопросам. Она знала имена всех детей и внуков сотрудников редакции и могла поговорить по душам и с пятилетним ребенком, и с бабушкой сотрудника. При общении создавалось ощущение, что любая проблема — пустяк. Она была потрясающе эрудированным и прозорливым человеком: анализировала все происходящее острым умом социального психолога.

В последние месяцы Елена Владимировна стойко боролась с навалившимися на нее проблемами со здоровьем, но каждый день продолжала работать, редактируя рукописи, поступившие в «Психологический журнал», добиваясь того, чтобы номер выходил в срок и качество статей журнала оставалось неизменно высоким.

Благодаря усилиям, упорству, жизненной мудрости Елены Владимировны «Психологический журнал» продолжает быть лидером изданий в психологической науке не только нашей страны. Работы всех авторов, как именитых, так и начинающих, проходили ее экспертизу, и авторы всегда получали профессиональный отклик, рекомендации и необходимую помощь.

Символично, что Елены Владимировны не стало в День психолога — вся ее жизнь — это жизнь Психолога — Профессионала и Человека, Друга и Коллеги, Мамы и Бабушки, любящей Жены и Родной для близких.

Уход Елены Владимировны — тяжелая утрата для всех нас — коллег, друзей и, конечно, для родных и близких. В нашей памяти навсегда останется образ дорогого для нас, душевного и талантливого человека, а в сердце каждого из нас — бесконечная благодарность.

*Редакция и редколлегия
«Психологического журнала», коллеги и друзья*

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В “ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ” В 2022 Г. ТОМ 43

- Аведисова А.С.** См. Пашнин Е.В. № 1.
- Акмаев В.А.** Психометрические показатели и модификация методики негативного отношения к роботам (NARS). № 6, 76–84.
- Александров Ю.И.** См. Учаев А.В. № 6.
- Александров Ю.И., Созинов А.А., Сварник О.Е., Созинова И.М., Булава А.И., Колбенева М.Г., Апанович В.В., Сухино-Хоменко Е.А., Арутюнова К.Р., Бахчина А.В., Ананьева К.И., Знаков В.В., Носуленко В.Н., Постылякова Ю.В.** Фундаментальная наука и практика: от мультидисциплинарного анализа научения, памяти и моральных решений к практикоориентированным разработкам методов обучения и воспитания. № 2, 5–19.
- Ананьева К.И.** См. Александров Ю.И. № 2.
- Апанович В.В.** См. Александров Ю.И. № 2.
- Артемцева Н.Г., Самойленко Е.С.** Шкала “Сравнение физической внешности”: апробация на российской выборке. № 4, 99–108.
- Артемьева О.А.** Исследования способностей руководителя научного коллектива в истории советской психологии. № 6, 66–75.
- Арутюнова К.Р.** См. Александров Ю.И. № 2.
- Балева М.В., Ковалева Г.В.** Формирование отношения к амбивалентному другому: какая информация принимается в расчет? № 1, 32–41.
- Бахчина А.В.** Нелинейный анализ вариабельности сердечного ритма: возможности использования в психологических исследованиях. № 2, 96–104.
- Бахчина А.В.** См. Александров Ю.И. № 2.
- Белопольский В.И., Костригин А.А., Журавлев А.Л.** Годы, люди, книги: научно-издательская деятельность Института психологии РАН (1972–2021). Часть I. Научно-организационные и библиометрические аспекты. № 6, 5–17.
- Блинова Е.Н., Щербакова О.В.** Влияние формата текста на когнитивную оценку достоверности его содержания. № 3, 89–101.
- Бочавер К.А., Резниченко С.И.** Личностная аутентичность как ресурс преодоления синдрома профессионального выгорания. № 2, 61–71.
- Бочарова Е.Е.** См. Шамионов Р.М. № 3.
- Булава А.И.** См. Александров Ю.И. № 2.
- Бухаленкова Д.А.** См. Веракса Н.Е. № 1.
- Веракса А.Н.** См. Веракса Н.Е. № 1.
- Веракса Н.Е., Бухаленкова Д.А., Веракса А.Н., Чичина Е.А.** Взаимосвязь использования цифровых устройств и развития регуляторных функций у дошкольников. № 1, 51–59.
- Витко Ю.С.** См. Золотарева А.А. № 6.
- Войнова Н.И.** См. Пашнин Е.В. № 1.
- Войтенко Т.П.** Подвиг и героизм как культурно-исторические феномены и их значение для психологической науки. № 2, 30–40.
- Воронин А.Н., Чвилева О.В., Смирнов И.В., Станкевич М.А.** Модификация психотерапевтического курса в условиях онлайн консультирования (на примере психодинамического подхода). № 6, 51–65.
- Вязовкина В.К.** См. Корниенко Д.С. № 5.
- Герсамия А.Г.** См. Пашнин Е.В. № 1.
- Гехт А.Б.** См. Пашнин Е.В. № 1.
- Горностаев И.С.** См. Корниенко Д.С. № 5.
- Григорьев О.Г., Кузнецова Ю.М., Никитина Е.Н., Смирнов И.В., Чудова Н.В.** Каузативно-эмотивный анализ. Часть I. Методика изучения эмоциональных реакций пользователей социальных сетей. № 3, 114–121.
- Григорьев О.Г., Кузнецова Ю.М., Никитина Е.Н., Станкевич М.А., Чудова Н.В.** Каузативно-эмотивный анализ. Часть II. Исследование реакций зрителей Youtube-каналов на пропаганду. № 4, 90–98.
- Грудинин В.А.** См. Матюшкина А.А. № 6.
- Дюпина С.А.** См. Черемошкина Л.В. № 3.
- Елисеева Н.Д.** О системообразующей характеристике якутского менталитета. № 2, 84–95.
- Журавлев А.Л.** См. Белопольский В.И. № 6.
- Журавлев А.Л.** См. Китова Д.А. № 2.
- Журавлев А.Л.** См. Китова Д.А. № 5.
- Журавлев А.Л.** См. Костригин А.А. № 5.
- Журавлев А.Л.** См. Мироненко И.А. № 2.
- Журавлев А.Л.** См. Позняков В.П. № 1.
- Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.** Системно-сетевая организация современных понятий психологии (на примере разработок сотрудников Института психологии РАН). № 3, 5–24.
- Журавлев А.Л., Стоюхина Н.Ю.** Совещание по вопросам психологии 1952 г. (к 70-летию проведения). № 5, 71–80.
- Журавлев А.Л., Холондович Е.Н.** Основные направления научно-исследовательской работы лаборатории истории психологии и исторической психологии ИП РАН в 2017–2021 гг. № 4, 5–14.
- Журавлев А.Л.** См. Моргун А.Н. № 6.
- Зинчук М.С.** См. Пашнин Е.В. № 1.
- Знаков В.В.** См. Александров Ю.И. № 2.

- Знаменская И.И., Ярославцева Т.Г.** Привязанность матери к плоду: факторы формирования и практическое применение конструкта. № 2, 72–83.
- Золотарева А.А.** См. Шевелева М.С. № 3.
- Золотарева А.А., Смирникова О.В., Витко Ю.С.** Соматизация, психологический дистресс и качество жизни у сельских и городских жителей России. № 6, 94–104.
- Киселев С.Ю.** См. Павлова П.А. № 6.
- Китова Д.А., Журавлев А.Л.** Автоматизированный анализ текстов в психологии: состояние и перспективы мировых исследований. № 2, 105–115.
- Китова Д.А., Журавлев А.Л.** Феномен ответственности в структуре представлений россиян о профессиональной деятельности. № 5, 47–57.
- Ковалева Ю.В.** Субъектность сетевых и реальных политических движений в условиях информационного общества. № 3, 34–45.
- Колбенева М.Г.** См. Александров Ю.И. № 2.
- Коннов В.И.** Интеллектуальные и социально-политические контуры советской психологии середины 1970-х годов: по материалам архивов Института психологии РАН и Российской академии наук. № 4, 69–78.
- Корниенко Д.С.** См. Шевелева М.С. № 3.
- Корниенко Д.С., Вязовкина В.К., Горностаев И.С.** Адаптация и психометрическая проверка методики “Короткий опросник Темной тетрады”. № 5, 87–98.
- Корнилова Т.В.** Эмпатия в структурах интеллектуально-личностного потенциала: единство интеллекта и аффекта. № 3, 57–68.
- Костригин А.А.** См. Белопольский В.И. № 6.
- Костригин А.А., Журавлев А.Л.** Количественный анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению методологии психологии в 2002–2021 гг. № 5, 99–120.
- Котов А.А.** См. Ляшенко А.К. № 5.
- Кузнецова Ю.М.** См. Григорьев О.Г. № 3.
- Кузнецова Ю.М.** См. Григорьев О.Г. № 4.
- Кунашенко М.И.** См. Матюшкина А.А. № 6.
- Леонова Е.Н.** См. Хотинец В.Ю. № 5.
- Литвинов В.Ю.** Особенности восприятия праздников у молодежи из различных макрорегионов России. № 1, 60–71.
- Лукьянов Е.С.** См. Ляшенко А.К. № 5.
- Ляшенко А.К., Лукьянов Е.С., Котов А.А.** Связь правила категоризации с категориальным зрительным поиском. № 5, 36–46.
- Мазилев В.А.** См. Шадриков В.Д. № 3.
- Максимов Д.М.** См. Павлова П.А. № 6.
- Матюшкина А.А., Грудинин В.А., Кунашенко М.И.** Теория проблемных ситуаций: перспективы исследований. К 95-летию Алексея Михайловича Матюшкина. № 6, 18–27.
- Медынцев А.А.** Интерфейс мозг–компьютер: основные подходы. Часть I. Интерфейсы на основе регистрации электрической активности мозга. № 1, 72–82.
- Медынцев А.А.** Интерфейс мозг — компьютер: основные подходы. Часть II. Интерфейсы на основе регистрации движений глаз и уровня оксигенации крови. № 2, 116–127.
- Мироненко И.А., Журавлев А.Л.** Культурная психология Яана Вальсинера. Часть II. Школа динамического семиозиса. № 2, 41–50.
- Мироненко И.А., Сорокин П.С.** Проблема проактивности личности во взаимодействии со средой в современном международном дискурсе. № 4, 79–89.
- Мишкевич А.М., Щebetенко С.А., Калугин А.Ю., Сото К.Дж., Джон О.П.** Апробация краткой и сверхкраткой версий вопросника Big Five Inventory-2: BFI-2-S и BFI-2-XS. № 1, 95–108.
- Моргун А.Н., Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л.** Цитируемость “Психологического журнала” в информационном пространстве ведущих мировых научных изданий. № 6, 105–118.
- Мухамедрахимов Р.Ж., Туманьян К.Г.** Привязанность у детей в различные периоды современного российского общества. № 4, 27–35.
- Нагайчук А.Ф.** Технология модерации в урегулировании конфликта: структура и алгоритм. № 3, 46–56.
- Невский Е.В.** См. Шамионов Р.М. № 3.
- Никитина Е.Н.** См. Григорьев О.Г. № 3.
- Никитина Е.Н.** См. Григорьев О.Г. № 4.
- Николаев Д.Е.** Теоретико-методологические основы моделей психологического воздействия. № 2, 51–60.
- Носуленко В.Н.** См. Александров Ю.И. № 2.
- Олейник Ю.Н.** См. Моргун А.Н. № 6.
- Павлова Н.Д.** Дискурс информационного общества: результаты и перспективы психологических исследований. № 2, 20–29.
- Павлова П.А., Максимов Д.М., Чегодаев Д.А., Киселев С.Ю.** Сравнение показателей нервно-психического развития российских детей с оригинальными нормами методики “шкалы развития Бэйли-III”. № 6, 85–93.
- Пашнин Е.В., Зинчук М.С., Герсамя А.Г., Войнова Н.И., Яковлев А.А., Аведисова А.С., Гехт А.Б.** Верификация структуры опросника “Причины для жизни” на клинической выборке. № 1, 109–121.
- Пермякова Т.М.** См. Шевелева М.С. № 3.
- Позняков В.П., Журавлев А.Л. Б.Ф.** Ломов о проблемах социальной психологии. № 1, 5–16.
- Польская Н.А., Якубовская Д.К.** Идеализация тела в социальных медиа. № 2, 128–141.

- Попов Л.М., Устин П.Н.** Истоки когнитивно-поведенческой психологии в работе В.М. Бехтерева “Сознание и его границы”. № 1, 83–94.
- Постылякова Ю.В.** См. Александров Ю.И. № 2.
- Рассказова Е.И.** См. Солдатова Г.У. № 5.
- Ребеко Т.А.** Психосоматика кожных заболеваний и репрезентация психического пространства. № 4, 48–58.
- Руднова Н.А.** См. Шевелева М.С. № 3.
- Самойленко Е.С.** См. Артемцева Н.Г. № 4.
- Сварник О.Е.** См. Александров Ю.И. № 2.
- Свенцицкий А.Л.** Возрождение отечественной социальной психологии. № 5, 81–86.
- Семенов И.Н.** Научоведческая рефлексия персонологии философско-психологического творчества К.А. Абульхановой. № 5, 5–16.
- Семенов И.Н.** Философско-методологические аспекты зарождения экспериментальной психологии мышления и рефлексии (к 160-летию юбилею О. Кюльпе и 125-летию его Вюрцбургской школы). № 4, 59–68.
- Сергеев С.Ф.** Методологические проблемы инженерной психологии и эргономики техногенного мира. № 3, 25–33.
- Сергеюк А.А., Щербакова О.В.** Забудьте то, что выучили: влияние медитации на намеренное забывание. № 6, 28–42.
- Сергиенко Е.А.** См. Журавлев А.Л. № 3.
- Смирникова О.В.** См. Золотарева А.А. № 6.
- Смирнов И.В.** См. Воронин А.Н. № 6.
- Собчик Л.Н.** Теория и практика психологии индивидуальности. № 6, 119–130.
- Созинов А.А.** См. Александров Ю.И. № 2.
- Созинова И.М.** См. Александров Ю.И. № 2.
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В.** Тренинг как деструктивная онлайн-практика: подростки и молодежь в роли жертв, агрессоров и наблюдателей. № 5, 27–35.
- Сорокин П.С.** Биосоциальная проблема в контексте новой глобальной реальности: фокус на трансформационном потенциале индивида. № 1, 122–126.
- Сорокин П.С.** См. Мироненко И.А. № 4.
- Станкевич М.А.** См. Воронин А.Н. № 6.
- Станкевич М.А.** См. Григорьев О.Г. № 3.
- Станкевич М.А.** См. Григорьев О.Г. № 4.
- Степанова Н.А.** Теоретическая модель структуры свободы в психологии. № 5, 17–26.
- Стояхина Н.Ю.** См. Журавлев А.Л. № 5.
- Сухино-Хоменко Е.А.** См. Александров Ю.И. № 2.
- Толочек В.А.** Условия социальной среды, ресурсы и социальная успешность субъектов: открытые вопросы. № 4, 36–47.
- Туманьян К.Г.** См. Мухамедрахимов Р.Ж. № 4.
- Устин П.Н.** См. Попов Л.М. № 1, 43–50.
- Учаев А.В.** Современные методы выявления скрываемой информации. № 1, 42–50.
- Учаев А.В., Александров Ю.И.** Системный анализ заданного экспериментатором и “свободного” поведения продуцирования лжи. № 6, 43–50.
- Харламенкова Н.Е., Сергиенко Е.А., Тарабрина Н.В.** Основные достижения лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях. № 1, 17–31.
- Холодная М.А.** Светлые и темные стороны рефлексии и арефлексии: эффект расщепления. № 4, 15–26.
- Холондович Е.Н.** См. Журавлев А.Л. № 4.
- Хотинец В.Ю., Леонова Е.Н.** Альтруистическая установка выпускников медицинского вуза как предиктор ориентаций в трудных ситуациях оказания помощи. № 5, 58–70.
- Чвилева О.В.** См. Воронин А.Н. № 6.
- Чегодаев Д.А.** См. Павлова П.А. № 6.
- Черемошкина Л.В., Дюпина С.А.** Мнемические способности студентов с разной степенью погружения в виртуальную реальность. № 3, 102–113.
- Чигарькова С.В.** См. Солдатова Г.У. № 5.
- Чичинина Е.А.** См. Веракса Н.Е. № 1.
- Чудова Н.В.** См. Григорьев О.Г. № 3.
- Чудова Н.В.** См. Григорьев О.Г. № 4.
- Шадриков В.Д., Мазилев В.А.** О психофизическом принципе (предмет психологии). № 3, 15–24.
- Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е., Невский Е.В.** Роль динамических свойств в социальной активности личности. № 3, 69–79.
- Шевелева М.С., Золотарева А.А., Руднова Н.А., Корниенко Д.С., Пермьякова Т.М.** Перфекционизм и феномен самозванца как предикторы увлеченности работой и субъективного благополучия. № 3, 80–88.
- Щербакова О.В.** См. Блинова Е.Н. № 3.
- Щербакова О.В.** См. Сергеюк А.А. № 6.
- Юревич А.В.** Межличностные отношения в СССР. № 3, 122–130.
- Яковлев А.А.** См. Пашнин Е.В. № 1.
- Ярославцева Т.Г.** См. Знаменская И.И. № 2.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

- Журавлев А.Л.** См. Позняков В.П. № 4.
- Журавлев А.Л., Костригин А.А.** Психологическое наследие В.Ф. Рубахина (к 100-летию со дня рождения). № 1, 127–136.
- Журавлев А.Л.** См. Олейник Ю.Н. № 3.
- Костригин А.А.** См. Журавлев А.Л. № 1.

Логинова Н.А. Полвека без Б.Г. Ананьева: творческое наследие ученого в современной Петербургской психологической школе. № 4, 118–126.

Олейник Ю.Н., Разработка проблем истории психологии в трудах В.А. Кольцовой (к 75-летию со дня рождения). № 3, 131–142.

Позняков В.П., Журавлев А.Л. Е.В. Шорохова как экономический психолог (к 100-летию со дня рождения). № 4, 109–117.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гайдар К.М. См. Сарычев С.В. № 1.

Константинов В.В. Шестая международная научно-практическая конференция Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире”. № 5, 121–124.

Ларина Г.Н. См. Сарычев С.В. № 1.

Сарычев С.В., Ларина Г.Н., Гайдар К.М. Социальная психология личности и группы в трансформирующейся России (по материалам Всероссийской научно-практической конференции). № 1, 137–142.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Черемошкина Л.В. Рецензия на книгу В.Д. Шадрикова “Возвращение души: теоретические основания и методология психологической науки”. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021. 210 с. № 2, 142–144.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Валентину Евгеньевичу Семёнову — 80 лет. № 3, 145.

Валерию Николаевичу Носуленко — 75 лет. № 2, 145–146.

Владимиру Петровичу Познякову — 70 лет. № 4, 127–128.

Игорю Олеговичу Александрову — 75 лет. № 5, 125–126.

Ксения Александровна Абульханова. № 3, 143–144.

* * *

Журавлёва Елена Владимировна. № 6, 131–132.

Забродин Юрий Михайлович. № 1, 143–144.

Указатель статей, опубликованных в “Психологическом журнале” в 2022 г. Том 43, № 6, 133–136.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

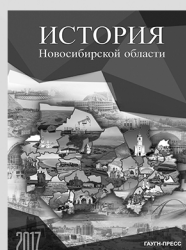
- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

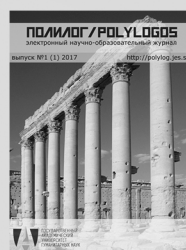
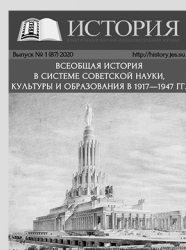
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ Психология

МАГИСТРАТУРА Психология личности Психологическое консультирование

АСПИРАНТУРА Психология

Образовательные программы факультета психологии ГАУГН разработаны сотрудниками Института психологии РАН, которые составляют основу преподавательского состава факультета. Учебные курсы читаются ведущими учеными с большим опытом, а также специалистами из различных областей психологической практики.

В процесс обучения включены как медицинские предметы, так и курсы по психологии в различных сферах деятельности.

Помимо аудиторных занятий и выполнения самостоятельных работ студенты факультета психологии проходят спецкурсы специализации в активной форме: тренинги, мастерские, «разборы полетов» и супервизии.

Начиная со второго курса, студенты получают возможность заниматься научной деятельностью в любой лаборатории Института психологии РАН.

В процессе обучения будущие выпускники получают возможность принимать участие в многочисленных научных форумах и конференциях, организуемых Институтом психологии РАН, что позволяет с первых дней погрузиться в научную среду Университета.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).